

Марина и Сергей
ДЯЧЕНКО

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФЭНТЕЗИ

ВЕДЬМИН ВЕК

ТРИЛОГИЯ

Гиганты фантастики

Марина и Сергей Дяченко

Ведьмин век. Трилогия

«ЭКСМО»

1997, 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дяченко М.

Ведьмин век. Трилогия / М. Дяченко — «Эксмо», 1997,
2020 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-164426-0

Этот мир другой, но он похож на наш. В нем создают ядерное оружие, а высокие технологии развиваются рядом с магией, суевериями и наговорами. Всесильная Инквизиция контролирует ведьм, а нежить возвращается, чтобы увести живых. Ненависть ведет этот мир к апокалипсису, но любовь победит всё – даже законы мироздания. Цикл «Ведьмин век» переведен на английский, немецкий, польский и украинский языки. Он состоит из трех книг: «Ведьмин век» – Премия SFinks, 2004 г. Зарубежный роман года / Зиланткон, 1998 г. Большой Зилант; «Ведьмин зов»; «Ведьмин род». Марина и Сергей Дяченко известны во всем мире. Лучшие фантасты Европы, по версии общеевропейской конференции фантастов «Еврокон-2005». Они написали более 30 романов, сотни повестей и рассказов, и более 30 сценариев для фильмов и сериалов. Лауреатами более 100 премий, отечественных и международных. Создатели многочисленных миров, наполненных настоящими, тонко чувствующими героями, оказавшимися в сложных ситуациях. Психология, метафизика, проблемы общества и много удивительных приключений.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164426-0

© Дяченко М., 1997, 2020

© Эксмо, 1997, 2020

Содержание

Ведьмин век	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	56
Глава 5	75
Глава 6	98
Глава 7	118
Глава 8	137
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Марина Дяченко

Ведьмин век

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Ведьмин век

Глава 1

Впервые за много дней Ивга позволила себе расслабиться.

Человек, все эти дни настороженно ее изучавший, наконец успокоился и даже расцвел. Какая-то ее шутка заставила его хохотать до слез, и, отсмеявшись, он потребовал, чтобы невестка перестала величать его «профессором Митецем», а звала как подобает – «папа-свекор»; Ивга расцвела в ответ и отправилась разводить костер посреди лужайки для пикников.

– ... Чтобы сердушко хотело, а все прочее могло! – Профессор оказался прямо-таки прирожденным балагуром. – Где двое, там вскоре и третий, а где трое, там и пятеро, выпьем же, ребятки, и пусть нас в мире будет больше!..

Красное закатное солнце дробилось в высоких окнах ее будущего дома. Дома под красной крышей, где на фасаде – балкон, увитый виноградом и оттого похожий на этикетку старого вина. Подрагивал в высоте медный флюгер, и Назар топал через двор, неся под мышкой корзинку со снедью и постоянно что-то роняя – то полотенце, то ворох салфеток, то верткую картофелину.

Потом папа-свекор настроил мандолину; в репертуаре этого серьезного и уважаемого человека во множестве водились игривые, а подчас и фривольные песни. От хохота Ивга дважды уронила бутерброд в костер; папа-свекор поблескивал глазами и шпарил такое, отчего даже у Назара на щеках пробивался смущенный румянец.

Потом папа-свекор вдруг прижал струны ладонью, секунду помигал, глядя в костер, – и завел совсем другим голосом что-то напевное и с длинным сюжетом, где морячка махала платочком с берега, а из моря ее окликала русалка с круглым зеркальцем в руке и гребнем в зеленых волосах, и обе они желали заполучить себе красавца капитана.

Назар улегся в траву, и голова его оказалась на Ивгиных коленях. Папа-свекор невозмутимо откупорил следующую бутылку, одним глотком отхлебнул полбокала и запел студенческую лирическую; Ивге захотелось подпеть. Не зная ни слов, ни мелодии, она по-рыбьи открывала и закрывала рот, когда в нежную мелодию вмешался шум далекого мотора.

– Кто-то едет, – сонно сообщил Назар.

Ивга напряглась. Она не любила ни новостей, ни перемен, ни незваных гостей, ни даже веселых сюрпризов. Тем более сейчас, когда она разомлела, расплавилась в своем счастье, будто шоколад в ладони, когда у нее нет сил, чтобы защищать свое хрупкое внутреннее равновесие. Новый визитер – агрессор, непрошено вторгающийся в ее мир, где наконец-то, после стольких мытарств, наступили покой и порядок...

Очень хрупкий покой. Вот – далекий шум мотора, и покоя как не бывало.

Назар с сожалением убрал свою голову с ее колен. Поднялся, радостно ухмыльнулся профессору:

– Па, а у Клавдия новая машина? Зелененький такой «Граф», да?

Папа-свекор сразу же отставил мандолину:

– Клав?! Елки-палки... Ну, дети мои, будем веселиться до утра...

Ивга молчала. Нехорошо, если они заметят ее разочарование. По-видимому, приехал старый друг; по-видимому, его приезду следует радоваться. В конце концов, явление нехорошего, несимпатичного человека вряд ли привело бы папу-свекра в такой восторг. И Назар не стал бы ерничать у ворот, козырять сидящему за рулем наподобие дорожного гвардейца и кататься, как маленький, на железной отползающей створке...

Папа-свекор взял мандолину наперевес:

– А вот сейчас, Рыжая, я тебя с выдающейся личностью... Рыжая, что с тобой?!

Зеленая машина неторопливо въехала во двор. Аккуратно и вежливо, будто живое и воспитанное существо, – но фары, прикрытые щитками, показали Ивге мутными глазами чудовища. Кусок бутерброда встал у нее в горле – ни проглотить, ни выплюнуть; из закоулков ее тела поднимались тошнота и муть. Она помнила это ощущение – но тогда, в первый раз, оно было неизмеримо слабее. Теперь же...

– Ивга, что с тобой?!

Назар уже тряс руку того, кто вышел из машины; Ивга видела только спину пришельца, обтянутую светлой рубашкой. Черноволосый ухоженный затылок, гладкий, волосок к волоску...

– Ивга, да что ты?..

– Замутило, – выдавила она с трудом. – Папа-свекор, извините, мне бы в дом... Прилечь...

Прямо перед ней оказались его встревоженные, подозрительные и одновременно радостные глаза:

– Рыжая?! Ты, что ли?.. Дедом я буду, нет?..

Назар уже вел прибывшего к костру; теперь Ивга могла рассмотреть смеющееся лицо нежданного гостя. Совершенно незнакомое. Нет, не его она видела в тот раз, нет...

Почуввав неладное, Назар перестал улыбаться и в два прыжка оказался рядом. От прикосновения его рук сделалось легче – впрочем, ненадолго.

– Извините. – Она вымученно растянула губы, стараясь смотреть мимо гостя.

А гость все еще улыбался. Кажется, сочувственно.

Назар взял ее на руки. Прижал к себе крепко, будто котенка; понес к дому, ошарашенно заглядывая в лицо:

– Ну, Рыжая... Или ты съела чего-нибудь, или... Ну, Рыжая... Слушай, а врача не надо?..

Она улыбнулась так успокаивающе, как только могла.

Он внес ее на крыльцо. Невзирая на протесты, втащил на второй этаж – легко, только ступеньки жалобно скрипнули; коленом открыл дверь в ее комнату, уложил на кровать и уселся рядом, не выпуская ее руки.

– Стыдно, неудобно... – Она прикусила губу.

Назар мотнул головой, стряхивая со лба жесткую челку. Ободряюще улыбнулся:

– Не бери в голову... Клавдий – свой человек...

Ивга вздохнула – глубоко, так, чтобы воздух дошел до самых пяток. Тошнота уходила, но лихорадочная дрожь оставалась. Бедный Назар; какая неожиданная получилась ложь. И как он искренне обрадовался... Она, выходит, зря морочила себе голову, и все эти слезы в подушку были тоже напрасно. Назар...

Она испытала прилив нежности, такой, что пришлось отвернуться и спрятать лицо в подушке. Нежность – и стыд. Потому что она невольно обманула, потому что причина ее сегодняшнего недомогания не имеет ничего общего с радостным ожиданием потомства...

– Рыжая, а?..

Она провела пальцем по синей жилке на его твердой мускулистой руке:

– Неудобно. Пойди к ним, скажи... Я сейчас оклемаюсь.

Он сглотнул. Снова спросить не решился; погладил ее по щеке. Встал, отошел к двери; вернулся снова. Поцеловал ее в макушку. Сорвался с места, беззвучно подпрыгнул до потолка и качнул тяжелую люстру, так что звякнули гроздь подвесок.

– Пацан... – Ивга через силу улыбнулась. – Послушай... А Клавдий – кто?

Он поднял брови:

– В смысле?

Она молчала, не умея сформулировать свой вопрос.

– Клавдий, – Назар почесал за ухом, – замечательный мужик, папин старый друг... Ну, еще он Великий Инквизитор города Вижны. Вот и все.

– Ага. – Ивга прикрыла глаза. – Иди...

Деревянная лестница снова вскрикнула – потому что Назар прыгал через две ступеньки. Ивга лежала, глядя на тени на потолке, и прохладная постель жгла, будто сковородка.

* * *

Оба молчали, и достаточно долго. В словах не было нужды; оба безмолвно наслаждались летним вечером, дымом костра и обществом друг друга. Гость лениво шурился, и огонек возле его губ неспешно пожирал тонкое тельце дорогой сигареты; хозяин вертел над огнем кусочек ветчины на острой палочке.

Потом из дому вышел Назар. Виновато улыбнулся, подошел к костру:

– Клавдий, вот так получилось... А я хотел вас познакомить.

Тот, кого звали Клавдием, понимающе прикрыл глаза.

– Что ж ты ее бросил? – сварливо спросил профессор социологии Юлиан Митец. – Оставил одну?

Назар заволновался:

– Я, собственно, только Клавдию хотел, ну она прощения просила...

Гость нетерпеливо махнул рукой – понял, мол, не болтай чепухи. Назар еще раз виновато улыбнулся и поспешил обратно; двое мужчин у костра проводили его взглядом.

– Ты помнишь? – негромко спросил профессор Митец. – Относительно Назара. Я опасался...

Тот, кого звали Клавдием, кивнул:

– Ага... Он у тебя все никак не вырослел.

Профессор Митец торжествующе улыбнулся:

– Что делают с нами женщины, Клав!.. Выпьешь?

Гость загадочно улыбнулся и вытащил из внутреннего кармана небольшую бутылку, плоскую, как камбала:

– А я вот вчера только из Эгре, столицы, понимаешь, виноделия... И там мне всучили такую вот взятку. Завидно?..

– Не может быть! – воскликнул профессор с театральным изумлением. – Но как кстати, Клав, удивительно кстати!..

Оба знали толк в вине, а профессор еще и пил с видом знатока, тщательно и сосредоточенно, как заправский дегустатор. Гость удовлетворенно усмехался.

– А у меня будут внуки, – сообщил, наконец, профессор Митец, любуясь рубиновой жидкостью на дне. – Полным-полно, целый дом внуков... Я так и думал, что ты опять мотаешься по провинциям. Я звонил.

– Труды, – неопределенно отозвался гость. – Праведные труды на благо... или во благо. У тебя будет красивая сноха, Юль. Когда свадьба?

Профессор, довольный, кивнул:

– Думаю, где-то в октябре.

– Вы еще не назначили? – удивился гость.

Профессор развел руками:

– Не смейся, я всего неделю как... Как Назар меня познакомил. И ведь еще боялся, что рассержусь...

– Но ты не рассердился, – кивнул тот, кого звали Клавдием. – И правильно сделал.

Профессор поднял с травы свою мандолину. Глядя, как он заботливо подтягивает струны, гость выудил из узкой золотистой пачки новую обреченную сигарету.

– Юлек...

Профессор отчего-то вздрогнул. Оторвался от своего занятия, удивленно уставился на гостя:

– А?..

Тот, кого звали Клавдием, извлек из догорающего костра ветку с угольком на конце:

– Юлек... Вот пес, не знаю, как и сказать.

– Ведьм своих по подвалам пугай, – пробормотал внезапно помрачневший профессор. –

Меня не надо... Ну?

Гость закурил. Глубоко затянулся, не сводя с приятеля прищуренных, чуть воспаленных глаз:

– Ты, конечно же, знаешь, что она ведьма?

– Кто? – глупо спросил профессор.

– Твоя сноха. – Гость затянулся снова. – Будущая сноха... Как ее, кстати, зовут?

– Ивга, – механически ответил профессор. Потом вдруг резко поднялся со своего чурбачка. – Что?!

– Ивга, – раздумчиво повторил тот, кого звали Клавдием.

– Ты соображаешь, что говоришь? – глухо поинтересовался профессор. Его собеседник кивнул:

– Юлек... За двадцать пять лет этой каторжной работы... Я определяю *их* даже по паршивым черно-белым фотографиям. И, что самое печальное, *они* меня тоже чувствуют... Им от меня дурно. Вашей Ивге стало плохо не потому, что она беременна, а потому, что рядышком оказался злобный я.

Профессор сел. Подобрал брошенную мандолину.

– Плохо, что ты не знал, – сообщил тот, кого звали Клавдием. – Я рассчитывал, что... Но это простительно, Юль. Они, особенно молодые, особенно из глухой провинции... Очень боятся. Может быть, Назару она сказала?

– Помолчи, – пробормотал профессор, методично подтягивая и подтягивая струну. – О, зараза!..

Вырванный колок от мандолины оказался у него в руках. И сразу же после этого – в костре; потревоженные угли вспыхнули ярче – и успокоились снова.

Его собеседник выждал паузу. Вздыхнул:

– Ничего страшного не случилось. Я сто раз видел счастливые семьи, в которых жена была ведьма. Ты знаешь, сколько в одной только столице легальных *их*? Тех, что мы попросту держим на учете?

Оборванная струна на мандолине профессора Митеца свернулась спиралью, будто виноградный ус.

– Юлек...

– Замолчи.

Из дому вышел Назар. Слегка сбитый с толку, даже огорченный:

– Она сказала, что поспит... Но ей вроде бы лучше... Папа?!

Профессор отвернулся:

– Будь добр... будь добр, походи и свари нам кофе.

Парень не двинулся с места. Когда он нервничал, ресницы его часто моргали – почти как у куклы, которую мелко трясут. Нервный тик.

– Папа...

– Назар.

Гость неожиданно усмехнулся:

– Все в порядке, Назарушка. Иди...

Оба напряженно молчали, пока за парнем не закрылась дверь кухни. И потом промолчали еще несколько долгих тягостных минут.

– Юлек, – медленно проговорил гость. – Ты разумный человек... всегда был. А теперь, вот зараза, я начинаю думать, что лучше бы мне этот маленький факт – сокрыть. Чтобы когда-нибудь потом, в спокойной обстановке...

– Ты соображаешь?..

Профессор отшвырнул от себя мандолину. Так, что она жалобно бренькнула, угодив на камушек в траве. Гость неодобрительно пожал плечами – но на этот раз промолчал.

– Ты... – Профессор перевел дыхание. – Ведьма... В моем доме... С моим сыном... Тайно... Как гадко. Какая гадость, Клав...

Он поднялся, сунув руки глубоко в карманы; голос его обрел требовательные нотки:

– Я прошу тебя, Клавдий, поговорить с Назаром прямо сейчас. Я не желаю... Ни минуты...

– Юль? – Тот, кого звали Клавдием, удивленно поднял брови. – А что я, по-твоему, могу сказать Назару? В конце концов, если он ее любит...

– Любит?!

Некоторое время профессор кружил вокруг костра, не находя слов. Потом уселся на место – и по выражению его лица гость понял, что Юлиан Митец наконец-то взял себя в руки, надежно и крепко.

– Я так понимаю, – бесцветным голосом начал профессор, – что ты по долгу службы должен ее забрать? Для учета и контроля?

– По долгу службы, – гость в задумчивости закурил третью сигарету, – этим занимаются несколько другие люди. Вот распорядиться, чтобы ее забрали, – это я, в самом деле...

– Попрошу тебя – только не в моем доме, – уронил профессор все так же бесцветно и глухо. – Я не хотел бы...

– Да нет никакой необходимости ее брать! – Его собеседник сощелкнул с элегантных серых брюк черную снежинку кофты. – Она сама придет куда надо, и, уверяю тебя, ни один сосед...

– Мне начхать на соседей.

Лицо профессора налилось желчью. Всякий, кто час назад был свидетелем праздника с песнопениями, поразился бы случившейся с Митецем перемене.

– Мне начхать на соседей. А вот на сына мне не начхать; инициирована ведьма либо нет... Ты смотришь на все это глазами, зараза, специалиста, а я... – Профессор осекся. Перевел дыхание, поднялся, намереваясь идти в дом.

– На месте твоего сына я бы ослушался, – негромко сказал ему в спину тот, кого звали Клавдием.

* * *

Назар явился через полчаса; о человеке, пережившем потрясение, принято говорить, что он внезапно постарел. С Назаром случилось обратное – молодой мужчина, который не так давно на руках внес в дом свою будущую жену, теперь казался испуганным и смертельно обиженным мальчиком:

– Клавдий?..

За время, проведенное в одиночестве, друг семьи успел прикончить пачку своих замечательных сигарет и теперь смотрел, как изящная картонная коробочка догорает в костре.

– Назарушка, она бы тебе сама сказала. Не сегодня-завтра... Но не посвятить твоего отца я не мог. Это было бы, м-м-м... некрасиво с моей стороны. Непорядочно. Да?

Назар шумно сглотнул:

– А может так быть, что она и сама не знает? Вдруг?..

Некоторое время Клавдий раздумывал, а не соврать ли. Потом вздохнул и покачал головой:

– Увы. *Они* всегда и все про себя знают.

– Она мне врала, – сказал Назар глухо.

Клавдий удрученно пожал плечами.

* * *

Ивга не спала – лежала, натянув на голову одеяло, уткнувшись носом в подтянутые колени и воображая себя улиткой. В домике, в раковине, уютно и тепло, все, что за стенками раковины, безразлично и безопасно...

Потом у нее кончилось воображение, а вечер все не кончался; кто-то ходил по дому, кто-то вполголоса переговаривался, потом ей послышался звук заводимого мотора.

В какой-то момент она почти поверила, что кошмар закончился и все обошлось, что Великий Инквизитор сейчас уедет и все останется по-старому...

В этот самый момент и пришел Назар. Не зажигая света, молча остановился в полумраке, у самой двери; Ивга напряглась, но первой вступить в разговор у нее не хватило смелости.

– Как ты? – спросил Назар, и она поняла, что он уже все знает. – Как ты себя чувствуешь?

Как я себя чувствую, спросила себя Ивга. Как вошь в парикмахерской – легкий дискомфорт...

Назар молчал; под его взглядом лежащая в темноте Ивга действительно ощутила себя вошью в пышной шевелюре – мелкая тварь, обманом проникшая в этот прекрасный и прекрасный мир.

– Ну спокойной ночи, – сказал Назар деревянным голосом и прикрыл за собой дверь.

Несколько минут Ивга лежала неподвижно, вцепившись зубами в собственную руку. Потом вскочила, включила торшер и судорожно принялась собирать вещи.

Лихорадочная работа помогла ей на короткое время освободить себя от мыслей; она потрошила шкаф и выворачивала тумбу, а тряпок обнаружилось неожиданно много, а старенькая дорожная сумка, Ивгина спутница в странствиях, оказалась маленькой и невместительной.

Она отвыкла от такой жизни. Когда все имущество – в потертой спортивной сумке. Ох, как она отвыкла, расслабилась, разомлела...

Осознание потери проткнуло ее, будто ржавой иглой, она опустила руки, села на пол и закусила губу, чтобы не разреветься. Потом, потом, все слезы – потом...

Она все-таки расплакалась бы, если бы не другая мысль, положившая ледяную лапу на вздрагивающее плечо: Инквизиция. Не та провинциальная, от которой она много раз уворачивалась; настоящая Инквизиция, Великая Инквизиция, разъезжающая в «Графах», шикарных машинах цвета сочной жабы...

Ивга погасила торшер, едва не оборвав шнурок-выключатель. Неслышно подошла к окну; дивный летний вечер благополучно сменялся дивной же ночью, звездной, сверчливой и совершенно безмятежной. Вчера в это же самое время они с Назаром...

Ивга шлепнула себя по лицу. Удар оборвал мысль, и острая внутренняя боль сменилась болью простой и вульгарной; Ивга видела в темноте неважно, но все же лучше, чем любой другой человек...

Если он не ведьма или не инквизитор.

Ее сумка вздулась, как коровий труп. Как тот, что она видела в детстве у дороги, и впечатлений хватило надолго...

Она прерывисто вздохнула.

Большую часть Назаровых подарков пришлось безжалостно выкинуть. Она избавилась бы от них полностью, но теплая серая куртка ох как пригодится, если зарядят дожди, а в новых кроссовках так удобно идти по пыльной дороге – с утра и до вечера...

Потом среди вещей она наткнулась на белую рубашку Назара – и две долгих минуты сидела, прижавшись лицом к пустому безвольному рукаву. Воротник пропитан был Назаровым запахом – она чуяла запахи не очень хорошо, но все же лучше, чем любой другой человек...

Если он не ведьма... Или не инквизитор...

Ей остро захотелось хоть что-нибудь взять на память. И написать для Назара хоть слово, хоть букву... Невыносимо, если он будет думать о ней...

...так, как она того заслужила.

Открыв дверцу шкафа, она долго глядела в ясное, но запылившееся зеркало. Рыжая, с провинциально круглыми щеками и наивными веснушками на все лицо, с чуть вздернутым носом, с по-детски пухлыми губами... и взглядом матерой, но очень усталой и очень несчастной лисицы.

Сезон охоты открыт...

Слово «Инквизиция» подхлестывало, как кнут. Неслышно ступая в полной темноте, Ивга шире отворила окно, забросила за плечо сумку и легко перемахнула через подоконник.

Второй этаж ее бывшего будущего дома сошел бы и за невысокий третий; некоторое время они сидела в траве, ожидая, пока утихнет боль в ушибленных ногах. В комнате Назара было темно; в буфетной горел свет. Чем сейчас занимается бывший папа-свекор? Можно вообразить, какое лицо у него было, когда...

На этот раз она не стала бить себя – шлепок может донестись до чужого уха. Она свирепо ущипнула себя за ляжку – и ненужная мысль оборвалась. Вот как просто, только синяк будет лиловый и противный. Хорошо хоть, Назар его не увидит...

Она сорвалась с места. Замерла за углом, там, куда не достигал свет фонаря; ветка яблони с крохотными недорослями-яблочками жалобно поскребывала кирпичную стену. И тень от нее падала изломанная, жалкая...

Задержав дыхание, Ивга осторожно выглянула; калитка запирается на простой крючок, и у калитки в этот поздний час не было ни души – и все же сердце ее стукнуло обреченно и глухо.

Машина. Зеленый «Граф» стоял все там же, где подбежал к его дверце веселый Назар...

Что такое, ведь она слышала шум мотора?! Может быть, это папа-свекор вывел из гаража свою...

– Ивга.

Рядом. За спиной. Муторные, липкие мурашки; как она не почувствовала приближения?..

– Не волнуйся... Я не собираюсь тебя трогать.

– Вы меня уже тронули, – сказала она шепотом, не оборачиваясь. Хотя могла бы и не дерзить.

– Извини, – сказал Великий Инквизитор города Вижны. И, кажется, сделал шаг вперед, потому что Ивга мгновенно ощутила и тошноту, и слабость – правда, в каком-то щадящем, придавленном варианте. Вероятно, он умеет *этим* управлять.

– Я хочу уйти, – сказала она, прижимаясь спиной к стене – как раз под жалобной яблоневой веткой. – Можно?

– Можно, – неожиданно легко согласился инквизитор. – Но я бы на твоём месте дождался утра. Как-то это... мелкогато. Смахивает на бегство. Да?

– Да. – Она кивнула, прижимая свою сумку к груди. – Что вы будете со мной делать?

– Лично я – ничего. – В голосе инквизитора ей померещилась укоризна. – Но если ты в течение недели не станешь на учет – тебя могут наказать. Общественными работами в ком-

паниии подобных тебе, неинициированных, но в большинстве своем обозлившихся и несимпатичных. Зачем?..

– Вам-то что, – сказала она в стену. Тошнота подбиралась все выше – еще чуть-чуть, и разговор с инквизитором прервется самым непотребным образом.

– Куда ты пойдешь? Темной ночью, на шоссе?

Она дышала часто и глубоко. Ртом.

– Если... – каждое слово давалось с усилием. – Вы... предложите подвезти меня до города... то я откажусь.

– Зря, – констатировал инквизитор. – Но – дело твое... Иди.

Она забросила сумку на спину; тень ее походила на старого больного верблюда.

– Ивга.

Она подавила в себе желание обернуться; в ее опущенную руку скользнул жесткий картонный прямоугольник:

– Если возникнет надобность... А она-таки возникнет. Не побрезгуй, возьми и позвони. В конце концов, я Назара... помню вроде как с пеленок. Я к нему в какой-то степени привязан... Я смогу тебе помочь ради него. Не будем делать глупостей, да?

– Да, – сказала она хрипло.

Миновала калитку – калитку ее бывшего будущего дома!.. Прошла мимо дома соседей; на втором этаже из-за тонкой шторы интимно проглядывал ночник и о чем-то вполголоса бормотал магнитофон. Вероятно, о вечной и верной любви.

Ивга подавила в себе очередной всплеск отчаяния; остановилась под фонарем, с усилием разжала намертво стиснутую, мокрую ладонь.

«Великий Инквизитор Клавдий Старж, Вижна. Дворец Инквизиции, приемная, телефоны... Домашний адрес: площадь Победного Штурма, восемь, квартира четыре... Телефон...»

Ивга сглотнула; с трудом скомкала немнущийся картон и засунула в щель между фонарным столбом и чьим-то вычурным забором.

На ладони остался красный прямоугольник воспаленной кожи. Будто от ожога.

* * *

Рейсовый автобус посетил ее на рассвете, когда она уже перестала ждать.

Продремав несколько часов на остановке, на жестком сиденье пустого павильончика, она проснулась от холода и сплясала на влажном шоссе некое подобие зажигательной мамбы; жаль, что Назар не был свидетелем этой пляски отчаяния. Прыгая на скользкой дороге, Ивга молча высказала миру свое нелестное о нем мнение.

Так случилось, что она обессилела и согрелась одновременно; в этот самый момент судьба милостиво потрепала ее по щеке: из-за далекого поворота выглянул автобус, красный, как осенняя рябина.

В салоне было тепло, даже душно; по узкому коридору между мягких спинок и дремлющих людей Ивга пробралась в самый конец автобуса и уселась на пустующее сиденье рядом с унылой женщиной, чье лицо до глаз утопало в отверстии теплого свитера.

Пожилой пассажир в кресле напротив шелестел газетой; заголовки были все какие-то безликие, бесформенные, ватные, Ивге бросилась в глаза одна только фраза: «И поскольку агрессивность любой ведьмы с годами нарастает...»

Пожилой пассажир перевернул газету, не позволяя Ивге приглядеться.

Женщина, сидевшая рядом, казалась крайне изможденной и, скорее всего, нездоровой; над широким воротом свитера смутно белел бескровный лоб, под редкими бровями устало мигали тусклые отрешенные глаза. Другим соседом Ивги был сладко дремлющий парень в

куцей рыбацкой курточке, и огромные мосластые руки до половины вываливались из слишком коротких рукавов. Вот и все. Ивга закрыла глаза.

Ей тут же привиделось, что она спит на кровати Назара в его тесной городской квартире; над демонстративно бедным и несколько безалаберным студенческим жилищем плывет, раздувая паруса, роскошный абажур в виде пиратского судна – Назар неделю любовался им в витрине антикварной лавки, а когда наконец явился покупать, за прилавком обнаружилась огненно-рыжая девушка с простоватым лицом и глазами веселой лисицы...

Ивга улыбалась во сне. Рука ее, вцепившаяся в подлокотник кресла, пребывала сейчас на жестком плече спящего Назара; парусник светился изнутри, и потому на всех предметах в этой тесной комнатухе лежали причудливые тени. Мягко покачивалась палуба...

Потом дрогнула и замерла; чем так просыпаться, лучше вообще никогда не смыкать глаз. Автобус стоял... и в тишине салона было что-то неестественное.

– Уважаемые пассажиры, служба «Чугайстер» приносит извинения за небольшое неудобство...

Ивга открыла глаза. Мосластый парень тоже проснулся и испуганно вытаращился на стоящих в проходе.

Их было трое, и им было тесно. Тот, что скороговоркой произносил давно заученную фразу, был жилист и сухощав, двух других Ивга не рассмотрела. На всех троих поверх облегающего черного костюма была небрежно накинута свободная жилетка из искусственного меха; у каждого на шее болталась на цепочке серебряная пластинка-удостоверение.

В салоне молчали. Ивга, внутренне сжавшись, опустила голову.

– Плановый досмотр, – вполголоса продолжал сухощавый. – Попрошу всех оставаться на своих местах... Лиц женского пола попрошу смотреть мне в глаза.

Ивга втянула голову в плечи.

Пластиковая дорожка на полу чуть поскрипывала под мягкими шагами сухощавого; двое его сотрудников следовали за ним на расстоянии метра. Что-то возмущенно сказала дородная женщина в первых рядах – чугайстеры не удостоили ее ответом. Ивга слышала, как расслабляются, даже шутят те пассажиры, что остались у троицы за спиной; соседка Ивги, та, что в теплом свитере, утонула в воротнике по самую макушку.

Сухощавый остановился перед Ивгой. Ивга через силу подняла глаза – будто решаясь на тягостную, но необходимую медицинскую процедуру. Поймав ее затравленный взгляд, чугайстер хищно подался вперед, его глаза ухватили Ивгу и поволокли в невидимую, но ясно ощущаемую пропасть – но на полпути разочарованно бросили, будто мешок с тряпьем.

– Ведьма, – сказали губы сухощавого. Вернее, собирались сказать, потому что в ту же секунду тесное пространство салона прорезал крик.

Та, что сидела рядом с Ивгой, женщина в теплом свитере, кричала, и ее голос ввинчивался в уши, нанизывая на себя, как на вертел. Отшатнувшись в сторону, Ивга почти упала на мосластого парня.

Бескровное лицо, наконец-то вынырнувшее из серого воротника, было перекошено ужасом; изможденные руки, которыми женщина пыталась заслониться, казались когтистыми птичьими лапами:

– Н-нет... Не...

Двое, выступившие из-за спины сухощавого, уже тащили упирающуюся женщину к выходу; вслед за ними по обмершему, парализованному криком автобусу полз шепоток: навка... нава... навь... навка...

Сухощавый помедлил. Снова искоса взглянул на Ивгу, провел пальцем по губе, словно стирая прилипшую крошку. Постоял, будто раздумывая, – и двинулся к выходу. «Навка... здесь... в автобусе... навка», – бормотали возбужденные, слегка охрипшие голоса.

В двери чугайстер обернулся:

– Наша служба благодарит вас за искреннее содействие, проявленное при задержании особо опасного существа, именуемого навью. Счастливого пути...

Не желая смотреть, Ивга все же повернула голову и взглянула в окно.

Та, что еще недавно сидела с ней рядом, все еще кричала, только крик стал глуше, и толстое автобусное стекло смогло почти полностью его поглотить. Навка стояла на коленях, на обочине, и неестественно огромные глаза были подернуты пеленой ужаса. Широко разевался рот; Ивге казалось, что она слышит, как вместе с криком вылетают слова бессвязной мольбы.

Сухощавый и двое его сотрудников неторопливо окружили навку, сделав ее центром равнобедренного треугольника; их выброшенные в стороны руки на мгновение соприкоснулись – будто чугайстеры собрались завести вокруг своей жертвы хоровод. Навка закричала с новой силой – в этот момент автобус тронулся.

За окном плыли деревья и отдаленные покатые крыши; через несколько минут Ивга поняла, что сидит, навалившись всем телом на мосластого парня, и тот не решается ее отстранить.

В автобусе говорили все разом; плакал ребенок. Кто-то громко бранился вслух, кто-то хихикал, кто-то смеялся; большинство возмущались. Что навок стало слишком много. Что служба «Чугайстер» ловит их слишком медленно. Что отлов навок в общественных местах безнравственен, все равно что отстрел бродячих собак на детской площадке. Что власти бездействуют, налоги идут в никуда, и город вот-вот захлебнется в нечисти: навки, да вот еще ведьмы...

– Простите, – сказала Ивга мосластому парню. Парень глупо улыбнулся.

Кресло справа от Ивги пустовало; над ним на багажной полке покачивался аккуратный полиэтиленовый пакет. Его хозяйки сейчас наверняка нет в живых.

Впрочем, ее нет в живых уже достаточно давно. Навку нельзя убить – она и без того мертва; навку можно лишь выпотрошить, уничтожить, и чугайстеры знают в этом толк...

Ивга видела. Однажды. Чугайстеры не смущаются ничьим присутствием и не боятся никаких свидетелей; в их откровенности есть что-то непристойное. Обычно они не уводят жертву дальше чем за угол соседнего дома. Прямо на улице, прямо во дворе они справляют ритуал, который уместнее было бы проводить в безлюдном подземелье. Даже дети становятся иногда свидетелями танца чугайстеров – а потом ночью мочат простыни: чугайстеры убивают навку, танцуя. Танец опутывает их жертву невидимыми сетями, душит и опустошает; навку после развоплощения Ивга тоже видела. Вернее, могла бы увидеть – но испугалась, не стала смотреть...

Под самым окном проплыли согбенные плечи спешащего по своим делам велосипедиста. Ивга слотнула; по сравнению с чугайстерами Инквизиция представляется почти что Дедом Морозом. Добреньким таким старичком, который сперва раздает подарки паинькам, а потом в освободившийся мешок сует прочих, непослушных...

Мосластый парень, возомнивший, вероятно, что, подержав Ивгу на своих коленях, приобрел на нее некоторые права, вдруг разудало подмигнул. Ивга с отвращением отвернулась.

* * *

Клавдий никогда не гонял машину. Даже теперь, на пустынной загородной трассе, он не летел сломя голову, как требовали того нерастраченные силы «Графа». Он просто ехал – неторопливо, хоть и не слишком медленно; в дороге следовало отдыхать, а не развлекаться. Острых ощущений Великому Инквизитору хватит и без гонок, а в последнее время даже с избытком...

Он привык доверять своей интуиции. Если неприятное, но рядовое, в общем-то, событие отзывается смутной тревогой, которой давно пора бы рассеяться, а она все не проходит, – значит, надо попытаться эту тревогу осознать. Откуда?..

Клавдий ехал сквозь реденький утренний туман, и на сиденье рядом с ним ехала наполовину пустая пачка тонких дорогих сигарет. Клавдий курил, выставив локоть в окно; сбоку на ветровом стекле лепилась картинка: озорная девчонка верхом на помеле, с игриво обнаженной ножкой, с обаятельными ямочками на розовых щеках; люди боятся ведьм. Кому, как не Клавдию, видеть мощные корни всех этих страхов. Если бы Юлиан Митец знал о ведьмах то, что по долгу службы знает Великий Инквизитор, он сжег бы Ивгу прямо на лужайке своего дома. На костре для пикников...

Нет, и все-таки. Что за цепь событий застряла в памяти, не желая показываться на поверхность – но и забываться тоже не желая? Откуда ощущение опасности, предчувствие беды?..

Собственно, девчонку не следовало отпускать. Просто неохота было устраивать безобразную сцену насилия на глазах у двух идеалистов – старого и молодого. Стыдно показывать давнему другу профессиональное умение выкручивать руки... И кому – девушке, успевшей сделаться для них своей, почти родной...

Он поморщился, вспомнив, как плакал Назар. Забившись в угол, безутешно и по-детски. И как неуместны оказались жалкие попытки лекции на тему «Ведьма – тоже человек»...

А вот Юлиан – тот определенно обиделся. В конце концов, друг вправе ждать от друга помощи в трудную минуту, помощи, а не отвлеченных рассуждений. И он, Клавдий, мог-таки оказать эту помощь – рассказать Назару несколько случаев из практики, чтобы он, вчерашний влюбленный, явился к костру со своим поленцем...

Дорога повернула; Клавдий притормозил. На обочине стояла машина чугайстеров – светлая, с желто-зеленой мигалкой на крыше.

Он утопил в пепельнице догоревшую сигарету и согнал с лица невольно проступившую брезгливость. Двое здоровенных мужиков паковали в пластиковый мешок нечто, недавно бывшее навкой; третий стоял у дороги и тоже курил. Зеленый «Граф» интересовал его не больше, чем на глазах редяющий туман.

Клавдий подавил желание остановиться. В конце концов, служба «Чугайстер» никогда не вмешивалась в дела Инквизиции; кем бы ни была та несчастная, останки которой сейчас складывают в мешок, прежде всего она была навкой, ходячим трупом, существом, несущим смерть...

Его передернуло. Машина с мигалкой и люди на обочине давно остались позади, а он курил и курил, и шарил в ящичке, на ощупь разыскивая новую, от себя же припрятанную пачку.

(Дюнка. Июнь)

– ... Не спрашивай, по ком ползет муравей. Он ползет по тебе.

Песок был странного цвета. Ярко-желтые пятна чередовались со светло-серыми, твердая корочка, оставшаяся после реденького вчерашнего дождя, послушно ломалась под босыми ногами, и в ямках-следах хозяйничали муравьи. Смирные, черные, некусачие.

– ... на тот берег?

Дюнка улыбалась.

По-видимому, все это когда-то уже с кем-то случилось. Слишком знакомо подавался под пятками теплый песок. Пахло водой и лозами.

– Как хорошо, – сказал он удивленно. – Слушай, просто здорово, а?

(Его хваленая интуиция молчала, будто глухонемая.)

Дюнка подкалывала волосы. Его всегда удивляло, как можно внятно разговаривать, держа во рту полдесятка шпилек:

– Так поплывем или нет?

На другом берегу стояли сосны. Пять высоких стволов над зарослями вербы. По устилающей песок хвое перебежками путешествовала большая белка.

– Ты же знаешь, как я плаваю... – Он задумчиво почесал кончик носа.

Дюнка хлопнула ресницами. С однокурсниками она умела быть вполне бесцеремонной, однако любая бестактность в отношениях с Клавом повергала ее в панику. Сейчас она, кажется, ухитрилась задеть его самолюбие, потому что до того берега ему явно не доплыть.

– Тогда на бублике покатаемся...

Обладателями «бублика» были трое парней на трех потертых ковриках, с тремя стреноженными мотоциклами на заднем плане. Парни пили лимонад и лениво перебрасывались какими-то игральными фишками; рядом, у самой воды, лежала и высыхала огромная камера от самосвала – частью серая, как сухой асфальт, частью черная, блестящая, будто тюлень. Клав поднял брови: просить что-либо у этих ребят он в здравом уме не стал бы.

Но Дюнка уже шла по песку, шла напрямиком к парням, и Клав увидел с невольной ревностью, как три пары мутных глаз отрываются от фишек и в них, в глазах, загораются задевающие Клава огоньки. А Дюнка идет, в купальнике цвета змеиной чешуи, идет и несет на голове, будто кувшин, дерзкую высокую прическу...

Клав напрягся. Шутки шутками, но если эти лбы позволяют себе что-нибудь *такое*... Или что-нибудь, что Клав сочтет *таким*...

Нет, не позволят. С Дюнкой – нет. Она уже говорит о чем-то, указывает на камеру-«бублик», и в голосе ее нет ни смущения, ни вызова, ни развязности, ни страха. Дюнка умеет разговаривать хоть с овцой в загоне, хоть с волком в лесу, хоть с директором лицея господином Федулом. И, кажется, все это не доставляет ей труда...

Сложнее всего ей дается общий язык с Клавом. Она патологически боится его обидеть. Она ни капельки не умеет скрыть свою привязанность, за это ее бранят подруги...

Камера покачивалась на воде, и она перестала быть серой. Черная, как морское чудовище.

– Господин Старж, поднимитесь на палубу! Господин Старж, с нашего корабля уже убежали все крысы, вы можете спокойно лезть на капитанский мостик! Эй, господин Старж, еще секунда промедления, и команда поднимет мятеж!

Он всегда с опаской относился к воде и потому взобрался на камеру раньше, чем ноги его перестали доставать до дна. Вода вокруг кипела – Дюнка била руками, дробя солнечные блики, ныряла, сверкая змеиной чешуей купальника, и у Клава захватывало дух. Дюнка была как теплый морской змей. Клав не знал, что змеи бывают такие... нежные.

Он зажмурил глаза. Понял вдруг, что счастлив. Мгновение острого счастья, которое нельзя удержать, можно только запомнить. А потом вспоминать долго, долго...

Дюнка почувствовала его настроение. Перестала барахтаться, сосредоточенно вытолкала камеру подальше от пляжа, поближе к стене камыша, где дремал в лодке колоритный пожилой рыболов.

– Ты знаешь, Клав...

Голос ее казался чуть охрипшим.

– Знаешь, Клав... А давай поженимся? Завтра, Клав, пойдем и поженимся, вот смеху-то будет!..

– Завтра, – он наставительно поднял палец, – завтра у меня экзамен. Общая история.

– А послезавтра у меня, – огорчилась Дюнка. – Когда же мы поженимся? А?

Клав с беспокойством ощутил, что не понимает, шутит Дюнка или нет. Или здесь только доля шутки? Скажем, процентов шестьдесят?..

Он тряхнул головой. Дурацкие экзамены, башка набекрень, самые простые мысли приходится подсчитывать в процентах...

Тихонько чмокала вода, заключенная в кольцо самосвальной камеры. Клав казалось, что сквозь это круглое черное окошко он видит дно, зеленую поросль со светлыми песчаными проплешинами. И мелькали Дюнкины ноги – длинные, цвета белой черешни.

– А у меня тут иллюминатор, – похвалился он. Дюнка улыбнулась.

В следующую секунду она ушла под воду. Соскользнула, как морской змей. Ноги ее пропали из круглого окошка, камера качнулась – и Клав увидел Дюнкино лицо.

Она заглядывала в иллюминатор снизу, из-под воды. Клав задержал дыхание – подводная Дюнка улыбалась сомкнутым ртом. Как из старинной рамы. Будто из глубины зеркала. И как ей удается так долго не дышать?!

...Камыши трещали. Самосвальная камера раздвигала их, как ледокол разгребает льды. Пожилой рыболов, кажется, проснулся.

Дюнкины губы были холодными, как рыбки. Она слишком долго сидела в воде, зато Клав, кажется, сжег на солнце белую спину, и завтра на экзамене его будет колотить лихорадка... Плевать.

Он решил пока не говорить ей. Пусть это решение пока останется его личной тайной – она ведь станет волноваться, чего доброго, завалит свою политологию, да ведь придется еще раздобывать позволение на свадьбу. Почему-то семнадцатилетняя девчонка считается для замужества достаточно взрослой, а вот мужчина, которому на год меньше... Плевать. Он не чувствует себя подростком. Он давно уже во всех отношениях взрослый человек...

Трое парней на пляже волновались – за судьбу камеры, естественно. Клав ожидал упреков – но одной Дюнкиной улыбки оказалось достаточно, чтобы перекрыть нанесенный моральный ущерб. Шелестели лозы, и ветер успел набросать песка в дремлющие под кустом сандалии.

– Так хорошо, – сказала Дюнка шепотом. – Так хорошо, Клав... Что даже страшно. А?

(Его интуиция все еще молчала.)

– Ты оптимистка... Обычно люди пугаются, когда плохо.

– У меня послезавтра экзамен, а я ничего не знаю...

– А у меня завтра. И – то же самое.

– Не ври. Ты всегда все знаешь.

– Льстица. Лъстюха.

– Не ругайся...

– Лъстяра. Лъстенка... Я хоть учебник почитаю.

– Читай, кто тебе не дает...

– Ты.

Вопили, резвясь у воды, голые загорелые карапузы. Горячий ветер бросал песок на желтые страницы старого учебника, повествующего о предательствах и воинах. Дюнка скучала.

– Слушай, Клав, я искупаюсь, пока ты учишься...

– А не холодно?

– Фи!

Он смотрел, как она идет к воде. Как горит на солнце чешуя морского змея, как расступается, принимая верткое тело, ленивая речная волна...

Ему осталось три больших главы. На час работы.

* * *

Он опомнился, когда тень невысокой вербы доползла до самой книжки. Встрепенулся, будто спросонок, потряс головой, прогоняя отупение. Начитался, да на жаре...

На пляже стало свободнее. Исчезли карапузы, собирались домой дачники, прошествовал мимо пожилой рыболов с парой небольших лещей в проволочной сетке. На дне Дюнкиных босоножек скопилось полно песка. Как в осколках древней амфоры...

Парни, дававшие напрокат резиновый «бублик», сосредоточенно выпускали из него воздух. По очереди налегая на худеющий черный бок.

Преодолевая боль в затекших мышцах, Клав поднялся.

Цвет песка изменился. Цвет воды изменился тоже; на том берегу, среди сосен, играли в волейбол.

Клав досадливо закусил губу. Естественно, Дюнка поплыла-таки на тот берег, бросив слабосильного дружка в обществе учебника. И странно было бы, если при виде играющих ей не захотелось бы попрыгать с ними вместе. Ее обычная, ее ненормальная общительность...

Он подошел к воде. Прикрыв глаза ладонью, всмотрелся в волейболистов; раз или два ему показалось, что он видит купальник змеинового цвета. Но играющие, среди которых было полно девчонок, были в джинсах и футболках, и только одна сухощавая женщина средних лет прыгала в купальных трусах и лифчике.

Клав разозлился. Вернулся на подстилку, сел и пододвинул к себе учебник – но читать не получалось.

– Не переживай.

Рядом стоял парень – совладелец самосвальной камеры. Его приятели неторопливо выючили свои мотоциклы.

– Не переживай, девчонке много ли надо, плюнь – и она уже обиделась...

– Да не ссорились мы, – сказал Клав, удивленный, что снисходит до разговора с этим бестактным оболтусом.

– Классная у тебя девчонка, – сказал парень безо всякого подвоха, совершенно искренне. – У меня тоже классная, но эта какая-то... Шальная, что ли...

Через десять минут мотоциклы взревели, и оставшиеся дачники досадливо поморщились им вслед. Клав бродил вдоль воды.

Ну почему она так?! Неужели не ясно, что он будет волноваться? Сейчас около семи, но часы, на которые он нечаянно наступил сегодня утром, стали...

Стали мои часы, стали,
Имя мое забудь, стали,
Золотой цветок в мире стали,
Пробил час, и часы стали...

Волейболисты на том берегу ушли из-под сосен. Последней шагала сухощавая полуголая женщина, и мяч в ее руках подпрыгивал, как живой.

* * *

Когда стемнело, он решился наконец уйти с пустого пляжа. Дюнкина одежда осталась – взять ее с собой означало *поверить*.

Дюнка придет, говорил себе Клав, Дюнка придет – и не найдет одежды. Как же она будет, в купальнике? Ночью холодно...

Он бежал размеренной спортивной рысью, потом все же выдохся и перешел на шаг. Он только наберет телефонный номер – и сразу же вернется, и Дюнка, отжимающая волосы, возьмутся: почему не дождался?!

...В казенной комнате было накурено. Сизый дым висел над деревянными столами, над шкафами и стойками, над клеткой в углу – пустой, мирной клеткой для провинившихся перед обществом людей...

– Еще раз имя – полностью.

– Докия Стерх... Семнадцать лет.

– Вы точно не ссорились?

– Нет. Она... она никогда так не делала. Она...

– Успокойся.

Он закрыл глаза. Двадцать пять раз – успокойся. Здесь все спокойны, здесь каждую ночь рыдают одни люди и грязно ругаются другие, здесь даже сквозь табачный дым пахнет железом и потом, здесь невыносимо душно...

– Третий виженский лицей... Общежитие. Комната семьдесят четыре...

Звонок. Еще звонок. Сквозь стекло не слышно слов. Деловито шевелятся губы.

– Что на ней было надето?

– А?

– Что было надето?

Дюнкины босоножки под слоем песка. Небрежно брошенные на подстилку шорты...

– Успокойся, мальчик. Не такое бывает... К утру придет сама.

...И настало утро.

Глава 2

Автобус прибыл в Вижну с получасовым опозданием. Добравшись до первой же телефонной будки, Ивга вытащила потрепанный блокнот и надолго замерла, глядя сквозь мутное стекло неподвижными, отрешенными глазами.

В этом городе полным-полно людей. Среди них есть немало таких, для которых словосочетание «Ивга Лис» не окажется пустым звуком. Та же Бета, с которой они на пару снимали комнату... Или Клокус, который пытался за ней ухаживать. Или хозяйка антикварного магазина на площади Роз, строгая и чопорная дама, та самая, что, однажды придержав Назара у двери, тихонько шепнула ему в самое ухо: «Это чудо, а не девушка. Не раздумывайте ни минуты...»

В антикварный магазин без рекомендации обычно не берут. Но Ивга так вписалась в вычурный интерьер, так идеально вписалась, так здорово смотрелась среди претенциозной роскоши ее простецкая физиономия с лисьими глазами и огненной шевелюрой...

«У тебя подходящая фамилия. Ты – лис. Лисица. Лисенок...»

Толстенький мужчина деликатно постучал в мутное стекло:

– Девушка, милая, вы уже поговорили? Позвольте?

Она отошла, пропуская его к телефону. Опустилась на скамейку, сдавила в ладонях ремень потертой сумки.

Любой из них... Любой из них. Какое будет лицо у хозяйки, когда она узнает, что в ее магазине полгода работала ведьма? Не сбегутся ли покупатели, чтобы возвратить приобретенный из Ивгиных рук товар?.. Клокус... Даже и Бета, которая выбросит, наверное, ту кепку, что давала Ивге поносить...

Да чего же от них требовать. Если даже Назар...

Костяшки ее пальцев побелели. Собственно, Назар еще ничего не успел сказать ей. Она приписала ему поступок, которого он не совершал... И сбежала, не соизволив даже объяснить... Как обманщица, как воровка...

Толстячок закончил разговор. Ивга вернулась к телефону, чувствуя, как бьется сердце и увлажняются ладони.

Длинный гудок на том конце провода. Еще... Еще...

– Я слушаю.

Голос папы-свекра. Ивга проглотила язык.

– Я слушаю! – уже с раздражением.

Ивга осторожно повесила трубку на рычаг.

Маленькая неудача легко доводит до слез. Осознание краха приходит по капле. Постепенно.

Она спустилась в метро и проехала туда-сюда несколько остановок; мнимая свобода сбивала с толку. Она вольна идти куда вздумается – но дверца узкой клетки уже захлопнулась, она попала, попала, как лисенок, и ничего не сможет изменить.

Она не решится предстать ни перед кем из своих знакомых. Так, как если бы слово «ведьма» было выжжено у нее на лбу. Она потеряла не только Назара – она потеряла свою тайну, позволявшую ей счастливо жить в этом счастливом городе... Что за бред, ну какая счастливая жизнь без Назара?..

Нечто похожее уже было. Когда ей пришлось уехать из родного поселка. И когда надо было бросать училище и бежать сломя голову из хорошего, в общем-то, города Ридны. И еще потом, когда...

Ее передернуло. Там, в каше неприятных воспоминаний, был и первый встреченный ею инквизитор. Тошнота и слабость, указующий перст: «Ведьма!»

Ивга вздрогнула и оглянулась. Подземный вагон нес своих пассажиров, изредка покачиваясь, как колыбель; нацеленные на нее указующие пальцы существовали лишь в ее воображении. Люди читали, дремали, беседовали, тупо смотрели в темные окна...

Ну и паскудно же вы выглядите, дамочка, молча сказала Ивга своему бледному отражению. Вам необходимо посетить парикмахера и массажиста, но прежде всего психиатра, моя милая. У вас совершенно безумные глаза... вряд ли сумасшедшую ведьму возьмут на учет. И на общественных работах она ни к чему... ее прямиком отправят на костер, или что у них там... В селе просто, а здесь, наверное, какой-нибудь гуманный электрический костер... Ведьма гриль...

Пребывание в подземелье вдруг сделалось ей тягостным; выбравшись на поверхность, она долго приходила в себя, делая вид, что разглядывает журналы на витрине киоска. Поймала на себе несколько удивленных взглядов и спохватилась – журналы оказались весьма фривольными, с грифом «для мужчин»...

Она сделала шаг, чтобы отойти – и едва не столкнулась с парнем в облегающем черном костюме, поверх которого была небрежно накинута меховая безрукавка.

Чугайстер скользнул по ней равнодушным, каким-то резиновым взглядом; взгляд тут же вернулся, заинтересованный, и снова безучастно опал, как шланг, из которого вытекла упругая вода. Ивга стояла, не в силах оторвать от асфальта подошвы поношенных серых кроссовок.

Все они так. Сперва кидаются, потом воротят нос; чугайстеры чувствуют ведьму, но интересуют их одни только навы. Любой чугайстер видит Ивгу насквозь – но не спешит кричать об этом, вот за что спасибо...

Чугайстер забыл о ней. Неважно, сколько неживых женщин он сделал сегодня еще более мертвыми; сейчас в его руках оказался глянцевый журнал, на обложке которого вопила о жизни тугая розовая плоть. Зовущая плоть, от одного этого зова можно оглохнуть...

Ивга отвернулась и, волоча ноги, побрела прочь.

* * *

Антикварный магазинчик был открыт; Ивга не решилась приблизиться, просто вошла в телефонную будку напротив. Набрала номер хозяйки и сразу дернула за рычаг; потом, стиснув зубы, позвонила Митецам и долго, долго слушала гулкие, торжествующие гудки...

В городской квартире Назара не отвечали тоже. Втянув голову в плечи, Ивга пересекла площадь Роз, добралась до скверика и села, устало вытянув ноги.

– ...Горячие бутерброды?..

Ивга вздрогнула.

Прямо перед ней остановилась низенькая тележка с ярким контейнером, и над приоткрытой крышкой клубился пар. Тележку везла девочка лет четырнадцати; из-под длинной вытянутой кофты выглядывал подол темного платья, похожего на школьную форму.

– Горячие бутерброды, – сообщила девочка голосом, не терпящим возражений. – С томатом и луком.

Ивга позвенела в кармане мелочью. Пришла и ушла равнодушная мысль, что завтра, может быть, у нее совсем не останется денег. Даже на бутерброды...

Девочка почему-то не спешила уходить. Стояла и смотрела, как Ивга жует; может быть, ждала похвал?..

– Отличные бутерброды. – Ивга выдавила усмешку.

– Ты – лисица, которая решила жить среди кур, – без улыбки заявила вдруг девочка. – И надеешься, что они тебя не узнают.

Ивга молчала. Кусок бутерброда встал у нее поперек горла.

– Лисицы не едят пшена! – торжествующе заверила ее девочка. – Ты увидишь... потом, – и она деловито взялась за свою тележку. – До свидания...

Рука ее больно ткнула Ивгу в плечо; Ивга поперхнулась – но девочка уже уходила, толкая перед собой тележку с таким скорбно-торжественным видом, как будто это был катафалк на военных похоронах.

* * *

При въезде в город на панели экстренного вызова проснулся и замигал красный, колющий глаза огонек; Клавдий не стал брать трубку, однако предчувствие в его груди болезненно дернулось: ну вот...

На площади Победного Штурма всегда было полно паркующихся машин, вот и на этот раз какой-то юркий белый «максик» загромоздил проезд широким гофрированным задом, и Клавдию пришлось раздраженно взвыть служебной сиреной.

Поднявшись к себе, он некоторое время задумчиво изучал содержимое холодильника; потом захлопнул дверцу, поставил на огонь чайник и уселся перед телефоном.

– Да погибнет скверна, патрон. – Голос заместителя был профессионально хрипл, но Клавдий явственно расслышал в нем нотку искреннего облегчения. – Я искал вас, патрон...

– Да погибнет скверна, Глюр... Ну? – Клавдий прилег на диван, не снимая запыленных туфель.

– Эпидемия, патрон. Случаи чумы в Рянке...

– Случаи – это сколько?

– Десять, патрон...

– Сколько?!

– Десять случаев бубонной чумы, и уже три смертельных исхода... Санитарный гарнизон поднят по тревоге, Рянка закрыта... Сообщение уже пролезло в прессу...

– Дальше.

– Самосуд.

Клавдий придержал трубку плечом. На кухне все громче свистел закипающий чайник.

– Где?

– В Рянке паника, патрон... На главной площади. Наши люди прибыли, когда костер уже прогорел.

– Очень жаль. – Голос Клавдия сделался бесцветным и сухим. – Очень жаль, что наши люди в Рянке так нерасторопны. Погибшая?

– Была ведьмой. Но... «глухаркой», неинициированной, патрон. Ее причастность к эпидемии...

– Аресты?

– Пятнадцать человек. Куратор округа Рянка пожелал проявить рвение... Чтобы, так сказать, загладить...

– Куратора округа Рянка вызвать сюда, в Вижну, – медленно проговорил Клавдий. – Премником назначить... если я правильно помню, в этом округе работает Юриц?

Заместитель помолчал. Сказал осторожно, будто пробуя каждое слово на вкус:

– Вряд ли это понравится Совету кураторов... Они и так кричат на каждом сходе, что Вижна везде сует своих людей.

Клавдий усмехнулся. Его смешок хорошо слышен был на той стороне провода, и заместитель поспешно прикусил язык.

– Всех арестованных, – Клавдий пощелкал золотым зажимом авторучки, – всех арестованных – доставить в город. Ко мне.

– Да, патрон, – пробормотал заместитель чуть суетливее, чем позволяло его достоинство.

Клавдий помедлил, разглядывая узор виноградных листьев за окном.

Если он предчувствовал только *это* – что ж, ничего... Еще ничего, бывает и хуже...

– Я сейчас приеду – мне понадобится очень подробная информация, Глур. Вплоть до расположения колодцев округа Рянка... Кстати, почему вы до сих пор не сообщили, что герцог звонил?

Заместитель осекся.

– Патрон... Откуда вы знаете?..

– А как же. – Клавдий ухмыльнулся. – Всякий раз, когда у нас прокол... Вы ведь догадываетесь, Глур, что все случившееся есть наш большой прокол? Да?

Заместитель сглотнул – так, что было слышно в трубке:

– Да, патрон. Конечно, да.

(Дюнка. Июнь)

...В день похорон Дюнкина сестра отозвала его в сторонку и, не сводя воспаленных ввалившихся глаз, попросила:

– Имей совесть, Клавдий. Ты ведешь себя так, будто Докию любил ты один.

Он осел, будто от удара обухом. И кивнул.

Три дня слиплись в одни бесконечные сутки. Трижды наступала ночь; он отвечал на какие-то вопросы, а за спиной у него переглядывались, переговаривались приятели, однокурсники и вовсе незнакомые люди: «Это тот мальчик, с которым она была на пляже. Это тот мальчик...»

– Она не могла так просто утонуть! Она плавала, как... Она не могла!..

– Успокойтесь, Старж. На теле нет следов насилия. Ее погубила простая судорога.

Простая.

– Клав, ну ты, это самое, не убивайся так... Пойди вот, экзамен сдай, отвлечешься...

– Клав, ты, это, прости, но вы с ней хоть раз, это... были?..

...Потом он дождался, пока опустеет кладбище.

Люди, еще недавно бывшие скорбной процессией, теперь понемногу тянулись к выходу; один только Юлек Митец отстал, растерянно оглядываясь в поисках Клава. Не нашел, бегом догнал ребят – подавленных и возбужденных одновременно. Дюнкиной матери уже не было видно – за ней захлопнулась дверца машины...

Все эти люди перестали интересоваться Клава много часов назад. «Иметь совесть» – значит быть последовательным в своем эгоизме.

Вечерело. Сильно, густо, тяжело пахли увядающие цветы.

– Дюнка, – сказал он, опускаясь на колени. – Дюнка, я хотел сказать тебе, что мы поженимся после экзаменов... Не прогоняй меня. Можно я тут посижу?

Мягкое закатное небо. Примиряющие голоса цикад.

– Дюнка...

Он не нашел слов.

Возможно, он хотел сказать, что непростительно привык к ее любви. Что слишком часто позволял себе высокомерно отмахиваться – приходи завтра. Что она была для него наполовину вещью, наполовину ребенком. Что он не знает, как себя наказать. И поможет ли самое страшное наказание...

И тогда он сказал то, что счел нужным. Что считал единственно правильным и естественным:

– Дюн, я клянусь тебе никогда и никого, кроме тебя, не любить.

Ветер ли тронул верхушку темной кладбищенской елки? Или Дюнка, смотревшая *оттуда*, бурно вознегодовала, затрясла мокрыми волосами, возмущенно вздернула заострившийся нос?

– Я сказал, – прошептал он неслышно. – Прости.

За спиной у него треснула ветка. Он напрягся, медленно сосчитал до пяти – и обернулся.

Он не запомнил всех, кто был на похоронах, но почему-то был уверен, что именно этого старика там не было. Мягкий темный костюм, разбитые ботинки – может быть, кладбищенский сторож?.. У бродяги, промышляющего пустыми бутылками, определенно не может быть такого волевого лица. И такого ясного взгляда.

– Я лум, – сказал старик, будто отвечая на беззвучный вопрос. – Не беспокойся.

Лум. Утешитель на кладбище. Говорят, что ремесло это происходит от какой-то забытой ныне веры. От служителей, когда-то находивших слова для самых больных, самых обескровленных потерей душ. Родители Дюнки не прибегли к услугам лума, гордо не пожелали делить ношу собственного горя; возможно, старик решил, что отбившийся от процессии Клав станет его клиентом.

– Нет. – Клав отвернулся. – Спасибо, но... Я не верю во все это. Мне не надо. Я сам.

– Во что ты не веришь? – удивился старик.

– Я хочу быть один, – сказал Клав шепотом. – С... ней. Пожалуйста, уйдите.

– Ты не прав. – Старик вздохнул. – Ты не прав... но я уже ухожу. Только...

Клав досадливо поднял голову.

– Только, – старик пожевал губами, будто пытаясь на вкус подобрать нужное слово, – ты... делаешь, что делать нельзя. Ты ее тревожишь и зовешь. Ты ее держишь; тех, кто принадлежит *тому* миру, ни в коем случае нельзя тащить *сюда*. Навки...

Клав дернулся:

– Уходите.

– Прощай...

Черные еловые ветки дрогнули, пропуская неслышно уходящего лума. Клавдий Старж, шестнадцатилетний мальчик, считающий себя мужчиной, остался в одиночестве.

С Дюнкой.

* * *

Ночь она провела на вокзале.

Болезненное чувство незащищенности гнало ее с этажа на этаж, из зала в зал; всякий раз, засыпая на несколько минут в кресле, она просыпалась, будто в бреду, и долго не могла понять, кто она и где находится.

Наконец, устав от душного тепла и неестественного света белых плафонов, Ивга выбралась на влажный от мороси перрон; мельчайшие частички воды вились вокруг нестерпимо ярких фонарей, будто мухи. Приходили и уходили неудобные ночные поезда, кто-то деловитый и черный шел вдоль огромных страшных колес, звонко постукивая железом о железо. Стрелки круглых вокзальных часов намертво прилипли к циферблату, ночь навалилась навсегда, Ивга отчаялась.

Полицейский, дежуривший около касс, покосился на нее сперва равнодушно, потом заинтересованно; остановившись прямо перед ним, Ивга долго и демонстративно изучала расписание поездов, огромное поле названий и цифр, целый мир, собранный на ровных мерцающих линейках.

Ей вдруг захотелось вывернуть карманы – и на последние деньги купить себе право ходить по вокзалу хозяйкой. Хозяйкой билета и собственной судьбы, и свысока поглядывать

на любопытного полицейского, и быть хоть в этом – совершенно легальной. Законопослушной. Правильной...

Мысль оказалась столь заманчивой, что она даже шагнула к окошку, на ходу прикидывая, как далеко смогут завезти ее оставшиеся жалкие финансы; впрочем, уже следующий шаг был вполнину короче, а потом ноги и вовсе отказались идти, потому что уехать сейчас – значило окончательно отказаться от Назара.

Полицейский удивленно вытаращился; Ивга стояла, подняв глаза к расписанию, и наивно полагала, что если слезы не бегут по щекам, то их и вообще не видно...

Но глаза ее переполнились. Как два пруда, пережатые плотинами.

– Девушка, могу я вам помочь?

Полицейский был виден нечетко. Кажется, он смотрел с сочувствием.

Ивга мотнула головой и поспешно направилась к выходу.

* * *

Утро застало ее в обществе наяды из городского фонтана. Кутаясь в серую куртку – подарок Назара! – она пыталась удержать остатки тепла, не допустить за воротник ни струйки сырого воздуха, задержать дыхание; на голове у наяды сидел голубь, и лапы его соскальзывали, соскальзывали, срывались...

Временами Ивге казалось, что никакого голубя нет. Что это плод ее воображения, что вместо наяды белая скульптура изображает женщину, цепями привязанную к столбу, а у ног ее – каменные вязанки хвороста, по которым уже бежит, поднимается каменный огонь...

В затылке сидел вроде бы гвоздь. Сидел давно и чувствовал себя все более и более вольготно. Вростал.

Заскрипели колеса; Ивга дернулась.

Сквозь раннее, почти безлюдное утро шла девочка в вытянутой кофте, из-под которой выглядывало синее платье, похожее на школьную форму. Следом гроыхала по асфальту ее яркая тележка.

– Горячие бутерброды, – сообщила девочка, хотя тележка была пуста и безжизненна.

Ивга облизала губы. Гвоздь в затылке ввинтился глубже.

– На вокзале больше не ночуй. – Девочка зачем-то потрогала переносицу, и Ивга вдруг поняла, что ей не четырнадцать лет, а гораздо больше. – На тебя уже положили глаз... Нехорошие люди.

Ивга молчала, не опуская взгляда.

– Нехорошие люди делают нехорошее дело, бездомная девчонка – товар, который пропадает даром. – Продавщица бутербродов усмехнулась краешком рта. – На вокзал не ходи.

Ивге сделалось страшно. Девчонка молчала и ухмылялась, и в глазах ее стоял готовый ответ на еще не заданный вопрос: ты знаешь, кто я. Потому что знаешь, кто ты сама. Вот и подумай...

Ведьма, матерая ведьма смотрела на Ивгу из тщедушного тела школьницы. По Ивгиной спине продрал мороз; чтобы побороть страх, она вообразила свою собеседницу на уроке математики. У доски, со щербатым мелком в тонкой руке, с серьезно закушенной губой...

Девочка, кажется, удивилась:

– Что смешного?..

– Ничего, – сказала Ивга, поспешно отводя глаза.

Девочка покатила взад-вперед свою тележку:

– Пойдешь со мной?

– Нет. – Ивга поднялась, почувствовав, какой тяжелой сделалась вдруг сумка. Разозлилась на собственную робость и добавила: – Я предпочитаю гетеросексуальные связи.

Гвоздь, угнездившийся в затылке, дернулся и заныл сильнее; вскинув сумку на плечо, Ивга быстро зашагала прочь, но слова, брошенные вслед, все равно догнали ее и больно ударили в спину:

– Тебе не из чего выбирать, дура. Хуже будет, если тебя сожгут безвинно.

* * *

Приступ паники прошел, оставив слабость в коленках и противный привкус во рту; Ивга села в трамвай и проехала два кольца, покуда кондуктор не стал на нее подозрительно коситься.

Говорят, что всякая ведьма боится инициации, как всякая девственница боится первой брачной ночи. Ивга не знала, так ли это; с девственностью она рассталась играючи – ей все казалось, что они с Назаром балуются. Но вот при мысли о возможной инициации ее охватывал животный страх, ей казалось, что она стоит на краю пропасти, что зубчатый край ее – грань, из-за которой не возвращаются. Что человек и собака похожи больше, нежели человек и ведьма...

В кошмарных снах ей виделось, как она в длинном черном одеянии нависает над раскрытой старой книгой. Как она идет по узкой извилистой дороге, одна из множества в жутком, завораживающем шестивии; в конце концов, как она голая летит на помеле и на зад у нее – маленький хвост. Но стоило проснуться, стоило ощутить рядом с собой теплое, расслабленного Назара...

Ивга очнулась. Прямо перед ее глазами помещался новенький телефон-автомат – серый, с одной только длинной и глубокой царапиной. Как шрам на молоденьком лице.

Ивга прерывисто вздохнула. Вот уже два дня ее преследуют телефоны. Телефоны гонятся за ней по пятам, хватают за руки, бросают трубками в лицо: набери номер! Набери, и Назар скажет: Ивга... Лисенок мой, куда же ты...

Она закусила губу. Голос послышался слишком ясно, чтобы быть выдумкой; может быть, она способна на расстоянии читать Назаровы мысли. Может быть...

– Аллю.

Ивга чуть не вскрикнула. Прижала трубку так, что больно сделалось уху.

– Аллю, я слушаю.

Сухой, напряженный голос. Ждал ли он звонка? Может ли догадаться, кто именно сейчас молчит и дышит в трубку?

Не может не догадаться, поняла Ивга, холодея. Не может. После случившегося – да кто еще станет звонить и молчать?!

– Ничего не слышно, – сказал скучный голос Назара. – Ничего не слышно... Аллю. Говорите.

Она хотела сказать. Уже набрала в грудь воздуха, отчего по телефонным проводам на много километров полетело приглушенное: хха...

– Ничего не слышно, – сообщил Назар. – Перезвоните, пожалуйста.

Гудки. Гудки, гудки, лезут и лезут из трубки, как лапша, как прутья, которыми в старину наказывали непослушных детей.

Ивга очень осторожно опустила трубку – но выходить из кабины не стала. Смотрела, как скатываются по стеклу капли неторопливого, медленно начинающегося дождя.

Площадь Победного Штурма, восемь, квартира четыре. Телефон...

Ей всегда трудно давались телефоны. Как запомнить ряд ничего не значащих цифр?..

Но этот номер намертво впечатался в башку. Как назло...

Или это у них визитки такие? Раз прочел – и уже никогда не забудешь?..

Дождь закапал ей за воротник; она невольно втянула голову в плечи.

* * *

После целого дня бессмысленных скитаний она набрела на Дворец Инквизиции.

Вот уже несколько часов она кружила, блуждала, заходила в кофейни на чашечку дешевого кофе, изучала названия улиц и между тем все сужала и сужала круги; наконец ее глазам предстало высокое, достаточно новое, но стилизованное под старину здание с острой, уходящей в небо крышей.

Ивга встала, как птенец перед логовом змеи. Со створок широких дверей глядели медные гербы с косою надписью: «Да погибнет скверна». Скверна – это я, поняла Ивга, прижимая к груди свою сумку.

Справа от главного входа помещалась изящная стеклянная дверка; рядом стоял рекламный щит, только вместо обычной рекламы на нем красовался сурового вида плакат. Ивга мигнула; гвоздь в затылке жалобно заныл.

«Ведьма, помни, что общество не отказывается от тебя. Отрекшись от скверны и встав на учет, ты сделаешь себя полноправным и законным гражданином... Упорствуя во зле, ты обрекаешь себя на горе и одиночество... Согласно статье... свода законов... не состоящие на учете... наказываются привлечением к общественным работам... замешанные в злодеяниях... подлежат суду Инквизиции...»

Ивга всхлипнула. Вот сейчас она откроет милую стеклянную дверку и вступит на путь... навстречу прочим гражданам, полноправным и законным, таким, как Назар. Если общество от меня не отказывается, почему отказываешься ты? Ты что же, лучше общества?!

Тыльной стороной ладони Ивга вытерла скудную влагу под носом. Ее охватил болезненный кураж – она успела подумать, что это приятнее, нежели отчаяние или паника. Сейчас, не сходя с места, она возьмет и позвонит Великому Инквизитору. Вот так, не размениваясь на мелочи... Проклятье, где телефон?! Полно же было, целый город телефонов...

Рука ее бодро отстучала весь номер от начала до конца – и только на последней семерке заколебалась. Всего на мгновение.

Она надеялась, что запомнила неправильно. Что такого номера не существует, и телефонный робот тут же и сообщит ей об этом своим противным гнусавым голосом...

Гудок. Длинный гудок вызова. У Ивги похолодело в животе.

Сейчас трубку возьмет какая-нибудь озабоченная домохозяйка: «Что?! Инквизиция? Помилуйте, не шутите так, вы ошиблись номером!»

Сколько гудков прошло? Три или пять? Господин Великий Инквизитор занят, его практически никогда не бывает дома...

На восьмом гудке она почти успокоилась. Решила для очистки совести досчитать до десяти – а там и убраться восвояси. Тем более что кураж, толкнувший ее к телефону, весь уже и повыветрился...

– Я слушаю.

Ивга чуть не выронила трубку.

Холодный, чуть усталый голос. Отстраненный, будто из другого мира.

– Я слушаю, да...

Следовало скорее дернуть за рычаг. Оборвать опасную ниточку, которую она по неосторожности протянула сейчас между собой и...

– Кто говорит?

Ивга облизнула губы и потянулась к рычагу.

– Ивга, это ты?

Она не успела остановить собственную руку. Продолжая начатое движение, ее ладонь придавила рычаг, да так, что железные рожки больно впились в тело.

* * *

За сутки эпидемии в округе Рянка умерли десять человек и заболели сто восемь; всю вину за случившееся справедливо возложили на ведьм. Программы новостей, по традиции выходявшие в эфир каждый час, неустанно повторяли один и тот же скандальный кадр: молодая ведьма, с пеной у рта кричащая в объектив:

– Это еще начало! Это только начало, вы увидите!..

Там, в Рянке, начались самосуды, уже кого-то сожгли, притом совершенно безвинно. У окружного Дворца Инквизиции с утра дежурят пикеты: «Защитите нас от ведьм!» Вот в кадре испуганная женщина с ребенком на руках: «Ну что мы им сделали, этим ведьмам, что мы им сделали... Говорят, что все колодцы... что водопровод тоже отравлен...»

Клавдий погасил экран. Выудил из полупустой пачки очередную сигарету; в углу почтительно стоял посыльный. Стоял и думал, что умеет тщательно скрывать свои мысли, а между тем из-под слоя вежливого внимания на его лице проступали растерянность и возмущение: Великий Инквизитор лениво расслаблен. Великий Инквизитор бездействует, закинув ноги на табуретку, пьет кофе и приканчивает пачку сигарет, в то время как эпидемия разрастается, а паника грозит захлестнуть и столицу тоже...

Вполголоса проблеял телефон. Звонил начальник внутренней стражи.

– Да погибнет скверна...

– Да. – Клавдий щелкнул зажигалкой, щурясь на синевато-желтый огонек.

– Их привезли, патрон... Четырех. Прочую шелуху отсеяли еще в окружном управлении...

– В камеру для допросов.

– В каком порядке?

– Все равно. – Клавдий бросил трубку и поднялся. Встретившись с ним взглядом, посыльный невольно сделал шаг назад; Клавдий кивнул ему, отпуская.

В приемной маялся куратор округа Рянка. Не желая отравлять сигаретным дымом некурящего рянковского коллегу, Клавдий вышел через потайную дверь; куратор маялся с утра, ожидая вызова. Клавдий еще не решил, зачем он мучит этого достойного, в общем-то, человека; он примет решение после. И постарается забыть, что пять лет назад этот самый куратор готов был костями лечь, но не допустить Клавдия Старжа до его теперешнего поста. Или, наоборот, постарается вспомнить...

Камера для допросов традиционно помещается в подвале, куда от его кабинета пять минут спокойной ходьбы. Вот и прекрасно; значит, Великий Инквизитор благополучно успеет докурить.

(Дюнка. Октябрь – декабрь)

На следующий курс лицеиста Старжа перевели условно, и уже осенью он сдал два недостающих экзамена «в рабочем порядке». Его соседом по комнате был теперь Юлек Митец, благодушный увалень, любимец девчонок, рыцарь с мандолиной; в комнате чуть не каждый день было тесно и шумно, и Клав теснился и шумел, как все. Он все теперь делал как все, потому что слишком западали в душу те слова Дюнкиной сестры: «Имей совесть, Клав... будто ты один любил Докию...»

На кладбище удобно было ездить автостопом. Водители тяжелых самосвалов вскоре стали узнавать его и останавливались, даже не ожидая просьбы.

О его ночных поездках знал только Юлек. «Клав, ну ты... сегодня дождь такой, может, ты бы уже завтра съездил, а?.. Ладно, молчу-молчу, ну, я тогда сегодня Линку к себе приведу, ты же не будешь против?»

...Он часами сидел на низкой скамейке у кладбищенской ограды. Он ставил рядом автомобильный фонарь с аккумулятором – и погружался в полузабытье, в сон наяву, и там, в этом сне, Дюнка была жива. Была рядом.

Старый лум встретился ему только однажды. Неслышно вышел из темноты, заступил дорогу к могиле:

– Мальчик, ты по неведению творишь зло. *Не беспокой.* Не мучь ее и себя, вспоминай о ней светло, но не нарушай *этой* покоя своими призывами!..

– Вы не сумеете меня утешить, – сказал Клав тихо. – Отойдите.

Старый лум сжал губы:

– Ты наделен определенными... возможностями. Не знаю, кем ты станешь, но... Твое желание имеет слишком большой вес. Не желай неразумного.

С этими словами он и ушел.

* * *

С наступлением зимы Юлек Митец, до сих пор покорно терпевший, пока Клав «переболеет» и справится наконец с горем, не выдержал наконец и решил взбунтоваться:

– Да ты ненормальный! Тебя заклинило прям, ну зашкалило, прям как градусник в кипятке! Я вот «Скорую» к тебе вызову, пусть транквилизатор вколют! Ты что, не можешь днем сходить, в воскресенье, как все люди?!

Клав открыл рот и послал приятеля в место, откуда не возвращаются. Юлек смертельно обиделся и замолчал надолго.

А через неделю Клав простудился-таки и заболел, не сильно, как раз на недельку в изоляторе; из царства медицины невозможно было незаметно уйти, и угрюмый санитар едва не набил строптивому больному морду. Лишенный главного содержания своей жизни, Клав с головой залез под одеяло и в привычном бреду потянулся к Дюнке. «Не покидай меня...»

В день его выздоровления в лицее давали традиционный зимний бал; для Клава это был удобный случай бесшумно исчезнуть. Сославшись на слабость и головную боль – а после болезни он был-таки слаб, – Клав отказался составить компанию Юлеку и его мандолине; случилось так, что под вечер разыгралась метель, да такая, что даже фанатичному Клаву хватило ума отказаться от посещения кладбища.

Лицейсты веселились; Клав сидел в пустой комнате, у залепленного снегом окна, и на столе перед ним стоял электрический светильник в виде толстой витой свечи. Отражение лампы в черном оконном стекле казалось настоящей, живой свечкой; над свечой сидел хмурый мальчик, считающий себя взрослым, – его отражение было таким же суровым и таким же угрюмым. Колотился в окно злой, раздраженный снег.

...Ощущение не пришло внезапно. Он поймал себя на том, что уже несколько минут напряженно прислушивается, не то к отдаленным звукам веселья, не то к вою ветра, не то к себе самому. Тоненький червячок тревоги сперва чуть шевельнулся в груди, потом болезненно дернулся, как на крючке, обдавая кожу морозом куда более жестким, чем тот, что царил за окном. Клаву показалось, что стеклянный огонек свечи колыхнулся, будто пламя под порывом сквозняка.

Он провел руками по лицу. Посидел несколько секунд, прячась от мира за ненадежной решеткой из сцепленных пальцев. Потом выдвинул ящик стола, на ощупь выловил пузырек с бледными таблетками и сглотнул сразу две, не запивая водой.

Успокоение наступило через несколько минут. Насильственное успокоение – будто на его колотящееся сердце накинули смирительную рубашку. Он сонно замигал глазами, потом зевнул, глядя в темное стекло, опустил голову на руки...

Новый толчок беспокойства пробился сквозь сонное оцепенение, как нож сквозь вату. Несколько секунд Клав боролся, потом встал и включил плафон под потолком. Комнату залило светом до последнего уголка – на душе у Клава было темно и страшно. Будто бы, прикованный цепью к железным перилам неведомой лестницы, он слушал мягкие, медленно приближающиеся шаги по ступенькам. Медленно, но размеренно и неуклонно. Кто идет? Что идет?!

Он понимал, как глупо будет выглядеть, ввалившись посреди вечера на бал – бледный и перепуганный, в линялом спортивном костюме. Он понимал это и кусал губы – но не гордость и не стыд задержали его, когда он готов был переступить порог.

А что это было за чувство – он так и не смог понять.

Колотился в стекло сухой снег. Ровно горела электрическая свеча, и плафон под потолком горел честно и ярко, и в окне, как в черном зеркале, отражалась уютная комната двух прилежных лицеистов. А с той стороны стекла белело лицо, наполовину освещенное уличным фонарем, будто луна в ущербе.

Клав прижал руку ко вздрагивающим ребрам. Проклятые пьяные шутники, как они взобрались на балкон...

Мысли были не те и не о том. Мысли были защитные, инстинктивные, так птица, обороняющая гнездо, прикидывается подранком... Клав сделал шаг к окну. Потом еще. Потом...

Ее лицо было грустным. Очень печальным, длинным и тонким, как огонек свечи, со скорбно поджатыми губами, с тенями вокруг неестественно огромных глаз. Один взгляд. Длинное мгновение.

Ветер!..

Свирепый ветер, кидающий в стекло снег, и стекло-то, оказывается, заледенело снаружи, покрылось узором, в него никак не заглянуть – зато уличный фонарь подсвечивает его сбоку, и сумасшедшему мальчишке в игре теней мерещится невесть что...

* * *

Тесное сводчатое помещение освещалось одним-единственным факелом, помещавшимся у допросчика за спиной. Клавдий протянул руку в темноту – невидимый стражник тут же накинул ему на локоть тонкий невесомый плащ.

Все убранство допросной состояло из длинного дубового стола и дубового же кресла с неимоверно высокой резной спинкой; усевшись, Клавдий автоматически потянулся за сигаретой в нагрудном кармане – рука его нащупала пачку сквозь непроницаемый шелк плаща. Клавдий опомнился и набросил на голову капюшон; легкая ткань, пахнувшая нафталином и сыростью, закрыла его лицо до самых губ. Против глаз прищлись узкие привычные прорезы; через минуту Клавдий перестанет ощущать неудобство. Притерпелся.

Некоторое время в допросной камере царила глухая тишина; Клавдий смотрел прямо перед собой. Встреча с ведьмой не терпит легкомыслия; Клавдий молчал, по капле впуская в себя Великого Инквизитора.

– Вперед, – сказал он наконец. – По одной. Порядок не имеет значения.

Протяжно заскрипела кованая дверь; ее петли традиционно не смазывались. Клавдий ждал.

Молодая. Не больше тридцати. Запястья и щиколотки в колодках – значит, те, кто изловил ведьму, сочли ее достаточно опасной. Равнодушно-надменное лицо...

Глаза Клавдия в прорезях капюшона сузились. Стоящая перед ним была щит-ведьма, и те, кто запихнул ее в колодки, вовсе не были дураками. Щит-ведьма, на долю которой уже

наверняка выпадали встречи с Инквизицией, – близкое присутствие изготовившегося к беседе Старжа было ей мучительно, однако внешне это не проявилось никак. Ведьма встретила удар мужественно – и привычно; так огрубевшая кожа бестрепетно принимает падающий хлыст.

– Здравствуй, щит, – сказал Клавдий вполголоса. – У тебя есть имя?

Ведьма молчала. За ее спиной двумя темными столбами высились громилы-стражники.

Клавдий опустил руку на лежащие перед ним бумаги:

– Магда Ревер. Мне все равно, назвали тебя так при рождении или ты сама себя наградила этим именем... Может быть, хочешь жить?

Волна его напора накрыла ведьму с головой; поймав надменный взгляд, Клавдий ввинтился в него, измеряя «уровень колодца». Ведьма дернулась, но в широко открытых глазах не было боли. Этот щит ковали не дилетанты.

Расслабившись, Клавдий откинулся на спинку кресла. По единой шкале ее «колодец» – семьдесят два. Высоко. Даже очень. Опасно...

– Понимаешь, что тебя ждет? Будешь говорить со мной – или я помогу тебе рассказать, что мне нужно?

Магда Ревер дернула щекой:

– Не сумеешь.

– Да? – Клавдий подался вперед.

Он не собирался исполнять свою угрозу. Продираться сквозь щит, да при уровне семьдесят два, да после тяжелого дня у него не было ни малейшего желания; однако ведьма истолковала его движение буквально.

Губы ее расцвели девичьей, почти детской улыбкой; измятый деловой костюм, в котором ее, вероятно, и взяли, вдруг переменял свой грязно-бежевый цвет на снежно-белый, потом расползся лоскутками и стек на каменный пол. Магда Ревер стояла нагая, и колодки, намертво соединявшие оба ее запястья и обе щиколотки, казались теперь порождением причудливой эротической фантазии.

Магда Ревер запрокинула голову, и по телу ее прошла длинная, глубокая, сладострастная судорога. Коричневые соски напряглись и вскинулись, заглядывая инквизитору в глаза; в ушах у Клавдия глухо ударили барабаны. Громче, громче...

Закусив губу, он выбросил вперед правую руку со сцепленными пальцами. Ведьма не удержала болезненного вскрика.

Несколько минут Клавдий разглядывал собственную тень, подрагивающую вместе с огнем факела, и слушал, как опадает напряжение. Вот такие повороты он не любил особенно. После таких вот допросов слишком долго чувствуешь себя подзаборным кобелем, слишком сильно себя презираешь...

Он поднял глаза. Магда Ревер скрючилась, но не упала; на ней по-прежнему был мятый деловой костюм, и стражники за ее спиной стояли как ни в чем не бывало. Они ничего не видели. Щит-ведьма не станет расплыться на целую ораву мужиков...

– Магда, – сказал он шепотом. – Ты заработала свой костер.

Она вздрогнула, но глаза не изменили своего отрешенно-надменного выражения.

– У тебя два часа на размышление... Я хочу сделать Рянку округом без ведьм. Это сложно – но мне поможешь ты...

Губы ведьмы расплзлись к ушам.

– ...или не поможешь, – невозмутимо продолжил Клавдий, – и у палача не будет повода для сомнений.

Щит-ведьма молчала. Под мятым пиджаком Клавдию померещились очертания сосков; он сжал зубы.

– Мы поедем в Рянку. И ты мне сдашь ключи от эпидемии... не дергайся. Ты это сделаешь или кто-то другой... Кто-нибудь да сделает.

Он вскинул руку, показывая, что допрос окончен. Уводимая Магда хотела что-то сказать – но не сказала, только глаза ее на мгновение сделались узкими, как бойницы осажденной крепости.

– Номер семьсот двенадцатый, Магда Ревер, – сказал Клавдий в пространство. – Режим содержания жесткий.

Два часа, отведенные ей на размышление, щит-ведьма Магда Ревер проведет в стационарных колодках, в одиночной камере, где в каждую стену вмурован знак зеркала. На узком пяточке, где даже помыслы отражаются от стен и возвращаются, десятикратно усиленные, к своему источнику...

Если Магда хочет выжить, ей придется думать о приятном. Клавдий криво усмехнулся.

При мысли о кураторе округа Рянка его усмешка сделалась злорадной; теперь он, по крайней мере, знает, что сказать человеку, просидевшему в его приемной много долгих неприятных часов. Теперь он знает, чего ради унизил рянского коллегу – не из врожденной гнусности характера и даже не в отместку за былые интриги; поимка щит-ведьмы принесла бы ряничанину заслуженные лавры, если бы произошла перед эпидемией, а не во время нее. Теперь бедняга куратор не дожидется похвал...

Клавдий подавил в себе желание курить. Передернулся, вспомнив сладострастно набухшие груди Магды Ревер; сжал зубы и поклялся себе доработаться сегодня до потери сознания. Так, чтобы вообще ничего не хотелось. Как мертвецу.

– Дальше, – сказал он глухо. – Следующая.

Протяжный скрип несмазываемых петель. Вошедшая женщина, свободная, без колодок, зашипела сквозь зубы и осела на руки стражников.

Обыкновенная рабочая ведьма. Средняя по многим показателям; непонятно, почему ее выделили из прочих задержанных и доставили к нему на допрос. Хотя с «колодцем» тут явно не все в порядке. Странный какой-то колодец.

– Поднимайся, – сказал он негромко.

Стражникам приходилось удерживать ее. Она безвольно висела на их руках; защитных сил у нее хватало только на то, чтобы не лишиться сознания.

– Давай не будем воевать. – Он чуть поправил капюшон, удобнее устанавливая прорези для глаз. – У тебя нет для этого сил, у меня нет желания... В Рянке – что? «Удар» или «сеточка»?

– Не знаю, – прохрипела она с ненавистью, и в качестве наказания за ложь он ввинтился в ее взгляд и замерял «колодец».

Ведьма закричала, не в силах выносить боль; Клавдий стиснул зубы. Семьдесят четыре. У серенькой обыкновенной рабочей ведьмы... Нечто похожее испытывает огородник, на чьем участке изловили медведку величиной с королевского пуделя.

Женщина замолкла, погрузившись в глубокий обморок. Клавдий покосился в протокол предварительных допросов. Ксана Утопка, по профессии – учитель начальной школы.

Закрыв глаза, он в мельчайших подробностях вообразил себе рянского куратора. Мысленно взял его за грудки, встряхнул...

Одним самосудом в Рянке не обойдется, нет. Сегодня-завтра костры запыхают во множестве – пожирающие не щит-ведьм, и не воин-ведьм, и даже не рабочих ведьм, – а просто глупых неиницированных девчонок, вроде той, рыжей, похожей на лисичку...

– Номер семьсот девятый, – сказал он в темноту. – Ксана Утопка, режим содержания – нейтральный... И быстренько врача.

Открылась и закрылась скрипучая дверь.

Следующая ведьма вошла в камеру с гордо поднятой головой, и Клавдий узнал ее. «Это еще начало! Это только начало, вы увидите!...»

– Привет, кликуша, – бросил он сквозь зубы.

Девчонке было лет пятнадцать. Присутствие Клавдия тяготило ее – но не более; ее внутренней защите позавидовал бы тяжелый танк.

– Привет, палач, – отозвалась она невозмутимо. – Поленцев припас?

– Припас, – ласково успокоил Клавдий. – Так что же, говоришь, это только начало?

Девчонка оскалилась:

– Сам увидишь.

Она была флаг-ведьма. Эти фанатичны до безумия и, что самое неприятное, умеют предвидеть будущее. Эдакие истеричные вещуньи, прикрывающие кликушеством холодный расчетливый ум.

– Ты совершеннолетняя? – спросил Клавдий раздумчиво.

– Нет, – сообщила девчонка беспечно. – Мне нет восемнадцати... Согласно своду законов о ведьмах несовершеннолетние особи не подлежат допросу с пристрастием, ровно как и всем видам казней... Ага?

– Ага, – кивнул Клавдий и поймал ее взгляд.

Секундная пауза; девчонка резко побледнела, но боли не выдала. Клавдий отпустил ее – и устало откинулся на спинку кресла.

«Уровень колодца» – семьдесят шесть и пять. Либо куратору округа Рянка следует выдать премию за отлов трех самых сильных ведьм в стране, либо...

Либо в Рянке с недавних пор рождаются ведьмы-монстры. Как грибы. На ровном месте.

Клавдий прикрыл глаза. Курить хотелось невыносимо.

– Никаких допросов с пристрастием, – сказал он сквозь зубы.

Его правая рука вытянулась по направлению к собеседнице, так, что кончики пальцев оказались на уровне ее зеленых нагловатых глаз. У флаг-ведьм есть слабость – они слишком любят прорицать.

– Убе... рите! – выдохнула девчонка; пальцы Клавдия сжались.

...Вряд ли она сказала бы что-нибудь даже под пыткой; однако пророчества лезли из нее сами, и она не могла, да и не слишком хотела удерживать этот сумбурный мутноватый поток. Зеленые глаза вдохновенно горели:

– Она... идет! Она уже идет, она... – неразборчивое бормотание. – Она возьмет нас к себе, и... – бессвязные выкрики. Блаженная улыбка.

Клавдий скосил глаза в ящик стола – да, диктофон работал. Он возьмет этот текст на заметку – кое-что может оказаться интересным, хотя теперешний, сиюминутный смысл предсказания таится, без сомнения, в одной только фразе:

– Одница! – выкрикивала девчонка, запрокидывая голову. – Провинция Одница, да, да, да!

Слово «Одница» для множества людей звучало как музыка. Округ-курорт, приманка для туристов всего мира, бесконечные полосы пляжей, красивая жизнь, священная мечта, вынашиваемая долгие месяцы осени и зимы, деньги, откладываемые и припасаемые специально «на Одницу», для Одницы и во имя ее...

Округ Одница граничил с Рянкой. И куратором там был как раз человек Клавдия, проверенный, верный, и совершенно ясно, что в Рянку ехать уже поздно. Одница, округ Одница...

Девчонка закончила прорицать через десять секунд после того, как он снял принуждение и отвел руку. Криво усмехнулась, пытаясь восстановить достоинство; как-никак, а она поддавалась насилию. Сделала то, чего от нее требовали.

Мсть не заставила долго себя ждать:

– Ты закончишь свою жизнь на костре.

Клавдий поднял брови:

– Ты ни с кем меня не перепутала?

– Ты умрешь на костре, – повторила девчонка с нажимом. – Жаль, что я этого не увижу.

– Нашла о чем жалеть, – сказал он искренне, но девчонка не угомонилась и, уже уводимая по коридору, продолжала звонко вопить:

– На костре!.. Великий Инквизитор разделит участь ведьм, на костре, на костре, на ко...

Скрипучая дверь закрылась, проглотив конец ее фразы; Клавдий решил, что для перекура уже слишком поздно.

Четвертая из задержанных была худа и крючконоса. Темный плащ болтался на ней, как на вешалке; при виде Клавдия – черная фигура, подсвеченная факелом, черный капюшон, пристальные глаза в узких прорезях – женщина затряслась и закрыла лицо руками.

Некоторое время он оторопело смотрел на нее. Привыкший доверять профессиональному шестому – или уже седьмому? – чувству, он пребывал на этот раз в затруднении; «Диара Луц, – говорил предварительный протокол. – Администратор танцевального ансамбля. Предполагается воин-ведьма, классификация затруднена в связи с...»

Пробежавшись глазами по тексту, Клавдий соскользнул к нижнему краю листа, к подписям. Прочитал и испытал нечто вроде облегчения; значит, так, дорогой мой рянкский куратор. Теперь тебя можно отстранять легко и без всяких колебаний – потому что такого промаха не прощают даже близким друзьям. Надо же, «воин-ведьма»...

– Я не ведьма, – прошептала крючконоса, все еще закрывая лицо руками. – Это ужасная ошибка... Клянусь жизнью, я не ведьма, я...

– Я знаю, – отозвался Клавдий со вздохом.

Женщина на секунду затихла. Оторвала от щек мокрые пальцы; подняла на Клавдия опухшие от слез глаза:

– Вы... Я не... За что?!

– Верховная Инквизиция приносит вам свои глубочайшие извинения, – сказал он официальным бесцветным голосом. – Виновные в трагической ошибке будут строго наказаны.

Она всхлипнула:

– Меня... как... вместе с... ними... как же мне теперь... жить... что я скажу...

Стражники, изрядно удивленные, уже провожали ее в коридор; Клавдий не выдержал и потупился, пряча глаза.

Скрипучая дверь закрылась; Великий Инквизитор в раздражении откинул капюшон, стянул с плеч шелковый плащ и нащупал в нагрудном кармане вожаделенную пачку сигарет.

* * *

На куратора округа Рянка он не стал тратить времени. Вообще. Подписал приказ о смещении и велел Глюру довести до ведома.

Полтора часа были съедены сводками и донесениями; эпидемию в Рянке удалось приостановить, зато в Бернсте, на другом конце страны, начался массовый падеж скота. Перед дворцом Инквизиции мок под дождем озлеветный пикет. Клавдий мимоходом взял в руки еще теплую фотографию, с которой глядели хмурые лица и достаточно оскорбительные плакаты; он почему-то был уверен, что в эту же самую минуту точно такая же фотография ложится на стол к герцогу.

Будто отвечая на его мысли, замигал красный огонек на панели правительственного телефона.

– А до вас нелегко дозвониться, господин Великий Инквизитор.

– Работа во имя безопасности государства требует некоторой подвижности, ваше сиятельство, – отозвался Клавдий сухо.

Герцог хмыкнул:

– Тогда остается надеяться, что в ближайшие часы вы будете куда подвижнее, нежели последние полгода... Если, конечно, здесь есть какая-то зависимость. Между вашей подвижно-

стью и числом погибших в Рянке. Между вашей подвижностью и уроном, нанесенным хозяйству Бернста; вы слышали, там отчего-тодохнут коровы? Отчего бы это, вы не знаете?

– Для чистоты эксперимента, – медленно проговорил Клавдий, – для чистоты эксперимента следовало бы отправить меня отдых... на курорт в Одницу, к примеру. И поглядеть – может быть, так будет лучше? Может быть, коровы оживут?..

– Самое время слегка пошутить. – Голос герцога из холодно-насмешливого сделался просто холодным.

– Самое время меня вздрючить, – отозвался Клавдий в тон. – В одном анекдоте ушлый пастушок лупил быка-производителя прямо во время, так сказать, процесса... Чтобы улучшить качество потомства. Да?

Герцог сделал паузу. Любоим чиновник за это время трижды успел бы наложить в штаны. Значительная пауза, красивая.

– Без обид, Клав, – сказал герцог тоном ниже. – Но мне неприятно то, что происходит.

– Мы сделаем все, чтобы оно происходило как можно меньше, – сообщил Старж примирительно.

На том и порешили.

Несколько минут Клавдий осторожно держал в руках опустевшую трубку; потом щелкнул по рычагу и вызвал заместителя:

– Завтра утром, Глюр, я намерен оказаться в Однице.

* * *

Он заехал домой на полчаса. Снова изучил содержимое холодильника, пополненного вездесущей домработницей; выпил холодной воды, поменял рубашку, с отвращением покосился на вонючую пепельницу и повалился на диван – пятнадцать минут ни-о-чем-не-думания. Это святое.

Из расслабленного полусна его вывел телефонный звонок; рука сама на ощупь поймала трубку:

– Я слушаю.

Тихонько потрескивал незримый коридор, возникший между ним и кем-то, молчащим на том конце провода.

– Я слушаю, да... – повторил он механически.

В трубке дышали. Тихо и сбивчиво; еще не успев ни о чем подумать, Клавдий сел на диване:

– Кто говорит?

Никто не говорит. Тишина; не ошибка неверных проводов – просто молчание. Трубка, намертво затиснутая в чьей-то руке. Отдаленный шум города, пробивающийся сквозь стенки телефонной будки. Сдерживаемое дыхание, причем тот, кто дышит, не особенно велик. Маленький объем грудной клетки...

– Ивга, это ты?..

Испуганно завопили короткие гудки.

Клавдий взглянул на часы. Под окнами его уже ждет машина.

Зар-раза...

Он пощелкал по кнопкам, набирая номер; трубку, по счастью, взял младший Митец. Хрипловатый и, кажется, сонный.

– Назар? – Клавдий постарался, чтобы голос его прозвучал как можно естественнее и беспечнее. – Это Клав говорит. Как дела?

– Спасибо, – выдавил парень через силу. – Хорошо... Я... позову папу?

Клавдий замялся:

– Назарушка, я ведь уезжаю сию секунду... Просто хотел спросить, все ли... А Ивга не появилась?

Пауза. Да, герцогу есть еще куда расти. И у кого учиться. У Назара Митеца, двадцати с половиной лет.

– Нет, – произнес Назар наконец. – Так папу не звать?

– Привет передавай, – сказал Клавдий поспешно. – Ну пока?

– Пока...

Снова многозначительные короткие гудки. Что за день сегодня, подумал Клавдий устало. Праздник телефонного пунктира...

Он набрал другой номер. Дежурный по тюремному блоку ответил сразу же.

– Добрый вечер, Куль, это Старж говорит... Магда Ревер, щит-ведьма, номер семьсот двенадцатый, ничего не хочет мне сказать?

Молчание. Ну что за поразительный день, подумал Клавдий.

– Куль, я не умею читать мысли, если они не облечены в слова.

– Господин Великий Инквизитор... Я десять минут назад доложил господину Глюру, что...

– Что?!

– Магда Ревер, номер семьсот двенадцатый, покончила с собой. Через знак зеркала... Господин Великий Инквизитор, я готов понести кару, но...

– Понятно. Продолжайте нести службу, Куль. Все, что я хочу по этому поводу сказать, я скажу вам при встрече.

На этот раз гудков не было – дежурный Куль преданно ждал, чтобы Клавдий положил трубку первым. Ну надо же, какие церемонии...

Магда Ревер все равно была обречена. Другое дело, что убивать себя через знак зеркала мучительно и противно – все равно что топиться в собственном дерьме. Она сидела в колодках, в крохотной квадратной камере, и вызывала к жизни всю свою ненависть и желчь; отражаясь от стенок со знаком «зеркала», ее собственные нечистоты медленно ее убивали.

А может быть, быстро. Она ведь была сильной и злой, эта Магда Ревер. Может быть, и смерть ее была легка...

В дверь почтительно звякнули. Клавдий прошел в переднюю как был, полуодетый, и тем смутил возникшего на пороге телохранителя:

– Господин Старж, из аэропорта звонили, ждать нас или нет...

– Заждались, – бросил Клавдий равнодушно. – Можно я штаны надену? Нет?

Телохранитель вежливо промолчал.

(Дюнка. Декабрь – январь)

С того самого вечера он перестал ездить на кладбище, потому что ночные посещения могилы не приносили больше отдыха, а только обостряли поселившееся в его душе беспокойство.

Юлек, кажется, был рад – однако вскорости странное поведение приятеля стало беспокоить его куда больше, чем бывшие бдения на могиле.

Клав нервничал. Клав вздрагивал от невинного прикосновения к плечу; Клав боялся темноты – и в то же время жадно всматривался в ночные окна, в сумерки на улицах, и выражение его глаз в такие минуты очень не нравилось Юлеку.

– Мальый, ты, это... Не стесняйся только, если что. Всякое бывает, может быть, тебе к врачу?..

– Спасибо, Юль. Со мной все в порядке.

Однажды, вернувшись с занятий раньше сотоварища, Юлек обнаружил в комнате следы чужого присутствия и предположил, что к Клаву приходила девочка.

– Малый, ты сегодня никого не ждал? Вроде посидела и ушла, конфету из вазочки слопала и наследила вот... Чего она, по общаге босая ходит?

Клав сделался не белый даже – синий. Юлек впервые всерьез подумал, что хорошо бы переселиться в другую комнату. От греха подальше.

И он наверняка решил бы на столь крутую меру, если бы знал, что каждую полночь Клав просыпается с белыми от страха глазами. Ему ночь за ночью снится лицо, заглядывающее из воды в круглое окошко черной самосвальтной камеры. Не живое и веселое, как в тот летний день, а белое и неподвижное, затерянное среди атласных оборочек тяжелого гроба.

* * *

Очередной бессонной ночью Клав признался Дюнке в постыдной трусости. Он боится неведомого; то, что находится на грани между «есть» и «нет», навеивает тоску. Он живет ради того, чтобы думать о Дюнке, – почему же с того памятного выюжного вечера мысли о ней вызывают страх?.. Пусть она не обижается. Если она слышит его – пусть подаст знак. У него хватит любви, чтобы перешагнуть через *это*...

После этой сбивчивой исповеди на него снизошло странное спокойствие; он безмятежно проспал ночь и проснулся ровно в семь – как от толчка.

Юлек размеренно сопел – в тот день у него не было первой пары. В умывальне напротив лили воду, негромко переговаривались, хихикали братья-лицеисты – ежедневные утренние звуки, слишком обыденные для того, чтобы поднять Клава из теплого глубокого сна...

Запах. Какой странный запах, неприятный дух паленой синтетики...

Он встал. Хлопая в полутьме глазами, выбрался за ширму, отгораживающую «спальню» от «прихожей», и включил настольную лампу.

Прикосновение давней метели. Снежинки, бьющиеся в стекло...

Он еще не понял, в чем дело, но майка на спине уже взмокла, повинувшись бессознательному.

На стареньком деревянном столе, где толпились банки консервов, пачки печенья, кофейник, спички и хозяйственное мыло, спокон веков лежала пестрая клеенчатая скатерть.

Среди намалеванных на ней яблок и помидоров, лука, орехов и прочего радостного изобилия темнел сейчас черный след ожога.

Так бывает, когда по недомыслию коснешься клеенки утюгом. Остается сморщенный, почерневший рубец – и гадкий запах горелого. Вот как сейчас...

Только тот, кто был здесь несколько минут назад, коснулся скатерти не утюгом и не паяльником. Потому что горелый след был – отпечаток ладони. Выжженный след пятерни.

...Клав сдержался и не вскрикнул.

Юлек по-прежнему сопел; прислушиваясь и вздрагивая от любого изменения в его дыхании, Клав судорожно принялся сдирать скатерть со стола.

Звякали банки. Клав торопился, шипя неслышные проклятия; он почему-то был уверен, что любой чужой взгляд на отпечаток *этой* руки сулит неслыханные беды. По счастью, на столешнице под скатертью ожог едва просматривался – Клав ожесточенно соскоблил его ножом.

Юлек спал; Клав натянул пальто – прямо поверх пижамы – и выскользнул из комнаты, прижимая к груди небольшой газетный сверток.

...Он возвращался, пропахший дымом от сгоревшей синтетики. Никто не видел. Никто не узнает.

На углу оживленно беседовали и дымили в пять сигарет ребята из службы «Чугайстер». Прохожие обходили их на почтительном расстоянии; Клав приблизился, улыбаясь широко и обаятельно:

– Ребята, угостите сигареткой.

Под пятью такими взглядами Юлек Митец, к примеру, одним махом наложил бы в штаны. Клав только скромно пожал плечами:

– Ну нету денег у бедного лицеиста, мама с папой на сигареты не дают, оно и понятно, да?

– Да, – с насмешкой отозвался коротконогий, с мощным торсом крепыш; широкая меховая безрукавка делала его фигуру приземистой, как стол. – Курить вредно, хамить опасно.

– Хороший парень, – усмехнулся другой, сутуловатый, с прозрачными, как стекло, голубыми глазами. – Тебе уже семнадцать исполнилось?

– Нет, – сообщил Клав, не утруждая себя враньем. – Но поскольку с бабой я уже переспал, давайте будем считать меня совершеннолетним. Да?

Кажется, четверо из пятерых на мгновение растерялись. Пятый, немолодой, с навечно загорелым скуластым лицом, удовлетворенно кивнул:

– Убедил. Лови.

В руку Клаву легла сигарета, короткая и толстая, и следом протянулась зажигалка:

– Закуривай...

И он затаился впервые в жизни.

Те четверо, что молча злились на него за свою мгновенную растерянность, сразу же взяли реванш. Мальчишка кашлял, легкие его раздирались свирепым «матросским» табаком, а из глаз градом катились слезы.

– Достукался? – смеялись они. – Как с бабой-то, так же было? Или удачнее?

Преодолевая тошноту, Клав затыгивался снова и снова. Перед глазами у него дотлевала скатерть с выжженным следом ладони. Если бы чугайстеры *это* видели...

Ему нужно было преодолеть страх перед чугайстерами, убийцами навок. Ему, общнику. Потому что теперь Дюнка будет с ним, он знает это точно.

Ему все равно, кто она теперь. Но теперь они будут вместе.

Глава 3

Ивга выпалась в метро. Забилась в угол сиденья и продремала так часов шесть, и вокруг сменялись какие-то люди, и снилось, что вытаскивают из-под руки сумку, что будят, хватают, куда-то ведут... Она в ужасе открывала глаза – и, успокоившись, засыпала снова, а тусклые лампы горели, пассажиры входили и выходили, за стенами выли тоннели, и голоса их вплетались в ее сон то ревом толпы на площади, то пронзительным детским хором.

Потом поезд остановился на конечной, и угрюмый старичок в форменном мундире велел ей выходить. Был час после полуночи.

Выбирать место ночлега не приходилось; Ивга потерянно постояла под звездами на совершенно безлюдной улице. Пахло ночной фиалкой, успокаивающе шелестели деревья, Ивга не могла сообразить, в каком конце города находится. Вдоль улицы тянулась желтая стена – Ивга пошла вдоль нее просто потому, что больше нечего было делать.

Взгляду ее открылись железнодорожные пути со стадом расцепленных товарных вагонов, почему-то коротающих здесь ночь; пахло машинным маслом и снова-таки ночной фиалкой, ветер приносил откуда-то запах воды, видимо, близко был берег реки или озеро. Ивга подумала, что, отыскав укромное местечко, она сможет славно выспаться; почти сразу же пришло ощущение чужого невидимого присутствия.

Ивга не так хорошо видела в темноте и не так точно угадывала человеческие мысли, но интуиция у нее всегда была сильна, и потому ей сразу же стало ясно, что ночлега здесь не будет. Не стоит здесь спать. Наверняка не стоит...

Будто подтверждая эту ее мысль, чуть в стороне возникли, как призраки, белые глаза фонариков.

Ивга остановилась. Все страхи, которые охочая до испуга людская фантазия приписывает заброшенным безлюдным местам, вспомнились одновременно и слепились в один клубок. Маньяки? Насильники? Людоеды?..

Крикнула женщина. Резко и сильно, как большая птица; фонарики метнулись вперед и рассыпались полукольцом. Ивга почувствовала себя как в плохом сне – ноги должны бы идти, но не отрываются от асфальта.

Они выскочили Ивге навстречу. Похожие, как близнецы, – впрочем, в темноте и на бегу разглядеть их было невозможно. Обе молодые, обе бледные, обе в лохмотьях; у обеих в глазах застыл звериный ужас. Будто бы то, что преследовало их из темноты, было стократ ужаснее смерти.

Ивга отшатнулась; они пронеслись мимо, не заметив ее, едва не сбив ее с ног. От них пахло чем-то, чему Ивга не могла дать названия, – но сильнее пахло страхом, и на какое-то время Ивга потеряла власть над собой.

Бежать. Добежать до метро, хотя бы вырваться на улицу, прочь от страшной желтой стены... Еще немного, только бежать, изо всех сил, вон из кожи...

Те две бежали впереди; когда они нырнули под темную тушу вагона, Ивга поверила, что там спасение. Холодно блеснул рельс в свете одинокого фонаря; обдирая ладони, бросив бесполезную сумку, Ивга тяжело выбралась с той стороны. И снова под вагон, и снова... Лиса среди рожи, обложенной охотниками. Рыжий зверь, уходящий от погони, запутывающий следы, вперед, вперед, вперед...

Яркий свет фонарика отразился в кем-то брошенной консервной банке. Ивга закричала; те, что бежали впереди, закричали тоже. Полностью теряя рассудок, сделавшись животным, бегущим по кромке между жизнью и смертью, Ивга последним усилием бросила тело в узкую щель стены. Там спасение, там человеческие дома, там...

В последний момент ее схватили за ногу. Бледные женщины закричали снова – в два голоса, тоскливо и жутко.

Их было много. Они были везде – кольцом, кольцом, черные одеяния, теряющиеся на фоне ночи, и нелепые безрукавки, посверкивающие искусственным мехом в режущем свете фонарей. Вот они стали кругом, вот положили руки один другому на плечи, вот шагнули вперед...

Крик.

Круг танцующих сомкнулся. Как хищный цветок, изловивший муху и удовлетворенно поводящий тычинками; как бродячий желудок, готовый переварить все живое, по неосторожности попавшее в круг. Инструмент чудовищной казни – танец чугайстеров.

Хоровод. Черда сложных движений – то медлительных и тягучих, то мгновенных, стремительных; прядильный станок, вытягивающий жилы. Обод черного, изуверски проворачивающегося колеса; танец чьей-то смерти...

И запах фиалок. Неестественно сильный запах.

Земля встала дыбом.

С каждым движением множились невидимые нити, захлестнувшие жертв. Как пульсирующие шланги, забирающие жизнь. Как черные присоски, вытягивающие душу. Две тени, бьющиеся в долгой агонии, и третья – обезумевшая, беззвучно кричащая Ивга.

Удушающая, пропахшая фиалками ночь. Выворачивающая наизнанку, отскабливающая дымящиеся внутренности с вывернутой шкуры...

– Ведьма...

Кажется, на мгновение ей позволили потерять сознание. Куда-то отволокли за руки и за плечи, по траве, по мелким камушкам, впивающимся в тело. Ночь превратилась в день – ей в лицо ударил свет сразу нескольких фонариков, и она забилась, закрывая лицо руками.

– Тихо, дура...

– Затесалась...

– Потом. Потом...

Ее оставили в покое.

Вот почему эти навки так орут. Вот что они приблизительно чувствуют... И потом остается пустая кожа. Как чулок. С первого взгляда тонкий, искусно сшитый комбинезон. С пластинками ногтей. С белыми шарами глаз. С волосами на плоской голове, плоской, как сдувшийся мячик, и оттого неестественно огромной...

Чугайстеры закончили. Ивга только и сумела, что отползти подальше в сторону. Под вагон, где ее тут же и нашли.

– Иди сюда...

Она не сопротивлялась.

– Ты ведьма? Ты что здесь делаешь, дура?

Она бы объяснила им. Ох, она бы объяснила...

– Расклеилась девчонка, – сказал один, на чьем фонарике был желтый солнечный фильтр. – А нечего шляться ночью по пустырям. И удирать тоже нечего, если ты не навка...

Ивга почувствовала, как ее безвольную руку забрасывают на чье-то жесткое плечо:

– Пойдем, девочка... Ты, – это подельщику, – свои проповеди в письменном виде... О правильном поведении для молоденьких ведьм, которые инициироваться не хотят, а на учет становиться боятся. Так ведь? – это Ивге.

Ивга длинно всхлипнула. Владелец жесткого плеча все слишком быстро понял и слишком емко объяснил; земля качнулась под ногами, и, стремясь удержать равновесие, она вцепилась в меховую безрукавку на его плече.

– Ты не бойся... Мы тебя не тронем, – это тот, с солнечным фильтром. – У нас ведь отбоя нет от девчонок, очередь по записи, так что ты нам даром не сдалась и кастинг не проходишь...

Кто-то засмеялся. Кто-то беззлобно бросил «заткнись»... Борясь с оцепенением и болью, Ивга подумала, что обладатель желтого фильтра среди них шут. Шут-чугайстер, так не бывает, но вот же, есть...

– Эй, девочка, а сумка-то твоя? Твоя – или кого-то из *тех*?

Ивга всхлипнула и прижала сумку к груди.

Их машины стояли по ту сторону стены. Крытый фургон с желто-зеленой мигалкой на крыше и несколько легковушек, больших и маленьких, потрепанных и не очень.

– Тебя подвезти? – Высокий чугайстер с круглой, почти наголо остриженной головой распахнул перед Ивгой дверцы фургона; под мышкой он небрежно держал свернутый пластиковый мешок на молнии, Ивга знала, что там внутри.

Видимо, это знание отразилось у нее на лице, потому что тот, на чье плечо она опиралась, примирительно повторил:

– Не бойся...

Она замотала головой. Она не сядет в фургон под страхом смерти. Она скорее ляжет под его колеса...

– Давай я тебя довезу, – вдруг совершенно серьезно предложил обладатель желтого фильтра. – У меня «максик», ты ведь простых, цивильных машин не боишься?

Все они, полчаса назад бывшие шестеренками чудовищного механизма, сейчас негромко, совершенно по-человечески разговаривали за ее спиной. По очереди заводились машины; Ивга поняла вдруг, что стоит перед закрывшейся дверцей фургона и вокруг нет уже никого, и тот, за чье плечо она держалась, договаривается о чем-то с высоким, круглоголовым, и оба говорят о будущем дне, но называют его не «завтра», а «сегодня»...

А небо уже не черное, а серое. Темно-серое, мутно-серое, рассвет...

– Тебе некуда ехать? – тихо спросил тот, кого Ивга про себя назвала шутком. – Дома нет? Выгнали или ты приезжая? Без денег?

Она хотела попросить, чтобы он от нее отстал, но вместо этого лишь жалобно растянула губы, пытаясь изобразить улыбку.

– Пойдем. – Он взял ее за руку.

У него действительно был «максик». Маленькая машина, которую будто бы только что поддал под зад самосвал, и оттого багажник сделался похожим на гармошку.

– Я теперь сутки отдыхаю... Ты не бойся. Я же не зверь... Ты посмотри на себя, красивая ведь девка... Я понимаю, Инквизиция вас гоняет, но я – не Инквизиция... Да брось ты сумку на заднее сиденье, что ты вцепилась в нее, не отберу...

Желтая стена поплыла назад. Быстрее, быстрее...

Ивга прерывисто вздохнула и закрыла глаза.

* * *

Одница встретила Клавдия душной ночью, цепями огней и бронированной машиной на краю бетонки – черной, похожей издали на мокрый лакированный штиблет.

– Да погибнет скверна, патрон.

Прошло целых полминуты, прежде чем он узнал голос. Глубокий и сильный голос несостоявшейся оперной певицы. Надо же, как она изменилась за прошедшие три года. Не постарела – но изменилась сильно, или виной тому неестественно желтый свет фонарей?..

Тонированные стекла машины делали внешний мир сказочно-зыбким, матовым, призрачным; презирая поздний час, Одница сверкала огнями, ворочала полотнищами реклам, строила приезжому глазки. Клавдий вдруг вспомнил, как лет тридцать с лишним назад впервые приехал сюда с матерью, и тоже ночью, и в аэропорту взяли такси, и волшебный город за окном казался...

– Куратор Мавин подготовил отчет, патрон. По первому же вашему требованию...

– Я по ночам не соблюдаю этикета, – уронил Клавдий глухо. – Не утомляй меня, Федора, я и без того устал. Как дети?

Последовала пауза. Поздние машины, которых на ночных улицах водилось изрядно, уважительно шархались от черного броневика; коротко стриженный затылок водителя за синим стеклом ловил отсветы огней и потому казался планетой, вращающейся вокруг сотни светил.

– Дети... хорошо, – медленно ответила Федора. – Все... хорошо.

– За три года ты здорово продвинулась по службе.

– Стараюсь...

– А в каких ты отношениях с этим склочником Мавином?

Снова пауза; Клавдий понял, что неверно поставил вопрос. Неправильно сформулировал.

– В достаточно теплых, – отозвалась наконец женщина. – Но не в близких... Если ты это хотел узнать.

Клавдий хотел заверить ее, что «не хотел», – но вовремя удержался. Подобное уверение прозвучало бы и вовсе вызывающе.

– Твой визит не планировался заранее, – сказала женщина с коротким смешком. – Слишком внезапно... Мавин задергался – он ведь тебя боится.

– Да? – искренне удивился Клавдий.

Женщина перевела дыхание. Потупилась:

– Знаешь... Мне было бы проще, если бы мы остались в рамках этикета.

– Можем вернуться в рамки.

Федора отвернулась:

– Поздно... Теперь это меня оскорбит.

Железный характер, змеиный ум – и мнительность некрасивого подростка. Нет, он никогда и ни в чем не мог ей помочь. И, вероятно, не сможет.

– Как ты думаешь, почему я приехал?

Он увидел напряжение в ее красивых холодных глазах. Почти испуг; или обманывает призрачный скользкий свет?

– Клавдий, – почти скороговорка, – Клав...

Она впервые произнесла его имя. Поспешно и как-то скомканно, будто боясь обжечь язык.

– Клавдий, у нас большие неприятности... У меня, у Мавина... У нас у всех...

– Да?

– Да... Летом смертность в округе традиционно возрастает. Несчастные случаи в горах, на воде... Отравления, молодежные драки... Колоссальный приток туристов... и очень сложно определить... когда за чьей-либо смертью стоит ведьма. Но... за последние две недели мы приговорили десять человек. Приговоры еще не приведены в исполнение...

Клавдий молчал. Федора волновалась; за всю историю Инквизиции всех служивших в ней женщин можно было перечесать по пальцам. Обеих рук и одной ноги. На подобных постах женщины, как правило, отличаются жестокостью и непримиримостью – в душе Федоры хватало того и другого. Но сейчас она волновалась, и Клавдий не хотел ей мешать.

– За последний месяц, патрон, уровень вновь инициированных ведьм вырос в среднем в два раза... «Колодцы» – семьдесят пять, восемьдесят... Небывалая... агрессивность... И – сцепка. Раньше такого не было, всякая ведьма одиночка... Теперь...

– Почему же куратор Мавин не обращался с докладом в Вижну? – прошелестел Клавдий одним из самых страшных своих голосов. И почувствовал, как отстранилась, сжалась Федора:

– Он... Сперва мы думали, что это ошибка. Потом – что это наш недосмотр, что мы что-то где-то пропустили и теперь расхлебываем... Понятно, докладывать о... собственной несостоятельности...

– Я все понял, – сказал Клавдий обычным голосом. – Не говори Мавину о нашей беседе. Пусть расскажет мне сам.

Машина остановилась перед слабо подсвеченным зданием – памятником архитектуры. Самый старый и красивый Дворец Инквизиции в стране.

– Клав...

Он почувствовал, что его держат за руку.

– Клавдий... Ты ведь все понимаешь? Что происходит? Ты остановишь это, да?

Распахнулась дверца. Водитель почтительно склонился, приглашая господ инквизиторов выйти.

Неприятно пораженный ее слабостью, он хотел ответить что-то успокаивающе-неопределенное – но в этот момент из ночи будто взглянула сузившимися глазами покойная ведьма Магда Ревер. С которой лепестками сползал на пол мятый деловой костюм...

Он увидел Федору нагой. Такой, как помнил – мягкой и женственной, с тяжелой округлой грудью, со слишком широкими бедрами, с родинкой на правом плече...

Кобель, подзаборный кобель! На глазах у двух подчиненных!..

– Выходи, – сказал он резко. Слишком резко, Федора отшатнулась, но он не стал заглаживать неловкость. Его борьба с собой длилась долгую минуту и стоила новых седых волос – ладно, теперь он будет жестоким. И с Федорой, и... с ними. Товарками покойной Магды Ревер. Сколько бы их ни сыскалось в благословенном округе Одница.

(Дюнка. Февраль – март)

За неделю до окончания зимы он выпросил у приятеля-гребца ключи от домика на спортивной базе.

Под потолком горела лампочка в абажуре из паутины, и тела дохлых мух отбрасывали на фанерные стены непропорционально большие тени. Докрасна раскалялись спирали электрического камина, в углу оранжевой горкой лежали спасательные жилеты, а вдоль стены строго, как часовые, стояли лакированные весла. Клав садился на продавленную кровать и ждал.

Он не знал, откуда она появляется. Ходит ли она через *грань* или просто прячется в лозняке. Или, может быть, под водой?..

Деревянные ступеньки старого домика тихо поскрипывали под ее босыми ногами. Заслышав этот скрип, он всякий раз ощущал мгновенную обморочную слабость. И вот еще звук капающей воды – кап... кап...

Со скрипом приоткрывалась дверь. Дюнка стояла в проеме, и мокрые, не собранные в прическу волосы лежали у нее на плечах. С пряжей-сосулечек прозрачными ручейками скатывалась вода. Тускло посверкивала змеиная кожа влажного купальника...

Поначалу ему было очень тяжело. Он плел чепуху, пытаясь за болтовней спрятать страх и мучительный дискомфорт. В такие дни Дюнка молчала, чуть улыбалась сомкнутым ртом и печально, понимающе кивала.

Потом он успокоился. Привык, стал по-настоящему ждать свиданий без слабости в коленках, без обмирания и ночных кошмаров. Дюнка повеселела, и тогда он поверил наконец, что она вернулась.

Он говорил, она слушала. Все разговоры были ни о чем; иногда она клала холодную ладонь ему на плечо, и он сжимал зубы, пытаясь не вздрагивать. И брал ее руку в свою. И рука из ледяной делалась вдруг горячей, и Клав касался ее губами. И бормотал, как заведенный:

«Дюнка, я никого, кроме тебя... Дюночка, ты бы не могла вернуться совсем... Пойдем со мной, пойдем, будем жить в городе, хочешь, я брошу лицей...»

Она молчала и загадочно улыбалась. Не то «да», не то «нет»...

А потом она уходила, приложив палец к губам, – точеная фигурка, олицетворение вечного молчания. А он оставался в опустевшей комнатухе. Ходил из угла в угол, считал до ста; потом выходил наружу, брал из-под крыльца облезлую метлу и тщательно выметал дорожку, потому что кое-где на снегу, на мерзлом песке проступали отпечатки босых ног. Дальше, у камышей, следы терялись; Клав отдышал, смотрел на проступившие звезды, потом брал на плечо спортивную сумку и уходил к автобусной остановке, чтобы через день приехать опять...

Юлек Митец молчаливо радовался перемене в настроении соседа. Клав наконец-то завел себе девочку; Юлек не шутя полагал себя причастным к излечению приятеля – не зря так долго и ненавязчиво склонял его к подобной мысли. Не зря познакомил Клава с красавицей Мирой, собственной бывшей подружкой, и пусть с Мирой у Клава не сложилось – но в конце концов парень нашел-таки свое успокоение!..

Единственное, что не нравилось добродушному Юлеку, – постоянный запах табака, прочно поселившийся в их комнате. Клав курил, как химический комбинат. Дешевые вонючие сигареты.

Ранней весной Клаву исполнилось семнадцать. Хроническое душевное напряжение, любовь, радость и тайна, которые он постоянно носил в себе, сделали его необычайно привлекательным для девчонок всех мастей и пород; Юлек ворчал, обнаруживая под дверью комнаты очередное игривое послание. Клав только улыбался уголком рта, и жизнелюбивый увалень Митец в глубине души поражался его прямо-таки рыцарской верности. Надо же, какой однолюб, на сторону и подмигнуть боится!..

* * *

Его звали Пров, и на чистой лестничной площадке перед узкой дверью его квартиры пахло влажной пылью и остывшим табачным дымом. Ивга закусила губу – этот запах, да еще узор на коричневом дерматине и причудливо изогнутая дверная ручка напомнили ей тот день, когда Назар впервые привел ее в свою городскую квартирку. Будто бы время, издеваясь, повернуло на следующий круг и все, случившееся когда-то с Ивгой, теперь повторяется в кривом уродливом зеркале.

– Входи.

В прихожей пахло иначе – клеем, мылом и чем-то еще, неопределимым. Ивга проглотила вязкую слюну.

– Кофе будешь?

При мысли о кофе Ивгу передернуло. Все эти дешевые кофейни с одинаковыми белыми чашечками, темная жидкость на донце, взгляды завсегдатаев – косые и масляные...

Чая бы или молока, тоскливо подумала Ивга, но губы не пожелали разлепиться, и потому она молча покачала головой.

– Есть будешь?

Она кивнула – поспешно, даже суетливо.

– Посиди покуда... И расслабься, расслабься, картинки вот посмотри...

Некоторое время она тупо разглядывала пыльный теннисный мячик, закатившийся за ножку шкафа, потом обнаружила, что сидит на кончике мягкого кресла, темно-лилового, со слегка потертыми подлокотниками. Потом границы мира раздвинулись еще, и она увидела низкий столик с грудой журналов, диван под мохнатым пледом и прямоугольник солнечного света на полу. По границе между светом и тенью, по самому терминатору шла небольшая комнатная муха.

Ивга вздохнула; испугавшись ее движения, муха взвилась под потолок и закружилась вокруг белого плафона, на котором Ивга разглядела косо приклеенное газетное объявление: «Зоопарку требуются на работу сторож, уборщик и слонопротирщик задней части, оплата сдельная...»

Ивга облизнула запекшиеся губы и огляделась уже осмысленно. Солнечный луч падал из подернутого кисеей окна – на подоконнике стоял цветочный горшок, и в нем росла пенопластовая пальма с резиновой обезьянкой, прилепившейся к стволу. На верхушке пальмы лежал, как на блюде, надорванный пакетик красного перца.

Ивга через силу усмехнулась. Пров насвистывал на кухне, шелестел водой из крана, тихонько позвякивал посудой; от всех этих привычных, домашних звуков у Ивги кружилась голова.

Некоторое время она сидела, откинувшись на спинку кресла и зажмурив глаза. Кто бы подумал, что шум теплой воды на кухне обладает такой завораживающей силой. Приглушенные шаги, звон посуды, солнечный луч на полу... Это реально. Это сейчас. Нет ни навок, ни Инквизиции, ни прошлого, ни будущего – шум воды и запах жареного мяса, ее жизнь длится и длится, пока длится утро...

Она улыбнулась уже увереннее. В солнечном луче кружились пылинки; пестрые обои казались еще более пестрыми от россыпи тут и там приклеенных фотографий, картинок и журнальных вырезок. Помогая себе руками, Ивга поднялась.

Зимний каток, на льду танцует женщина, чья одежда состоит из одних только ботинок с коньками да красного шарфа вокруг шеи. Розовая свинья с неподражаемым скепсисом на морде. Пров, загорелый, в линялых плавках, верхом на гимнастическом «козле», стоящем по брюхо в реке. Следующая фотография – на том же «козле» уже четверо, трое мужчин и девочка лет двенадцати, на их вытянутых руках лежит громадный удав, судя по всему, живой и настоящий...

Морской берег. Полуосыпавшийся замок из песка, грустный мальчуган лет пяти, голый, в съехавшем на ухо колпаке звездочета и с подозрительной трубой в руках...

Трое, стоящие широким треугольником. В центре его...

Ивга отшатнулась, но оторвать глаз уже не могла.

В центре треугольника лежала на траве женщина со странно деформированным телом. С лицом, вдавившимся внутрь черепа, с вылезшими на лоб глазами. Надувная игрушка, из которой выпустили воздух.

Некоторое время Ивга боролась с собой – хотела вздохнуть, но вздох не получался, будто горло забили ватой. Прошедшая ночь никуда не делась. И никуда теперь не уйдет.

Следующий снимок – неожиданно большой, широкоформатный. Пожилой человек на асфальте, в луже крови. Скрепкой приколота желтенькая служебная бирочка: «Смерть наступила... в результате падения с высоты... как следствие контакта с навью...»

Мужчина средних лет в мокром спортивном костюме, на крышке сточного люка. «Смерть наступила... в результате утопления... как следствие контакта с навью».

Ванна, полная темно-бордовой воды. Желтое лицо – не разобрать, парень или коротко стриженная девушка. «Смерть наступила... как следствие контакта с навью...»

Медведь, играющий на лютне. Что-то яркое, летнее, какие-то мячи и тенты, смеющиеся дети, блестящие брызги...

– Хватит глазеть. Завтракать пойдём-ка...

Пров стоял за ее плечами. Ивга невольно дернулась от звука его голоса; широкая твердая ладонь примирительно легла ей на талию:

– Тихо, тихо... Нервная ведьма – это печально. Все равно как крокодил-вегетарианец.

Ослабевшая и покорная, она пошла за ним в кухню; на сверкающем белизной столе дымились мясным духом две тарелки, изукрашенные ломтиками помидоров.

– Руки помой...

В ванной, справа от большого зеркала, она увидела маленький аквариум. На песчаном дне его лежали расколотая амфора, несколько речных ракушек и презерватив в упаковке. Две красные рыбки равнодушно проплывали мимо таблички: «В случае крайней необходимости разбить стекло молотком».

* * *

– В последнее время я перестал их понимать. – Куратор Мавин в четвертый раз за прошедшую минуту снял очки, чтобы протереть стекла. – Они потеряли... не то чтобы осторожность... Чувство меры. Я не понимаю, ради чего они совершают... то, что совершают. Ради собственной выгоды?.. Какая там, к лешему, выгода... Безрассудная жестокость, которая заканчивается, как правило, в наших допросных подвалах. Непонятное страшит, а нынешних ведьм я не понимаю совершенно...

– Раньше, выходит, ты мог похвастаться, что понимаешь их? – Клавдий прищурился, выпуская под потолок сизую струйку дыма.

Мавин пожал плечами:

– Мне нравилось так думать, патрон. Это помогало мне... в работе.

За окнами кураторского кабинета светало. Клавдий подумал, что следует немного поспать. Прежде чем влезть в плавки и отправиться на золотой пляж, вымечтанный пляж, раскаленную губу ласкового теплого моря...

– Я и плавков-то не захватил, – сказал он вслух. Федора потупилась, Мавин вымученно улыбнулся:

– Разгар сезона... Странным образом совпавший с... я бы назвал это «временем неожиданных наследниц». Скажем, умирает от сердечного приступа уважаемая дама, не старая еще хозяйка парикмахерского, к примеру, салона... И является наследница, как правило, из глухого поселка. И... ну что ей надо?! После короткого упадка салон снова оживает, причем клиентура остается во многом прежней... И – вал пациентов для психиатрической клиники. Несколько инфарктов, несколько немотивированных убийств, внезапный выигрыш в лотерею, какая-то маникюрша, скажем, внезапно начинает петь и взлетает на вершину эстрадной славы... И тогда мы идем их брать. Как правило, слишком поздно. Они уже успели свить гнездо, инициировать с десяток новеньких; парикмахерши, они почему-то особенно...

Мавин осекся, будто не в состоянии подобрать слова.

– Вплетают клиенткам «жабьи волоски», – бесцветным голосом сообщила Федора. – Опять же, остриженные ногти, волосы... По заказу? Чьему? Кто закажет сумасшествие горничной из скромного мотеля, которая на один визит в шикарный парикмахерский салон копит деньги полгода? Зачем?..

Клавдий поднял брови:

– Но ведь маникюрша отчего-то запела?

– Маникюрша... – Федора раздраженно поморщилась. – Мы проверяли ее десять раз. Она не ведьма и не имеет к ним отношения. Случайность... или шутка.

Мавин вздохнул:

– А ведь в Однице тысячи парикмахерских, патрон. И разного рода салонов, где рядом с невинной татуировкой сплошь и рядом рисуют на коже наивных клиентов клин-знак и насос-знак. И увеселительных заведений, где... – Мавин засопел. – Я уж молчу о сотнях гостиниц, ресторанов, массажных кабинетов, частных клиник, площадок для выгула собак...

Клавдий утопил окурок в громоздкой и безвкусной мраморной пепельнице:

– Мавин, я всегда думал, что ты знаешь округ, в котором работаешь. Более того – когда ты брался за эту работу, ты знал, на что идешь; теперь ты сообщаешь мне с обиженным лицом: огонь, оказывается, жжется, а оса кусает...

Мавин снова снял очки, открывая взору Клавдия болезненно-розовый след оправы на переносице:

– Тем не менее в Однице спокойно, патрон. Внешне, по крайней мере, спокойно; ради этого мы... ладно. Но эпидемия, к примеру, случилась в Рянке, а не...

– Не зарекайся.

Мавин встретился с Клавдием глазами – и вдруг побледнел так, что даже розовая полоска на переносице слилась с кожей:

– Что? У нас? В Однице? Что?!

– Мне надо сделать одно дело. – Клавдий задумчиво пересчитал сигареты, оставшиеся в пачке. – Я должен говорить с вашими смертницами. С теми десятью приговоренными, которые еще не казнены... Не надо так смотреть, Федора. Мне понадобится допросная и... И, возможно, я буду их пытаться.

(Дюнка. Март)

Юлек не знал, что в самый день своего рождения Клаву довелось пережить новый шок.

Нехорошее предчувствие проклюнулось уже на автобусной остановке, где он по обыкновению соскочил с рейсовика, чтобы по безлюдной весенней тропе полчаса шагать до спортбазы. Никаких внешних причин тому не было – ни звука, кроме отдаленного вороньего кара, ни запаха, кроме обычного духа мокрой земли, ни постороннего следа на осевшем ноздреватом снегу – но Клав напрягся, и во рту моментально сделалось сухо.

Привычный путь он преодолел почти вдвое быстрее. У ворот спортбазы стоял микроавтобус – желтый, с цветной мигалкой. Клаву показалось, что ноги его по колено увязли в земле. Сволочи!..

Он уже почти видел тесный хоровод, в центре которого корчится девичья фигурка в купальнике змеиного цвета. Он уже почти ощущал под стиснутыми кулаками теплую, окровавленную плоть ее палачей. И он всеми силами рванулся туда, вперед, где, один против многих, он все равно сумеет защититься...

Он не сделал и шага.

Вдох. Выдох. Медленно сосчитал до десяти и двинулся вперед спокойно и неторопливо, и на лице его никто, никакой наблюдатель не прочитал бы ничего, кроме ребячьего любопытства.

Чугайстеры не танцевали. Их было четверо, они расхаживали по берегу тронутого льдом залива, курили и перебрасывались деловитыми репликами; даже не успев прислушаться, Клав понял, что танца *не было*. У станцевавших, уморивших свою жертву чугайстеров совсем другие лица. И движения, и походка.

А значит, Дюнка...

Клав почувствовал, как к бледным онемевшим щекам приливает горячая, шипучая кровь. Дюнка... есть. С ней ничего не случилось. Ее не поймали.

С днем рождения, Клав. Сегодня ты счастливец.

Его давно заметили. Он выждал еще – ровно столько времени, сколько потребовалось бы бойкому пареньку на преодоление естественной робости. Потом несмело шагнул вперед:

– Добрый день... Тут что-то случилось, а?

Снова эти взгляды... Клав думал, навсегда избавился от страха перед ними. Оказывается, он ошибался.

– Привет. – Старший из группы был невысок и черняв, по-видимому, южанин. – Позволь узнать твое имя и что ты здесь делаешь?

– Я Клавдий Старж, третий виженский лицей, вот, хотел бы заняться греблей...

– Прямо сейчас? Лед на воде, мальчик. Впору хоккеем заниматься...

В следующую секунду лицеисту Старжу полагалось раскалываться. Бледнеть и краснеть под пристальным взглядом, по капельке выдавливать из себя страшную правду...

Ему *хотелось* признаться. Так же, как, бывает, хочется есть, как хочется справиться с нуждой...

Хорошо, что он выглядит даже младше своих лет. Чугайстер знает, что ни один мальчишка под таким взглядом не соврет. Тут взрослому непросто удержаться.

И Клав захлопал ресницами, имитируя смутнение. Он занимается обычным делом – убирает домик, ремонтирует спасжилеты... Смотрит опять же, все ли замки на месте... В прошлом году вот холодильник из тренерского домика сперли... А штатного сторожа нет...

– Ты один сюда ходишь? Или, может быть, с другом? С подружкой?

Он замотал головой, так что волосы выбились из-под капюшона. Никто в такую даль не хочет переться, ему и нравится, что не мешает никто...

– Когда ты приезжал в последний раз? Кого ты здесь встречал? Кого видел?

Он охотно закивал: были всякие. Один пацан шлялся, видно, стянуть чего-то хотел... Ну рыболовы приходят. Чаем его угощали из тер...

Его грубо оборвали. Велели заткнуться, поворачиваться и идти вон. И больше здесь не появляться. Здесь, по всей видимости, *навье*...

Семена и оглядываясь, он вышел за ворота спортбазы. На полпути к остановке свернул с дороги, забрался в невысокий молодой ельник, сел на сырую холодную хвою и закурил.

Они хотели убить Дюнку. Заставить умереть снова. Но она ушла; он почему-то точно знает, что Дюнка спаслась, что ей уже ничего не грозит.

На этот раз.

* * *

Ивга лежала на диване, поверх мохнатого пледа. Лежала, прижимаясь плечом к стене, не снимая ни свитера, ни видавших виды брюк; Пров сидел здесь же, и его расслабленная поза ни к чему не обязывала. Спокойствие и доброжелательность, никакого нажима – и в то же время Ивга не сможет подняться, пока Пров не выпустит ее... Но он ведь выпустит?

Есть ли у нее выбор, хорошо бы узнать. Пров славный парень, он с ней добр... Чего бояться, если ты не навка?..

– Чего ты боишься? – негромко спросил Пров, будто поймав ее на мысли.

– Ничего...

– Помыться хочешь? – Он улыбнулся. – Извозилась же вся, как поросенок, под этими вагонами...

Кажется, выбора все-таки нет.

– Да... Если рыбки... в ванной... не испугаются.

Она запоздало сообразила, что фраза получилась с намеком, и в ужасе покраснела. Жгуче, до слез.

– Рыбки привычные, – сказал Пров с усмешкой. Рука его легла Ивге на подтянувшийся живот.

Ивга заревела.

Она не знала, какое из своих несчастий оплакивать первым. Сильнее оказалась горечь от того, что на ее долю никогда не выпадет спокойное утро со звоном посуды. Что не будет падать солнце из приоткрытого окна и Назар... да, Назар не позовет ее завтракать. Ивга отдала бы жизнь за одно такое утро. За многократно осмеянное счастье – быть как все...

– Я ведьма, – сказала она Прову, глотая слезы.

Тот серьезно кивнул:

– Не повод, чтобы проливать слезы.

– Ты... не брезгуешь? Тебе не противно?..

Пров смотрел на нее долго и так внимательно, что впору было прятаться под пушистый плед.

– Ты меня боишься. – Он убрал руку с ее живота. – А тебя когда-нибудь боялись?..

Ивга всхлипнула.

Пров неуловимым движением подался вперед. Больно придавил к дивану прядь волос, и она поняла, что от него пахнет мятой. Не то от зубной пасты, не то от жевательной резинки.

– Мне плевать, ты ведьма или нет. – Его рука осторожно высвободила пострадавшую Ивгину прядь. – Или ты брезгуешь, что я чугайстер?

Она отчаянно замотала головой.

– Тогда давай отомстим твоему... который профессорский сын. Мерзавец он.

– Нет...

– Что – нет? Не отомстим?!

– Не мерзавец, – прошептала Ивга, с замиранием глядя в черные, с неподвижными зрачками глаза.

– Дурак тогда, – сказал Пров примирительно. – Такую девку бросить...

Назар меня бросил, бросил, в отчаянии подумала Ивга. Выбростил. А Пров подобрал... На помойке...

– Ты слишком много думаешь, – мягко сказал Пров. – Бывают минуты, когда думать не надо.

– Ты же вроде бы устал... после дежурства, – выдохнула она, судорожно цепляясь за собственную нерешительность.

– Я уже отдохнул. – Он провел ладонью по ее волосам. – Ступай, покорми рыбок... Полотенце возьми зеленое. Корм в коробочке возле зеркала... И не бойся ты, не будь такой затравленной. Я из тебя человека сделаю.

Дверь ванной не запиралась – зияла дырой от замка; Ивга нерешительно повертела в ней пальцем. Чего уж там... Она ведь не на заклятие идет. Не на смерть. Не в круг танцующих чугайстеров, не в пластиковый мешок на железной молнии... Не в подвалы Инквизиции. Не в душную контору, где ведьм берут на учет.

Собственно, Назар, чего ты ждал? Ты видишь, какой у меня скудненький выбор. Не хочу ни на учет, ни на костер... На панель, кстати, тоже неохота. Хотя... Господа, посетите экзотический бордель «С ведьмой в постели». Секс на помеле, вы будете очарованы...

Она соскучилась по горячей воде. Жадно соскребывала с себя ночи в залах ожидания, смывала запах метро, и назойливый запах дезодоранта смывала тоже – надоел. Измучил за эти три дня, она купит себе другой, пусть на последние деньги, но сегодня же, сегодня...

Она хотела соскоблить с себя кожу. Как змея. Обновиться, отбросив прежнюю, ненужную, тусклую и дырявую жизнь. Будто старый чулок. И, к примеру, без оглядки полюбить доброго человека Прова...

Без оглядки. На те сутки, что остались ему до нового дежурства.

Молния на пластиковом мешке. Молния, молния, красные рыбки в аквариуме, жадно хватающие комочки остро пахнущего корма. Страшные останки навки на истоптанной траве. Струи горячей воды...

Пров деликатно стукнул в дверь:

– Ты не утонула? Пираньи не слопали?

Зеленое полотенце оказалось размером с простыню. Ивга стояла перед Провом, укутанная, как памятник за секунду до открытия. Судорожно сжимая в опущенной руке влажную от пара одежду.

– Подожди. – Пров шагнул в ванную, на ходу расстегивая брюки. – Я их тоже покормлю... Несколько мгновений Ивга стояла в темном коридоре, слушая шум воды.

* * *

Они примчались к стадиону спустя полчаса после начала концерта, когда трибуны подпевали и аплодировали, когда толпа, стремящаяся проникнуть за ограждение без билета, слегка рассеялась, а само ограждение, цепь парней в униформе, слегка расслабилось и подобрело. Над полем плавали цветные дымы, и по ним носились, ныряя и выныривая, мощные огни прожекторов.

– Ты никуда не пойдешь, – сказал Клавдий Федоре.

В микроавтобусе, полном вооруженных людей, было непривычно тихо. Как в зале суда за секунду до вынесения приговора. Как в больнице...

– Патрон, – Мавин кашлянул, на стеклах его очков прыгнули блики, – Великий Инквизитор не... здесь оперативная работа. Локальная операция на моем участке, за которую отвечаю я, и только...

Клавдий кивнул, соглашаясь. Дождался, пока Мавин облегченно вздохнет, и сообщил холодным официальным тоном:

– Исходя из чрезвычайной ситуации, считаю свое личное участие уместным и необходимым. Оперативная группа, – он обвел взглядом сидящих в автобусе, – поступает под мое непосредственное начало. Да погибнет скверна...

Мавин молчал. Клавдий постоял перед ним секунду, чтобы закрепить эффект, а потом открыл дверцу и спрыгнул на асфальт.

Площадь перед стадионом была загажена до невозможности. Переступая через смятые пластиковые стаканчики, обрывки газет и цветную кожуру южных фруктов, Клавдий двинулся в обход огромной каменной чаши, чаши под вечерним играющим небом, тарелки, полной бурлящим человеческим варевом...

Варево. Суп. Опоздал?!

Со стороны сцены надзор был устроен. Группками стояли оставшиеся не у дел поклонники, хмуро поглядывали охранники, увешанные кобурами, будто напоказ. При виде инквизиторского значка опасные стражи расступились – слегка испуганно, будто толпа деревенских мальчишек.

Над стадионом прыгала песня – и неплохая, надо думать; жаль, что Клавдий никогда уже не прочувствует ее прелести. Подобно хирургу в балете, видящему на месте танца лишь напряженные мышцы и пляшущие сухожилия, сейчас он слышит вместо музыки назойливый шум, глухие ритмичные удары. Не совпадающие с ритмом сердца. Мешающие сосредоточиться.

Не останавливаясь, он вытянул правую руку в сторону и вниз. Те, кто следует за ним по пятам, далеко не дилетанты. Ох, как давно ему случалось в последний раз выезжать на операцию, как давно...

Второй заслон, в штатском. Магическое действие мигающих инквизиторских значков; вытянувшиеся лица. Девочки из подтанцовки, полуголые, в прозрачных брючках на потное тело; дама в длинном пиджаке, с профессионально твердыми складками в уголках поджатых губ:

– В чем дело, господа? Вы...

– Верховная Инквизиция.

Третий заслон. Мордovorот, которому плевать на значки и приличия; Клавдий не хотел бы марать о него руки именно сейчас. Когда он чувствует ведьму. Все более и более явственно. Там, за закрытой дверью...

– А ну, назад! Стоять, говорю!..

Мордоворот угрожает чем-то... Кажется, пистолетом. Хватит ума выстрелить... В эдакой толчее...

Клавдий шагнул в сторону. Пусть мордоворотами занимаются те, кому это положено по рангу; он, Великий Инквизитор, чувствует ведьму. Он и забыл, что ведьмы не рождаются в допросных кабинетах, готовенькие, в колодках; он не помнит, как выглядит хорошая свободная ведьма...

Он не стал касаться ручки. Просто подал знак – кто-то из тех, кто шел следом, прыгнул, как белка, и ударился в дверь плечом. Податливая фанера, а с виду такая неприступная...

Грохот. Тонкий вскрик; все тонет в ритме длящейся и длящейся песни.

Комната роскошна. На бархатных диванах живописно разбросаны какие-то тряпки; глубокие зеркала послушно отражают бесконечный ряд светильников. Женщин две – одна стоит в углу на коленях, закрывая лицо руками; другая замерла за спинкой вращающегося кресла, и в руках у нее коробочка с гримом, а глаза...

Клавдий отшатнулся. Ему показалось, что два невообразимо длинных, остро отточенных лезвия одновременно проходят у него под ушами и с двух сторон вонзаются в шею. Стоящая перед ним ведьма была невероятно сильной. Чудовищно.

– Назад, инквизитор.

Снова тонкий крик. Кричит женщина, стоящая на коленях в углу.

– Назад. Или на трибунах окажется много-много парного мяса.

Клавдий молчал. Не время тратить силы на разговоры.

– Ты слышишь меня, инквизитор?..

Песня оборвалась.

Эффектно, на взлете, на высокой ноте, резко, как подстреленная; стадион взорвался аплодисментами, и в этот момент Клавдий кинулся.

Губы ведьмы страшно искривились. В лицо ударил направленный луч страха – панического, тошнотворного. Он успел выкинуть перед собой руки – зрачки ведьмы сделались вертикальными, как у кошки:

– На... зад...

Снова поток страха – как удар бича. Но уже слабее бича, готового вывалиться из руки.

– Назад... инквизитор...

В руках ее тускло полыхнул металл. Серебро. Изогнутый язык серебра.

Вздых. Ведьма запрокинулась назад – грациозно, по-своему красиво; потом, резко согнувшись пополам, кинулась на пол.

Удар рукоятки о паркет. Все.

Та, что стояла на коленях в углу, тихонько заскулила. Там, наверху, на сцене, ударила музыка, и ритмично загнусавили сразу несколько неокрепших девичьих голосков.

Клавдий жестом остановил людей, столпившихся в дверях. Подошел к лежащей ведьме. Провел над ней ладонью, будто желая и не решаясь погладить. Рука ничего не ощутила – будто на паркете было пусто.

Клавдий взял лежащую за плечо и с усилием перевернул лицом вверх.

Кровь ведьмы казалась черной, как кровельная смола. Клавдий только теперь понял, что на лежащей надет синий халатик гримера. И между кокетливыми нагрудными кармашками торчит рукоятка серебряного ритуального кинжала, дарящего мгновенную и гарантированную смерть. Прекрасная участь для любой ведьмы. Славный уход.

– Что... здесь... господа, вы...

Клавдий обернулся. Отодвинул локтем потную, перепуганную звезду, в ужасе топчущуюся на пороге собственной гримерки. Как покойница говорила? «Много-много парного мяса»?..

Флаг-ведьма, пророчица. «Одница, округ Одница, да, да, да!...»

Что там она еще пророчила, а?..

За дверью, перед фронтом испуганной толпы администраторов и служек стоял куратор Мавин, и глаза его горели холодно и хищно.

(Дюнка. Апрель)

– ...Так куда вас везти, ребята?

Пассажиров было двое. Парень лет шестнадцати и девчонка, закутанная в длинный черный плащ; поднятый воротник закрывал ее лицо до самых глаз.

– Проезд Мира? Ого, в этот час в центре такие пробки...

– Мы не спешим.

Машина неспешно глотала километры. Клав сидел, вжавшись спиной в кожаное сиденье, крепко сжимая в руке холодную Дюнкину ладонь.

Теперь все будет по-другому. Он не позволит за ней охотиться, он никому ее не отдаст. Многолюдная Вижна – не пустая лодочная база, попробуй выследи среди миллиона следов единственный Дюнкин след...

Он снял квартиру в центре. Выпотрошив для этого заветный счет, заведенный три года назад с мечтой купить спортивную машину. Клетушка на пятнадцатом этаже тесного, как улей, дома, где даже соседи знают друг друга лишь мельком и случайно; теперь у них с Дюнкой будет настоящая спокойная жизнь. Будто бы ничего *этого* и не было...

Он вздрогнул, сжимая руку сильнее. Ему было страшно. Он боялся за Дюнку – но вот горе, Дюнку он боялся тоже. Его мозг пытался – и не мог осилить это противоречие: Дюнка умерла... Дюнка вернулась... Она в могиле... Она мертва – и вот она, сидит рядом...

Усилием воли он запретил себе задумываться. О жизни нельзя думать слишком усиленно – пропадет охота жить. Не будем предвосхищать грядущие беды, будем решать проблемы по мере их поступления...

На Дюнкиной спине пятном проступила влага. Это мокрый купальник пропечатывается сквозь тонкий плащ...

– Тебе не холодно?

Отрицательный жест головой. Теперь ей никогда не бывает холодно. А пальцы у нее ледяные, как зима...

Будто ощутив его настроение, она чуть повернула голову. Легко сжала его ладонь – чуть-чуть:

– Клав... Не... покидай... меня.

* * *

Комнатушка была размером с автобус. Над улицей нависал балкон, полукруглый, с неровными проржавевшими перилами. У Клава, который вышел покурить, сразу же закружилась голова, потому что под ногами, на расстоянии четырнадцати этажей, текли друг другу навстречу два безостановочных потока – сверкающий металл, разноцветные фары, раздраженные, доносящиеся в поднебесье гудки... И ночи – как не бывало. Грязноватый, неестественный свет.

Дюнка сидела на продавленном диване. Она скинула плащ и снова осталась в проклятом купальнике змеиного цвета.

– Сними его, – попросил Клав шепотом. – Давай его... сожжем.

Против ожидания, она послушно кивнула. И стянула с плеча лямку. И другую тоже; Клав смотрел, не догадавшись отвести глаза.

Ее грудь казалась белой в сравнении с остальным телом. Ах да, загар... Не бронзовый, а пепельно-сероватый. Или путает свет, пробивающийся с улицы?..

Дюнка привстала, стаскивая змеиную ткань с бедер. Клаву захотелось зажмуриться. Купальник превратился теперь в мокрую тряпочку, жгутом скрутившуюся на ее коленях.

Его бросило в жар. Он невольно взялся рукой за пряжку собственного пояса; Дюнка сбросила купальник на пол и поднялась:

– Клав...

Волосы на его голове встали дыбом. Он чуть не вскрикнул – так больно столкнулись в нем два одинаково сильных, одинаково безжалостных знания.

Любимое тело. Его девушка. Его женщина.

Мокрые волосы-сосульки. Ледяные ладони. Босые следы на промерзшем песке. Удушливый запах цветов на могиле, и ее лицо – это самое лицо! в широкой траурной рамке...

Он видел ее в гробу. *Как* теперь...

– Клав... не... прогоняй... меня...

– Я не прогоню, – вытолкнул он сквозь пересохшее горло. – Но...

– Не бойся... Клавушка, не бойся... Я же тебя люблю... Обними меня, Клав, я так долго...

Он впился зубами в нижнюю губу, так, что потекла по подбородку теплая струйка крови:

– Дюночка, не сейчас...

– Клав. Клав...

Не могу, подумал он беспомощно. Не... могу.

Дюнка стояла рядом, и ее руки были холодные, как рыбки. Будто бы она слишком долго просидела в речной воде.

И правда, долго. Ох как долго...

Он заставит себя поверить, что время отступило на десять месяцев. Что сейчас жаркий июнь, что завтра экзамен, что Дюнка попросту перекупалась и продрогла. Он заставит себя забыть похоронную процессию и этот ужасный цветочный запах. Запах кладбищенской глины... Он забудет. Сейчас.

– Клав...

– Сейчас, Дюночка. Сейчас...

У этого поцелуя был привкус крови из прокушенной губы.

– Клавушка...

Он стиснул зубы. Он уже знал, что решится.

Глава 4

Телефон плакал длинными гудками. Телефон истекал жалобными воплями: подойди ко мне, подойди... Возьми трубку, это так важно, от этого зависит человеческая жизнь...

Назар не слышал. Назар выдернул телефонный шнур из розетки, установив в своем мире тишину и покой. А может быть, он просто спал.

Ивга устало опустилась на влажную скамейку.

В прихожей у Прова тоже стоял телефон, на маленьком телефонном столике; у Ивги хватило сил развернуть столик, поставить его поперек коридора – одним торцом в дверь ванной, другим в противоположную стену... Тесная квартирка у Прова. А дверь ванной открывается наружу.

Там же, в коридоре, она натянула мокрое, выстиранное белье. Глотая слезы, влезла в джинсы и свитер. Не завязывая шнурков на кроссовках, вылетела за дверь; шум воды в ванной оборвался. Ивгу захлестнул страх – почти как тогда, на ночном пустыре, среди неподвижно чернеющих вагонов...

Она побежала. Сумка колотила по заду, будто подгоняя, поддавая охоты; на дорожке перед домом от нее шархнула стайка ребятишек. Старик с хозяйственной тележкой еле удержался на ногах; она вскочила в закрывающиеся двери автобуса и пять остановок боялась, что Пров ее догонит.

За что она так с ним? Что он ей сделал, кроме хорошего?..

И что будет, если он все-таки ее разыщет? Если станет искать...

Ох, станет. Такое не прощают. В особенности Пров...

Если бы Назар только подошел к телефону. Ивга не стала бы молчать в трубку – она вполне созрела, чтобы говорить. Чтобы униженно просить, она созрела тоже. Чтобы наняться к папе-свекру... тьфу, к бывшему папе-свекру, к профессору Митецу... Наняться в домработницы. Свадьбы не будет, это козе понятно, Ивга больше не гордая, не честолюбивая, вообще никакая... Если Назар не захочет любить ведьму... то пусть защитит хотя бы. Пусть будет... к ведьме... снисходителен...

Косой взгляд проходившей мимо женщины хлестнул, как пощечина. Жалостливо-брезгливый взгляд, подаренный юной бродяжке с мокрыми глазами и красным от слез носом; Ивга ощутила себя налипшим на скамейку плевком. Гадким на вид и возмутительным с точки зрения санитарии; интересно, не захочет ли полицейский патруль, неторопливо прогуливающийся вдоль улицы, расспросить подозрительную девчонку на предмет документов?

Ивга явственно представила себя в приемнике-распределителе. Бездомная безработная ведьма, не состоящая на положенном учете, стучит кулачком по пыльному столу полицейского капитана: «Я позвоню Великому Инквизитору Вижны! Лично! Немедленно! И вот тогда вы ответите...»

Полицейский патруль приближался; Ивга подавила в себе паническое желание бежать. Нашупала в сумке блокнот, раскрыла на первой попавшейся странице, углубилась в изучение собственного скверного почерка. Человек занят делом, человек всего лишь на минуту присел на парковую скамейку, человек – абитуриентка, приехавшая из провинции поступать в институт, слегка потрепанная, но очень-очень прилежная ученица...

Скосив глаза, она видела, как их тени проползли в сантиметре от ее кроссовок. Проползли – но не задели, хороший знак...

– Не трясись, дура. Им до тебя нет дела.

На другом конце скамейки сидела девчонка в платье, похожем на школьное. Рядом источала аппетитный пар вечная тележка с горячими бутербродами.

– Ты бы имидж поменяла, – сказала ей Ивга сквозь зубы. Девчонка подняла брови:

– Что?

– Имидж, – Ивга презрительно скривила рот. – Купи себе парик и зонтик... Или надень кожаную куртку с нашлепками и заведи мотоцикл. Меня тошнит от твоих «бутербродов»...

Девчонка усмехнулась, несколько не уязвленная:

– Боюсь, сменить имидж придется тебе. Стань на учет – тебе помогут в выборе судьбы. Целлюлозная фабрика в пригороде и отеческий надзор Инквизиции вполне соответствуют твоим взглядам на жизнь, правда?

Ивга молчала. Из узких щелочек девчонкиных глаз смотрело опытное, хищное, умудренное существо.

– Чего ты хочешь? – спросила Ивга беспомощно.

Девчонка сморщила нос:

– Рассказать тебе, как берут на учет?.. Сперва велят раздеться догола... Потом разденут твою душу – все про себя выложишь как миленькая, слова из ушей ползут... Наговоришь большую-пребольшую кассету... или даже не одну. А потом придет такой... – девчонка дернулась, как от боли, – из тех, которые... Маркированный инквизитор. И полезет немытыми руками – в тебя...

– Это тебя на учет брали? – тихо спросила Ивга.

Девчонка ухмыльнулась. К ней вернулось самообладание; вернее, она его и не теряла. Просто позволила себе немножко эмоций, чтобы Ивга затряслась, чтобы почувствовала отвратительный привкус во рту.

– Идем со мной, – сказала девчонка другим голосом, мягко.

– Шла бы ты, – попросила Ивга шепотом. – Пожалуйста. А?

Девчонка помолчала. Привстала, выловила из тележки бутерброд, аккуратно откусила, налепив на нижнюю губу зеленую лапку петрушки.

– Меня поражает, как долго ты сопротивляешься неизбежному. – Зеленая лапка исчезла, подобранная длинным языком. – Как усердно барахтаешься в этом дерьме.

И, не произнося больше ни слова, поднялась и двинулась вдоль улицы; короткий коричневый подол колыхался, то и дело ныряя под еще более вытянувшуюся, мешковатую серую кофту.

* * *

Вечером к Ивге пристали двое странных мутноглазых парней.

Она шла по стремительно пустеющей улице, чувствуя за спиной их неотвязчивые наглые взгляды; чтобы уйти от них, она завернула в ярко освещенный магазин; там, среди высоких стеллажей и неторопливо бродящих покупателей, парни настигли ее снова, встали, не таясь, у входа и принялись увлеченно разглядывать лоток с малопрстойными журналами. Время от времени то один, то другой бросал на Ивгу оценивающий взгляд – будто сравнивая ее достоинства с голым мясом на глянцевах обложках. Понемногу накаляясь, Ивга ощутила, наконец, холодное бешенство.

Сжав зубы, она прошла мимо парней к выходу; от них пахло. Еле ощутимо, сладковато, тошнотворно – Ивга не стала и гадать, что за начинка содержалась в их сигаретах; странные мутные глаза преследователей перестали ее впечатлять. Обкурившаяся шваль...

– Эй, лисенок!

Ивга невольно дернулась. Таким именем иногда называл ее Назар; теперь ласковая кличка навсегда осквернена чужим смрадным ртом.

Она ускорила шаг.

– Лисенок, не беги так... Хочешь коньячка?

– Пошли вон, – бросила Ивга сквозь зубы. Ее сердце колотилось как бешеное, а во рту стоял гадкий привкус. Знакомый привкус страха.

Цепкая лапа больно взяла ее за плечо:

– Надо же, любая сучка нынче выживает, как та королева...

У Ивги потемнело в глазах.

Дни и ночи позора, унижения, бегства. Перед Инквизицией она бессильна, чугайстеры внушают ей ужас – но почему же всякая дрянь...

Дальнейшее она помнила плохо; ночь подмигнула тусклым огоньком брошенной под скамейку бутылки, и удобное горлышко само легло в ладонь, и брызнули, разлетаясь, осколки:

– А ну, идите сюда...

Она хотела добавить слово, давшее бы этим двоим достойное название, – но не смогла. Самое грязное ругательство казалось плоским и пресным, а потому она просто шагнула навстречу парням, намереваясь вспороть обоим животы.

– Да пошла ты, ведьма пучеглазая!

По мере того как они отходили все дальше и дальше, все тише и тише становилась изрыгаемая ими брань. Слово «ведьма» не было обличением – просто еще одно звено в цепочке ругательств; редкие прохожие, наблюдавшие за сценой издали, засуетились, Ивге померещился отдаленный полицейский свисток. Она посмотрела на разбитую бутылку в своей руке. Удобное горлышко щерилось кривыми зубами осколков; Ивга огляделась в поисках урны. Почему-то в этот момент очень важным казалось не насорить на улице; счастье, что урна оказалась рядом, и железная крышка открылась, и полупустое брюхо удовлетворенно приняло Ивгин дар.

«Как усердно ты барахтаешься в этом дерьме...»

По пальцам скатывалась черными каплями кровь. Все-таки порезалась.

* * *

Дверь подъезда была заперта. Ивга долго стояла в подворотне, слушая, как бежит по канавам ленивая дождевая вода.

Куда выходят окна квартиры четыре? На площадь Победного Штурма или во двор, где мокнул под дождем детские качели?..

Ее решимость таяла. Проклятая ночь и проклятые тучи. Проклятый замок на двери подъезда; возможно, за запертой на ночь дверью сидит еще и охранник. Дремлет, смотрит маленький телевизор, греет ноги у электрического камина и поглядывает в сторону квартиры номер четыре...

Из подворотни она перебежала в телефонную будку. Постояла, замороженно глядя на танец капель, сползающих по стеклу. Подняла разом потяжелевшую руку, набрала номер, который даже не надо записывать. Врезался в память.

Никто не брал трубку. Ивга сползла по стене спиной, обняла колени и заставила себя ни о чем не думать.

* * *

Ранним утром дверь подъезда открылась изнутри. Старушка с собачкой, неуловимо похожие друг на друга, обе породистые, ухоженные и серьезные, вышли на ритуальную прогулку.

Ивга дождалась, пока старушка аккуратно подденет на совок собачьи экскременты, перенесет через весь двор и торжественно опустит в специально отведенный ящик. Ивга дождалась, пока обе, совершив по двору несколько неторопливых кругов, поднимутся на крыльцо подъезда; пропустив собачку вперед, пожилая женщина оставила дверь открытой. Начался новый день.

В подъезде пахло дождем. Охранника не было – вместо него в углу стоял, распирая кадку, мясистый фикус. Который, вероятно, видел старушку девочкой и собачку – щенком...

Ивгины кроссовки оставляли на светлых ступенях мокрые следы. Потолки в доме были столь высокими, что в углах над лестницей вольготно чувствовал себя полумрак; Ивга шла, скользя рукой по лакированной ветке перил. Ступенек оказалось неожиданно много – хотя подниматься пришлось всего-то на второй этаж. К высокой, обитой черным бронированной двери...

Замирающий звук входного звонка. Ивга отдернула руку от кнопки, зеленой, как пуговица на ее старом пальто.

Молчание. Тишина; потом на третьем этаже гулко щелкнул замок и тут же возбужденно залаяла собачка.

Ивга отпрянула от двери; медленно сунула руки в карманы, подняла голову.

Старушка стояла в пролете, и на лице ее не было ни страха, ни обычной в таких случаях подозрительности. Просто безмерное любопытство:

– А господина Старжа, кажется, нет... Он уехал позавчера. Вы что-то хотели?

– Нет. – Ивга отвернулась. Старушка, кажется, удивилась еще больше:

– Но вы ведь к Клаву? То есть я хотела сказать, к господину Старжу?..

Наверное, следовало что-то сказать. Минуту Ивга пыталась выдавить из себя хоть слово; потом повернулась и двинулась вниз. Грязная ладонь бессильно скользила по желтому лаку перил.

* * *

Клавдий спал, и во сне ему казалось, что он рыба. Круглая, как шар, и совершенно седая; ему нравилось быть рыбой, но когда самолет стал заходить на посадку, сон оборвался неприятным замиранием в груди.

Двоих он пытал напрасно – они попросту ничего не знали. Третья знала, но вырвать из нее это знание было не под силу даже ему; пятая долго молчала, но под конец сдалась и рассказала все...

Хоть вряд ли это было именно «все». Мавин – профессионал... Мавину придется тяжело поработать, но это именно работа, а не лихорадочное тушение пожара. Пожар, надо думать, они временно затоптали.

«Ты ведь все понимаешь? Что происходит? Ты остановишь это, да?..»

А кто его знает...

Самолет нырял, проваливаясь в воздушные ямы; желудок Клавдия прыгал к горлу, какое счастье, что он уже почти сутки ничего не ел... Впрочем, не надо себя обманывать. Его мутило бы и на твердой земле. Теперь его будет мутить долго, очень долго, всю жизнь...

Надо было заставить Мавина, подумал он зло. Он же куратор, ведьмы, надо думать, тоже его... Вот пусть попотел бы. Наступив на горло собственной чистоплотности и... еще чему-то, и это «что-то» у Клавдия все в синяках. В кровоподтеках; надо было Федору заставить, она баба жестокая...

Он криво усмехнулся. Мавин... не добился бы *того* признания. Приятно осознавать профессиональное превосходство над подчиненным. Как в анекдоте про ассенизаторов: «Учись, сынок, не то так и будешь всю жизнь ключи подавать...»

Самолет коснулся бетонки; Клавдий с сожалением ощутил, как чувство полета сменяется суетливым бегом по взлетной полосе. Сейчас он придет домой, отключит телефон и снова станет рыбой. Во сне. Где нет ни тягостного предчувствия, ни ведьм, ни чаши стадиона, которая нависает над головой, огромная бетонная тарелка, человеческая каша, каша, месиво...

Его передернуло. Вот с этим самым чувством он вчера шел в подвал. А сегодня к нему добавилась еще картинка: тысячи людей в панике бросаются к выходам... Женщины, дети, подростки, кровавое варево в бетонной чашке...

Самолет остановился. Хватит, сказал себе Клавдий. Сейчас мы эту мысль выключим...

Он набрал полную грудь воздуха и вообразил все до последней черточке. В подробностях и красках – вплоть до чьих-то раздавленных очков под сиденьем. Потом представил, как по яркой воображаемой картинке ползут трещинки, будто по разбитому стеклу. И как осколки со звоном осыпаются. Облегченный выдох; все.

Шел дождь.

– Как там в Однице, патрон? – приветливо спросил телохранитель.

– Разгар курортного сезона. – Клавдий улыбнулся. – Магнолией пахнет, пес побери...

Бери отпуск, Сали, жену за шиворот – и на пляж...

Телохранитель засмеялся, распахивая перед Клавдием дверцу машины:

– Я развелся, патрон...

– Да? – удивился Клавдий. – Ну и правильно... Потому как от этих баб одни неприятности. И чуть не каждая вторая – ведьма...

Рассмеялись уже вдвоем.

Два часа назад Федора провожала Клавдия – до самого трапа. Молча; собственно, по этикету она и должна была его провожать. Потому как куратор Мавин несет службу денно и нощно, а визит Великого Инквизитора был не официальным, а рабочим... Даже чернорабочим. Очень-очень черно.

Федора молчала, а ему было не до нее. Не терпелось остаться в одиночестве. Откинуться на спинку кресла и попытаться зализать раны. Восстановить хотя бы видимость душевного равновесия.

– Держись, Федора. Работай; детям привет...

– Передам.

– Им нравится в Однице? Все-таки море?

– Наверное, нравится.

– До свидания. Я полетел.

– Счастливой дороги... Клав.

Потом, вспоминая и анализируя, он так и не смог понять, с каким выражением она на него смотрела. Как на палача? Да ну, вряд ли, это с его стороны совершенно неуместная мнительность... Как на героя?..

Такой же взгляд он запомнил когда-то в глазах ее дочери. Девчонке было лет пять, мама уезжала в командировку – надолго, и девчонка смотрела устало и безнадежно, недетским взглядом, будто повторяя про себя: ну что я могу поделать против судьбы...

Мама уезжала в командировку, которая называлась «месяц с дядей Клавом на безлюдной турбазе». Ну что мы все можем поделать против судьбы...

Машина выкатила на площадь Победного Штурма, и Клавдий с удовольствием отметил, что отвлекся от запрещенных мыслей. Несколько часов сна – и он будет готов копать дальше. Почему-то он уверен, ведьмы с глубоким «колодецем» плодятся не только в Рянке и не только в Однице... Но – потом. Все потом.

Телохранитель заглянул в подъезд, вернулся и почтительно встал за плечом – ожидая, пока Великий Инквизитор закончит разглядывать клумбу с ирисами и поднимется наверх. Клавдий вяло махнул рукой:

– Иди, Сали... Пока...

На лестнице было холодно и влажно. Клавдий поднялся до половины пролета – и только теперь почувствовал близкое присутствие ведьмы.

(Дюнка. Апрель)

Он приносил ей хлеб, кефир, запакованные обеды из студенческой столовой; кажется, она ничего не ела. Она разламывала булку и разливала кефир по нескольким стаканам – однако то была лишь иллюзия трапезы; Клав безропотно мыл посуду и приносил новую порцию. Он принял правила игры, более того – он пытался в них поверить.

Он почти полностью забросил занятия, отощал и осунулся. Юлек Митец вторую неделю не желал с ним разговаривать, потому что в ответ на какой-то невинный вопрос Клав жестко отбрил его, оскорбительно и совершенно без причины; еще более обидным оказался для Юлека тот факт, что от «бойкота» страдал, похоже, только он сам – Клаву на эти психологические тонкости было глубоко плевать.

Клав жил, отделенный от прочего мира непроницаемой пленкой. В крохотной квартирке на пятнадцатом этаже дома-муравейника его ежесекундно ждала любимая женщина, которая вроде бы мертва; днем и ночью отрешенный от мира Клав пытался решить главный вопрос своей жизни: счастье он испытывает или мучение.

Всякий раз, касаясь ее, он делал над собой усилие. Задерживал дыхание, не желая ощущать исходящий от нее запах воды, и с трудом разжимал губы, отвечая на ее поцелуй. Но проходила минута мучительной борьбы – и тело его, повинувшись инстинкту, распознавало в ее прикосновениях настоящую жаждущую плоть. И тогда, отвечая, согреваясь в его тепле, Дюнкино тело утрачивало холод и скованность; кожа ее розовела, наливались цветом губы, и, целуя ее в шею, он чувствовал сбивчивый пульс. Толчки ее крови.

Тогда память почти без труда возвращала теплое лето, и он покаянно шептал: «Дюночка, прости» – и обнимал ее так, будто хотел задушить.

Вот уже месяц они жили как муж с женой.

Он продал букинисту десяток своих любимых книжек и купил ей платье и белье, туфли и тапочки, и даже набор косметики; ему казалось, что вещи из человеческого обихода, в небрежном порядке расположившиеся на видных местах в маленькой квартирке, помогут преодолеть слабый налет бреда, который, хочешь не хочешь, все же лежал на их странной игре. Он даже предложил однажды:

– Давай позвоним твоим родителям?

Дюнка долго смотрела, не отрывая глаз. Потом медленно покачала головой, и Клав пожалел о своей глупости.

Ее волосы никак не желали просыхать. Когда Клав обнимал ее, мокрые пряди холодными змейками касались его плеч; он пересчитал деньги, оставшиеся после последнего визита к букинисту, и купил ей мощный пятискоростной фен.

Кажется, она обрадовалась. Он бездумно сидел в облезлой комнатухе и слушал басовитое гудение, доносящееся из ванной; потом к нему добавился плеск воды.

Он постучался, заглянул; Дюнка улыбнулась и направила струю теплого воздуха ему в лицо. Клаву показалось, что он бедуин, ощутивший дыхание раскаленной пустыни.

Ванна была полна; шапка белой пены лезла, будто каша из кастрюли, собираясь перевалиться через край.

– Очень большая пивная кружка, – сказал он Дюнке и обрадовался, когда она засмеялась. – Будешь купаться?

Дюнка покачала головой. Ей не надо купаться, ей хочется высушить волосы...

– Значит, водичка – мне?

Она кивнула, странно довольная. Будто мысль о чисто вымытом Клаве доставила ей немалую радость; он почти обиделся. Не считает же она его грязной свиньей?!

Он ухмыльнулся собственным глупым мыслям. Коснулся теплой – впервые теплой! – Дюнкиной щеки:

– Жди... Я сейчас...

Она вышла, прикрыв за собой дверь.

Клав разделся, в беспорядке побросав вещи на колченогую этажерку. Под тугой пеной было тепло и уютно, даже уютнее, чем он мог себе представить; мгновенно потеряв счет времени, он улегся, устроил затылок на покатою краю старой ванны и прикрыл глаза.

Все вернется. Все уже возвращается; кто знает, сколько жителей этого города годами живут с... ними. С любимыми существами, явившимися из-за *границ* на их зов? Годами и десятилетиями, кто вправе им помешать? Разве чужагастеры... неуместное воспоминание, но разве чужагастеры смогут отыскать Дюнку? Никогда...

В глаза Клаву смотрело жерло водопроводного крана. Круглое и черное, будто колодезь; вот уже минуту на нем набрякала капля. Росла, подрагивала, ловила тусклый свет плафона... Потом тяжело оторвалась, утонула в пене. Кап...

В тишине ее падение показалось маленькой катастрофой. Отдаленным взрывом; впрочем, нет. Тишины нету, есть сухое потрескивание лопающихся пенных пузырьков, глухое движение воды в лабиринтах труб и еле слышное ворчание... Наверное, Дюнка в комнате продолжает сушить волосы феном...

Клав скосил глаза.

Фен лежал на полочке для шампуней. На той самой, что каким-то чудом удерживалась на двух ржавых шурупах, кренилась, нависая над краем ванны; теперь на ней лежал подарок Клава Дюнке, фен, и тихо ворчал, включенный на минимальную скорость. Не веря себе, Клав проследил путь черного витого провода – тот прочно сидел в розетке.

Как она могла его оставить?! И как он, дурак, мог не заметить включенного фена, он же не самоубийца?.. Или он сошел с ума и, когда он нырял в пену, никакого фена на полочке не было?..

Давным-давно был какой-то фильм. Смешной и одновременно страшный, они смотрели его вместе с Дюнкой в летнем кинотеатре, где немилосердно кусали комары и вились в потоке света ночные бабочки... Там девушка, которую преследовал убийца, толкнула злодея в ванну и следом швырнула включенную электрическую вещь...

Собственно, фен и швырнула. Редко кто держит в ванной телевизор или настольную лампу. Какой он идиот...

Осторожно, стараясь, чтобы верхушка пенного сугроба не коснулась полочки для шампуней, он взялся руками за скользкий край ванны. В этот момент полочка дрогнула, потому что срок службы двух ржавых шурупов подошел к концу.

Клав замер, ощущая в животе сосущую, томительную пустоту.

Фен, продолжая деловито ворчать, подполз ближе к краю полочки. Белый пластмассовый наконечник потянулся к воде, будто морда изнуренного жаждой животного. Почуввав слабое, но осязаемое дыхание теплого воздуха, пена дрогнула и осела; обнажился пятачок открытой воды, маленькая польнька. Фен медленно, но неуклонно соскальзывал, путь его переходил в падение, и странно, что эта доля секунды длилась для Клава несколько томительных долгих минут.

Ему вспомнились не история его жизни, не мать и не первый поцелуй. Ему вспомнился старый лум, тяжело облокотившийся на кладбищенскую оградку. С большими глазами на умном, хотя и вполне заурядном немолодом лице. Темные ветви старой елки. Все.

Нет!

Никто и никогда не учил его этому жесту. Он выбросил вперед обе руки, отталкивая призраком надвигающейся смерти, и вода в ванне взметнулась волной, будто желая слизнуть падающий фен... или отбросить его прочь.

Непонятно, почему электрическая игрушка на миг приостановила свое падение. Вероятно, зацепилась за что-то тяжелая ребристая рукоятка; Клав уже выпрыгивал, увлекая за собой потоки воды и хлопья пены. Вот под босыми ногами шершавый резиновый коврик, вот мокрая рука хватается за витой шнур...

Он почему-то уверен был, что шнур не поддастся, но вилка вышла из розетки легко и беззвучно и, увлекаемая слишком сильным рывком, пролетела через всю ванную комнату, ударилась о стену, отскочила и шлепнулась в воду – сразу же вслед за отключенным феном, который все-таки упал.

Клав стоял в остывающей луже. С накренившейся полочки по очереди соскользнули в ванну бутылка шампуня, кисточка для бритья и пузатая мыльница; фен неподвижно лежал на белом дне. Как утопшее чудовище.

Потом спину его лизнул прохладный воздух. Приоткрылась незапертая дверь.

Дюнка стояла на пороге и молчала. Переводила непонимающий взгляд с голого дрожащего парня на ванну в поредевших клочьях пены. И обратно.

– Вот. – Клав неестественно, тонко хохотнул. – А меня чуть не поджарило...

Дюнка молчала. В напряженных глазах ее стояло выражение, которого Клав не понял.

* * *

Ивга очнулась от полусна, когда внизу послышались шаги. Задержав вдох, Ивга вслушивалась в чужое молчаливое присутствие – вошедший постоял рядом с фикусом, а потом отчего-то повернулся и вышел. Она не успела перевести дыхание – когда в подъезд вошли снова, и Ивга ощутила знакомую уже тошноту.

Прижимая к себе сумку, она кинулась наверх. Она рвалась на третий этаж, на четвертый, на чердак – однако после первого же пролета у нее подвернулась нога, и потому пришлось попросту забиться в темный угол. Зная, по крайней мере, что от бронированной черной двери ее разглядеть невозможно.

Присутствие инквизитора сделалось еще тяжелее. Еще ощутимей и жестче; сквозь стук крови в ушах Ивга слышала шаги. Сперва решительные, неторопливые, потом, после паузы, – замедленные, будто в раздумье.

– Кто здесь?

Удар. Ивга скорчилась, зажимая рот ладонью. Боль накатила и ушла; сквозь мокрые ресницы она разглядела уходящие вниз ступеньки. А на ступеньках – ноги в темных ботинках. Совершенно сухих, несмотря на дождь.

– А вот не надо было этого делать, Ивга.

Она вдохнула так глубоко, как только могла. Невидимый напор схлынул, оставив только слабую тошноту и озноб.

– Не надо подстергать за углом. Опасно... Давай поднимайся.

– Я не хочу на учет, – сказала она, вжимаясь спиной в холодную стену. – Я не хочу в тюрьму. Я не стану там жить, не хочу...

– Ой, Ивга. – В усталом голосе ей померещилось раздражение. – Мне бы твои проблемы.

* * *

Первым делом Клавдий открыл холодильник и тупо уставился в его сытые, пестреющие кастрюльками недра. Есть он не хотел ни капельки, но созерцание еды помогало сосредоточиться и создавало иллюзию деятельности. К тому же человек, возящийся с холодильником, не может казаться страшным. По крайней мере, Клавдию так казалось.

Митец-младший был не прав. Невеста его и не думала отсиживаться в объятиях одной из многочисленных, по мнению Назара, подруг. Человек, ночевавший три дня у подруги, не так выглядит. И выражение глаз у него тоже не такое.

– Не время, – сказал он будто бы сам себе. – Вот уж не время неучтенной ведьме слоняться по улицам и ночевать на вокзалах.

Он не видел Ивгу – но сразу ощутил, как она вскинулась. Вообразит, что он читает мысли. Или наводнил город шпионами...

Позавчера он вроде бы ее вспоминал. Ах да, она ведь звонила... И он перезванивал Назару. А Назар...

– Ты долго меня ждала?

Вздых.

– Не знаю... У меня часы стали...

Клавдий вздохнул:

Стали мои часы, стали,
Имя мое забудь, стали...
Золотой цветок в мире стали
пробил час, и часы стали...

Он бессмысленно повертел в руках упаковку ветчины. Интересно, что же с ней теперь делать... С Ивгой, не с ветчиной. Что с ней делать, особенно в свете собственного вчерашнего приказа...

Он вернулся в гостиную. Девушка стояла у дверей, на свободном от паласа пятачке, не снимая мокрой куртки, не опуская на пол выдавшей виды спортивной сумки.

– Со вчерашнего дня, – Клавдий подбросил на ладони упаковку ветчины, – вернее, со вчерашнего вечера резко усложнилась жизнь всех без исключения ведьм... во всех провинциях. То есть она усложнилась раньше... когда начались самосуды. В одной только Рянке... ну да ладно, это служебные сведения. А Вижна, ленивый город, обходилась пока пикетами... – Некоторое время он рассматривал этикетку на упаковке. – Почему на ветчине рисуют улыбающихся свиней? Их что, радует перспектива копчения?

– Не больше... чем ведьм, – через силу отозвалась Ивга. – Скоро в супермаркетах... появятся детские наборы «Сожги ведьму». Охалка дров... и красочная этикетка. С улыбающейся... – ее голос сорвался.

– Раздевайся, – сказал он сухо.

Ее напряженные глаза напряглись еще больше. Клавдий криво усмехнулся:

– Я имел в виду – сними куртку... И кроссовки тоже сними.

Бросив ветчину на диван, он прошел к телевизору. Рассеянно щелкнул пультом.

На информационном канале вещал худенький, смуглый, похожий на птицу обозреватель; он говорил не о ведьмах, и в душе Клавдий был ему благодарен. Мир не состоит из одних только ведьм. Даже когда ведьм очень много...

– Ты звонила Назару? – спросил он, глядя, как место смуглого птицеобразного парня занимает женщина со спортивной стрижкой.

Ивга перевела дыхание:

– Я не пойду на учет. Они... Я не пойду!

Клавдий поднял телефонную трубку.

* * *

До крови закусив губу, Ивга смотрела, как цепкая, с узором вен рука набирает короткий номер. Скрежет падающей решетки; цепи и вонь факелов. «У меня в доме ведьма. Пришлите машину...»

Она поступила так, как от нее того ждали. Она сдалась на милость победителя. Как презрительно улыбнется девчонка в серой вытянутой кофте: ну что? Достукалась? Ты ведь этого хотела, нет? Когда сама, без принуждения шла к *нему*?

– Да погибнет скверна... – устало бросил в трубку стоящий спиной человек, и Ивга вздрогнула, будто бы смерти желали ей. «Скверна – это я».

Инквизитор долго молчал, слушая голос на том конце провода; Ивга ждала, обмерев, как червяк в жестянке рыболова. «Пришлите машину за ведьмой... в течение десяти минут...»

– Да, – глухо бросил инквизитор. – Делиться впечатлениями будем потом, Глур. Сначала доведи все это до конца... Через три часа мне понадобится полная сводка. Все, а на эти три часа считай, что я умер...

Трубка легла на рычаг.

– Я не пойду на учет... – сказала Ивга неслышно.

– У тебя хорошая внутренняя защита, – сказал инквизитор, глядя в окно. – Как ты себя чувствуешь?

Ивга с удивлением поняла, что тошноты почти нет. Развевалась, исчезла.

– Хорошая защита, – повторил инквизитор рассеянно. – Ивга, ты хочешь спать?.. Я очень хочу. Очень, Ивга; если я сейчас не посплю хоть два часа, все ведьмы во всех провинциях получают шанс отпраздновать мою кончину...

Он потер глаза. Сперва небрежно, потом с силой, с ожесточением, так, что веки моментально покраснели:

– Я буду спать, Ивга. Пойди на кухню, возьми в холодильнике что понравится и съешь... Можешь тоже поспать, на диване. Только, – он вздохнул, – не делай двух вещей. Не касайся входной двери и не входи ко мне в кабинет. Я сразу проснусь, и, как говорилось в каком-то романе, «это испортит мне нервы». Да, и телефонную трубку не поднимай...

Ивга молчала.

Поразительная нереальность происходящего. Жесткий палас под ногами; носки тоже промокли насквозь, но снимать носки перед Великим Инквизитором как-то... несерьезно. Некрасиво, несолидно...

Закрылась тяжелая дверь кабинета. Щелкнула причудливо изогнутая ручка, Ивга где стояла, там и села на палас.

Дождь за окном лил и лил. На экране телевизора, который так и забыли выключить, мелькал суетливый рекламный ролик.

Ивга посидела, скрестив ноги, слушая, как ноют мышцы. Джинсы отсырели насквозь... Сейчас бы к огню, к камину...

К костру.

Ивга вздрогнула. На экране пылал костер, но камера, видимо, любительская, то и дело дергалась, не давая рассмотреть как следует металлический каркас, вокруг которого металось пламя... Это баскетбольная стойка со щитом. И, кажется, к металлической опоре привязан человек... Сетка на кольце уже сгорела. Кричащие люди, похожие на болельщиков... Немо кричащие, потому что отключен звук. Врывающаяся в кадр пожарная машина, другие люди – в форме... Лениво опускающиеся дубинки... Экран гаснет...

Говорящая голова комментатора. Того самого, смуглого, похожего на птицу, с опасливым сочувствием на тощем лице. Ивга огляделась в поисках пульта. Не нашла, подобралась к телевизору, отыскивала кнопку, освобождающую звук.

– ...подтвердил также, что данный комплекс мер по своей строгости не имел аналогов в последние двадцать лет, а эффективность его такова, что уже спустя два часа после начала профилактических мероприятий в округе Одница было уничтожено пять особо опасных и задержано девятнадцать стандартных ведьм. Вместе с тем Великий Инквизитор счел своим долгом подчеркнуть, что, работая в тесном контакте с ведомством Общественного Порядка, не допустит дальнейшего распространения самосудов как исключительно вредного для Инквизиции, антигуманного и кощунственного явления...

Ивга сидела на пятках. Слишком близкий экран жег ей глаза.

– ...основным направлением по-прежнему остается выявление незарегистрированных ведьм. Приговоры Инквизиции отныне будут выполняться в течение суток, причем значительно расширяется список показаний, по которым ведьма подлежит изоляции либо уничтожению...

Нажимая кнопку, Ивга почувствовала мгновенное наслаждение от собственной власти. Некое злорадное удовольствие, когда птицелицый комментатор побледнел и погас, сморщившись, оставив после себя зеленовато-серое зеркало экрана.

Так. Она сидит в квартире Великого Инквизитора, на полу, перед мертвым «ящиком». Спокойно, ведьма, спокойно... Там, под дождем, сейчас хуже. У ведьм все усложняется, и усложняется их и без того нелегкая жизнь...

Оставляя на полу влажные следы, она проследовала на кухню. Огляделась, поджала губы, приоткрыла холодильник. Во рту мгновенно стало тепло и полноводно; хорошо, что ее здоровый аппетит пока сильнее всех бед. Пожалуй, она даже не станет ничего разогревать – съест все холодным. Вот только разве что чай...

Она обернулась к плите. Чайник посверкивал чистым зеркальным боком, и в нем отражался стоящий в дверном проеме темный человек.

Руки Ивги сделались тяжелыми. И невероятно тяжелым сделался чайник, в котором и воды-то было каких-нибудь два стакана.

– Не могу уснуть, – несколько виновато сообщил инквизитор. – Это скверно, но зато неудивительно.

На нем был черный халат, покроем напомнивший ей средневековый плащ длиной до земли.

– Люди придумали много чудесных таблеток, – сказала Ивга, глядя в пол. Инквизитор вздохнул:

– Меня – не берет. У меня своеобразный организм, ты не заметила?

Ивга слотнула, отгоняя призрак тошноты. Инквизитор странно улыбнулся:

– Да... твоей защите позавидовала бы любая воин-ведьма. Давай поедим.

Ивга поняла, что ей внезапно расхотелось есть. Она смотрела, как дрожат, шипя и высыхая, капли воды на зеркальном боку чайника.

– Что вы собираетесь со мной делать?

Инквизитор поднял брови:

– Хороший вопрос...

Ивга впервые осмелилась посмотреть ему прямо в лицо. Усталое лицо, надо сказать. С отсветом белых ночных фонарей, хоть за окном стоит ясный день.

– Хороший вопрос, Ивга. – Инквизитор задумчиво вытащил из хлебницы тугую бледную булку. – Так ты Назару звонила или нет?

Она отвернулась.

– Видишь ли... – Инквизитор аккуратно, как-то даже по-ресторанному пластал податливый хлеб. – Меня с детства приучили, что личные проблемы каждого из людей – это только его личные проблемы. Понимаешь?..

– Зачем вы сказали им, – прошептала Ивга еле слышно. – Вы меня... заживо... за что, что я вам сделала?!

– Назара очень обидел твой обман, – сообщил инквизитор сухо. – Все открылось бы чуть позже, но гораздо больнее.

– Больнее не бывает.

– Это тебе так кажется. – Голос инквизитора шелестнул, как пепел в продуваемой ветром трубе, и Ивге сделалось холодно. До дрожи.

Чайник повизгивал, закипая. Это у него такой свисток в горлышке, подумала Ивга. Чтобы повизгивал. Как радостный пес.

– Личные проблемы... – пробормотала Ивга зло. – Не надо путать... Личные проблемы и... служебный долг. А вы вроде бы и то и это попытались исполнить...

Инквизитор вздохнул:

– Ты бы присела, Ивга.

– Я постою.

– Сядь.

Она вцепилась в край стола, пытаясь удержаться на ногах, пока небрежно брошенный приказ боролся с ее волей. Вот как они это делают. Вот как... Правду говорила девчонка в ученическом платице...

Совсем рядом оказался пол. Очень чистый, вылизанный руками добросовестной платной хозяйки. Веселенькие пластмассовые квадратики...

Борьба ничем не закончилась – просто оборвалась. Приказ исчез, и Ивгина напряженная воля, в одночасье потеряв противника, заметалась, ища выхода. Звон в ушах и боль в разбитой о пол руке...

– Извини, я не хотел.

Закусив губу, она поднялась. Нельзя лежать перед ним. Пусть в ногах валяются побежденные.

– Извини, я не хотел... Ты какая-то патологически свободолобивая. Видишь принуждение даже там, где его, в общем-то, нет...

Ивга смотрела на свою стремительно краснеющую ладонь.

Она хотела сказать, что Великому Инквизитору нельзя не принуждать. Что он так свыкся с ролью, что принуждает даже в мелочах. Беспричинно, бессмысленно, сам того не замечая, – принуждает. Но, наверное, в ее положении лучше помалкивать. Слушать, как чирикает серая воробьица на той стороне подоконника.

Инквизитор ел. Без видимой спешки, но все же очень быстро, привычно быстро, как солдат или рабочий режимной фабрики.

– Ты в школе тесты сдавала?

Ивга вздрогнула.

– Вот тебе тест... Город, полный людей. В городе лежит бомба. Взорвется через час, не то в метро, не то в больнице, не то в детском садике... Единственный человек, знающий, где это произойдет, – некая решительная женщина, которая не намерена отвечать ни на какие вопросы... А ты – следователь. Мужчина средних лет. Твои действия?

Ивга тупо молчала. Что он имеет в виду? При чем тут она, она ведь знать не знает ни о какой бомбе...

Инквизитор отодвинул тарелку. Вытащил из кармана длинную пачку сигарет, закурил жадно, с некотором даже сладострастием. Прищурился, глядя на дым:

– Не пытайся пришить себя к этой истории. История – выдуманная. Мной. Только что. Будто загадка. Как бы ты поступила?

– Не знаю, – сказал Ивга глухо. Инквизитор привычно вскинул брови:

– Ты думаешь, тем людям... взрослым и детям, которым суждено погибнуть через час, от твоего незнания легче?

Ивга почувствовала толчок тревоги. Она слишком верила во власть слов над реальностью; даже придуманная история способна стать явью – в придуманном мире. И разметать взрывом придуманных людей через придуманные шестьдесят минут...

– Надо... узнать, – выдавила она через силу.

– Как? – В голосе инквизитора была безнадежность, будто игра с пугающей скоростью становилась правдой. – Как узнать, если эта... сука молчит?

– Зачем ей это? – беспомощно спросила Ивга.

Инквизитор пожал плечами:

– Не знаю... Не имею понятия. Время идет, мы уже думаем пять минут...

Ивга стиснула ладони:

– А больше никто не знает?

– Никто, – бросил инквизитор, затягиваясь. – Слушай, что ж я задымил... Ты ведь не куришь?

– Не может быть, чтобы никто не знал...

– Может. Они устанавливали бомбу с напарником, напарника убили. Она осталась...

Ивга наконец-то села. На край табуретки, нервно сводя колени:

– Ну... я не знаю. Пытать ее надо, чтобы сказала...

Пальцы инквизитора сжались, сминая горящую сигарету. На стол посыпался пепел, перемигнулся искорками и погас. Ивга испуганно вскинула глаза. Она что-то сделала не так?..

– Я не уверен, – глухо сказал инквизитор. – Не уверен, что это... видишь ли, Ивга. Я вчера весь день занимался тем, что пытал женщин. А общественное мнение в твоём лице меня, выходит, поддержало...

Он криво усмехнулся, не сводя с нее глаз.

– И чего вы от них хотели? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал как можно равнодушно.

– Я хотел... – Он неторопливо вытащил из пачки новую сигарету. – Чего хотел – того добился.

Некоторое время оба слушали, как капает в раковину вода. Бьется о никелированную раковину – кап-кап... Ивге вдруг померещилось просторное помещение с никелированными раковинами и металлическими – цинковыми? – столами, а на столах тела, тела, раздавленные, смятые, изуродованные... Он сказал – бомба?!

– Если тебя иницируют, – инквизитор внимательно наблюдал за сменой выражений на ее лице, – если это случится, то тебя ждет, возможно, блестящая карьера... Если это слово применимо к *их* иерархии. С твоими задатками ты была бы, наверное, шит-ведьмой... Или даже флаг-ведьмой, потому как нюх у тебя запредельный... А может, и нет. Но все равно не иницируйся, Ивга, прошу тебя. Не причиняй мне лишней головной боли...

– Чего хотят ведьмы? – Ивга вспомнила свою собеседницу, развозчицу горячих бутербродов.

– Много бы я дал, – инквизитор затянулся, – чтобы это понять. Иногда мне кажется... вот, сейчас пойму. Но... для этого надо *быть* ведьмой. Когда ты станешь... ну, короче, расскажешь мне по старой памяти. Чего они хотят?..

– А вы спросите у них под пыткой, – не удержалась Ивга. Инквизитор поморщился, открыл было рот – в этот момент в комнате заблеял телефон, и тихим звоном отозвался еще один – в кухне.

Ивга вдруг испугалась. Панически и безнадежно, и совершенно беспричинно – вероятно, просто взбрыкнули нервы, ужаленные резким звуком. Инквизитор пристроил сигарету на краю пепельницы и ленивым движением потянулся к трубке:

– Да...

Лицо его не изменилось, но Ивга поняла, кто звонит. Поняла и покрылась испариной.

– Конечно, меня не было... Я сегодня вернулся на рассвете, с курорта, можно сказать, из Одницы... Да, видишь, какая у меня интересная работа... Перестань. Какие обиды, мы вроде бы с тобой взрослые мужчины... Нет, эта неделя у меня наперед вычеркнута из жизни. Да, ты слышал, да... А?..

Ивга взяла со стола ломоть булки. Бездумно надкусила, вгрызлась, пытаясь утолить свежим хлебом не голод – другое чувство, неопределенное, но оттого не менее сосущее. Жевать, жевать...

Инквизитор слушал, не глядя на Ивгу. Смотрел, как потихоньку дымится на краю пепельницы сигарета. Ивга ждала, замерев.

– Видишь ли, – проговорил инквизитор тоном ниже. – Видишь ли... Мне такими вещами не положено заниматься по рангу... Извини, но именно сейчас я ничего не могу тебе сказать.

И он взглянул на Ивгу. Быстро, мельком, но так, что она вздрогнула.

В трубке возбужденно трещал металлический, измененный расстоянием голос. Громкий и напряженный и, кажется, очень желающий убедить.

– Хорошо, – отозвался инквизитор медленно. – Но почему ты звонишь, а не он? Он вроде как половозрелый парень, нет?..

Ивге стало неприятно. Будто Назара при ней оскорбили.

– Хорошо, – повторил инквизитор, но как-то утомленно, тускло. – Пусть позвонит мне... Или я позвоню, если будут новости. Да?..

Ивга поднялась. Бесшумно вернулась в гостиную. Постояла, оглядывая комнату и не запоминая ее; села в углу на пол, подобрав под себя ноги. Невежливо подслушивать чужие разговоры.

* * *

Он положил трубку и несколько минут сидел, глядя, как исходит пеплом оставленная сигарета.

Вот оно какво папаше – в одиночку, с самого младенчества воспитать единственного сына. Накладывает отпечаток... на личность. Возможно, не на всякую – но на личность Юлека обязательно. Юлек – прирожденный опекун...

Девчонка сидела в гостиной, прямо на полу. Рыжая. Лиса в капкане. Вопросительно подняла глаза – и сразу же спрятала, опустила. Глаза, надо сказать, воспаленные – но вовсе не затравленные; Клавдий коротко вздохнул. Нет ничего хуже, чем неучтенная ведьма.

– Ну вот что, Ивга... Мой друг, а твой в какой-то степени свекор мается, надо сказать, дурью. Ему, естественно, интереснее судьба сына... чем наши с тобой доводы. И кое в чем он прав. Сейчас мы выждем немного, ты все хорошо продумаешь и позвонишь... профессору Митецу.

– Нет, – сказала она быстро. – Я не... нет. Я не знаю, что... говорить.

Клавдий с показным удивлением пожал плечами:

– Тогда – что? Что нам с тобой делать?

Девчонка снова напряглась. Ощетинилась, вжимаясь лопатками в угол дивана, и Клавдий в который раз почувствовал тугой комок ее потенциальных возможностей. Хотя... После инициации любая из них может стать как выдающимся воином, так и серенькой рабочей ведьмочкой.

– Позвони, – сказал он примирительно. – Он нервничает. Он тебя ищет... Попробуй понять. Позвони... А я, если хочешь, выйду.

И, не дожидаясь согласия, он прошел в кабинет и прикрыл за собой двери.

Долго, очень долго в комнате было тихо. Потом тихонько зацокали клавиши телефона, и Клавдий удовлетворенно кивнул, на слух распознав номер. Прикрыл глаза и закинул ногу на подлокотник мягкого кресла.

– Это я.

Голос девчонки звучал глухо, но вполне прилично. Твердо звучал, без колебания и всхлипов; Клавдий нашел в ящике стола леденцовую конфету, повертел в пальцах и сунул за щеку.

– Это я... Да.

Молчание. Интересно, о чем говорит добряк профессор, потеющий сейчас на противоположном конце провода.

– Я понимаю, что виновата. – Голос юной ведьмы сделался громче, теперь в нем ясно слышалось сдержанное достоинство. – К сожалению, у меня не было другого выхода.

Клавдий разгрыз леденец и с опозданием вспомнил, что терпеть не может ментола. Кажется, он просил домработницу покупать другие – со вкусом, по крайней мере, барбариса...

– Я понимаю. – В голосе Ивги скользнула металлическая нотка. – Думаю, вам надо решить. И Назару надо определиться... Нет, не беспокойтесь. У меня все хорошо.

Гордая провинциалка, подумал Клавдий угрюмо. После трех бездомных ночей еще станет, пожалуй, врать про какую-то добрую подругу, у которой можно жить в довольстве и безопасности хоть год, хоть десять...

Он вдруг ощутил раздражение. Смутную злость на обоих Митецов, готовых поверить столь удобной для них байке... Да и ведьма хороша, с эдакой подростковой болезненной гордостью...

– Я?

Голос девчонки напрягся; оттягивая, по-видимому, ответ, она переспросила еще раз:

– Я?..

Пауза. Заминка; Клавдий точно знал, что и на другом конце провода молчат тоже. Ждут ответа на поставленный вопрос.

– Я... – девчонка замялась. – Я у... господина Старжа. Да...

Вот оно что. Ивга, выходит, собиралась соврать про телефонную будку, из которой звонит. Или опять же про верную подругу... Но испугалась, что Клавдий истолкует ее вранье превратно.

– Да, – повторила Ивга, и голос ее прозвучал неожиданно глухо. – Конечно.

Клавдий неслышно встал; дверь его кабинета никогда не скрипела.

Ивга стояла у окна, к нему спиной. Витой телефонный шнур разлегся на паласе, как огромных размеров дохлая пиявка. Ивга стояла, втянув голову в трясущиеся плечи, и трубка в ее опущенной руке непрерывно говорила – чуть напряженным, но в общем-то вполне приятельским тоном.

Он вытащил трубку из ее судорожно сжавшихся, но сразу же ослабевших пальцев. Приложил к уху – пластик был еще теплым и еле-еле пах дезодорантом. Недешевым, насколько мог определить искушенный Клавдий.

– ...не делается сразу. Ты ведь понимаешь меня, Ивга? Ты бы не хотела причинять Назару... ну лишнюю боль?.. Конечно, это не мое дело, но... Такие вещи не решаются за один день. Он обижен, – в голосе скользнул упрек, – но, я думаю, после некоторых размышлений... И, когда он сам будет готов тебе сказать... м-м-м... Ивга? Ты меня слышишь?

Клавдий протянул трубку девушке. Та отворачивалась, упорно не показывая лица, но голос снова был вполне тверд, когда, переведя дыхание, она сказала в трубку:

– Да. Конечно, вы правы.

Клавдий перехватил ее руку, потянувшуюся к телефонному рычагу; запястье было тонким и твердым, как ветка.

– Да, Юль, – небрежно бросил он, снова завладев трубкой. – Как видишь, я свое обещание выполнил... Могу я узнать, о чем вы договорились?

Пауза. По-видимому, профессор Митец не ожидал столь быстрой смены собеседников.

– Н-ну, Клав... Я не знал, что... Короче говоря, мы договорились дать Назару время на размышление. А потом, когда он придет в себя...

– Потом – это когда? – вкрадчиво осведомился Клавдий.

Митец заколебался:

– Ну, неделя... Может быть, две...

– Юль. – Клавдий сам ощутил, как изменился, наполняясь железными нотками, его ровный голос. – Девочка очутилась в дрянной ситуации. Ей некуда идти, она не зарегистрирована. Ведьмы, не прошедшие регистрацию в течение двадцати четырех часов с момента подписания последнего указа, – он мельком глянул на часы, – подлежат принудительной изоляции. Скажи мне внятно, берете ли вы с Назаром Ивгу под опеку? *Сейчас*? Или мне вызывать наряд, чтобы тащить ее в приемник-распределитель?..

Девчонка затрепыхалась; не глядя, он поймал ее за плечо. Попросил растерянно молчащую трубку:

– Юль, дай мне на секундочку Назара.

– Он спит, – глухо отозвался профессор Митец. – Мальчик трое суток на снотворном. Если ты думаешь, что он не переживает... что ему не больно... в конце концов, ведь именно ты...

Митец заводил себя; Клавдий прикрыл глаза, усилием воли придавая своему голосу спокойствие и мягкость:

– Я все понимаю, Юль. Мы, к сожалению, живем в мире, где, кроме ведьм, есть еще множество неприятных вещей... Я ни в чем никого не упрекаю. Скажи мне спокойно, как другу: вы можете сейчас взять девчонку... вроде как на поруки? Нет?

– Клав, – голос Митеца сделался усталым и просительным, – ты ведь... можешь что-нибудь придумать. Я умоляю тебя, Клав... Как друга. Придумай что-нибудь...

Клавдий помолчал, слушая, как тяжело, неровно дышит на том конце провода профессор Юлиан Митец.

А Юль-то не в форме. Ранненькая старость, никакого спорта, никаких прогулок, даром что загородный дом... Или его действительно так крепко шарахнуло? По нервам?..

– Хорошо, Юль, – сказал Клавдий почти что весело. – Только думайте быстрее, ладно?

Митец на том конце провода наверняка закивал. Забыв, что его не видят.

– Да, Клав, конечно... Спасибо тебе, Клав, тут такое дело... Щекотливое... Спасибо... Ты уж там... присмотри...

– Ага. – Клавдий не выдержал и тоже кивнул. – Ну, будь здоров.

– Будь здоров, дружище...

Он отнес телефон на место и пинками загнал под столик кольца витого шнура.

– Вы отправите меня в изолятор? – глухо спросила Ивга.

– Не знаю, – честно признался Клавдий. – Мне кажется, тебе там не понравится.

Губы девчонки вызывающе искривились:

– Я не стану *так* жить... Собственно, не знаю, зачем я к вам пришла. И на что...

Она хотела сказать – «на что надеялась», но говорить плачущим голосом ей явно не нравилось, и потому фраза осталась без конца.

Клавдий вздохнул:

– Видишь ли... Еще неделю назад я со спокойной совестью устроил бы тебя... к знакомым, к приятелям, к друзьям приятелей, к знакомым друзей, секретаршей в неплохую контору,

уборщицей в чистенький офис... Да запросто. В этом городе полным-полно людей, которые с удовольствием оказали бы мне эту услугу... Но не теперь. Теперь я не могу тебя просто так отпустить... Ты же знаешь, что происходит... с ведьмами, вокруг ведьм. Да?..

– Да, – сказала Ивга шепотом. Клавдий удовлетворенно кивнул:

– Я рад, что ты понимаешь.

Ивга подняла на него глаза.

Вот теперь они были затравленные. По всем правилам лисьей охоты отчаянные глаза зверька, которому некуда отступить.

(Дюнка. Апрель)

Догадка укусила его на обратном пути.

Он опоздал на последний автобус, но ему посчастливилось удачно поймать машину. Разговорчивый водитель жил неподалеку от студенческого городка и согласился бесплатно подвезти домой усталого измученного лицеиста:

– Я, конечно, все понимаю, парень... Сам таким был... Но по ночам, знаешь ли, пацану шляться опасно, вообще-то...

– Мне уже семнадцать.

– Ну и что? Пацан пацаном...

Клав кивнул, соглашаясь. До общежития было сорок минут на автобусе – добрый и наставительный дядечка довезет его за четверть часа, и как хорошо, что Митец все еще дуется и не надо будет отвечать на вопросы...

На этом его везение закончилось.

У поста дорожной инспекции, контролировавшего въезд и выезд с центрального проспекта, машину остановили. Разговорчивый водитель, нимало не смущаясь, завел с постовым пространный разговор о погоде и качестве дорог на окраинах; тот кивал, изучая документы и подсвечивая себе фонариком. Поодаль стояли двое; Клав вздрогнул, разглядев короткие меховые безрукавки поверх кожаных курток.

– Будьте добры, откройте багажник...

– Ищут, что ли, кого? – беспечно поинтересовался говорливый шофер.

– Плановая проверка, – негромко отозвался один из чугайстеров. У Клава заняло сердце.

Равнодушно оглядев содержимое багажника, чугайстеры одновременно взглянули в лицо шоферу; тот, по-видимому, испытал мгновенное беспокойство.

– Извините за доставленное неудобство, – уронил тот из чугайстеров, что был повыше. – Счастливого пути.

Его напарник искоса взглянул на стоящего рядом Клава. Тому показалось, что подбородка небрежно коснулась ледяная рука.

– Парень контактный, – тихо сказал невысокий. По спине у Клава продрал мороз.

Шофер, уже открывший было дверцу, нахмурился. Второй чугайстер неторопливо подошел к Клаву и тоже заглянул ему в глаза. На плечо ему неприятно, как-то хищно и одновременно вкрадчиво опустилась стянутая перчаткой ладонь:

– С кем ты виделся сегодня вечером?

– Мое дело, – ответил Клав пересохшим ртом. – С чего мне вам докладывать?

– Твое дело, – спокойно согласился высокий. – Но ты контактный по *нави*. Не хочу тебя пугать...

Я не пугливый, хотел сказать Клав, но промолчал. Стиснул зубы. Пытать ведь не будут?! Откуда им узнать, где он прячет Дюнку?

– Не хочу тебя пугать, – продолжал высокий, – но *навы* общаются с людьми затем, чтобы убить. Уравнять, так сказать, шансы... Ты в первый раз видел эту девушку? Нет?

– Какую девушку? – спросил Клав, упрямо притворяясь тупицей. Он живет в свободной стране, этот тип в дурацкой безрукавке не в состоянии причинить ему хоть сколько-нибудь ощутимого вреда.

– Девушку, с которой ты несколько часов назад имел интимную связь, – бестрепетно объяснил высокий. – Переспал, иначе говоря. Или ты это сделал с несколькими подряд?

Клав почувствовал, что краснеет. Это он-то, не без основания полагавший, что у него железные нервы! А вот как все просто – несколько небрежно брошенных слов, и вот он уже стоит голый посреди людной площади...

– Малыш, ты сегодня прошелся по бритве. Нечего теперь обижаться на меня, который всего только и хочет, что тебе помочь. В другой раз везение может не повториться... Вчера мы вытащили из ванной пятнадцатилетнего паренька. Вскрыл себе вены.

Ванна. Ванная. Какое противное слово...

Вот тут-то Клава и достала невозможная, отвратительная мысль. И отразилась у него на лице таким непритворным ужасом, что рука, лежащая у него на плече, ощутимо потяжелела:

– Тихо... Спокойно, все уже позади, ничего...

Включенный фен на краю хлипкой полочки. *Но как он там оказался?!*

Дюнка так плакала...

«Ты сегодня прошелся по бритве...»

– Вспомнил?

Клав проглотил густую горькую слюну. Неправда. Дурацкое совпадение. Подставка...

«Вспомнил. Я живу с навкой, мы снимаем квартиру на...»

– Давай, малыш, говори. Никто никогда не узнает, что именно ты нам сказал. Знать будем только мы.

А водитель?! Вот он, стоит рядом, рот полуоткрыт, в глазах удивление с изрядной долей гадливости...

– Спасибо. – Клав неловко ему кивнул. – Я... уже сам доберусь... Вы поезжайте...

Хмыканье. Звонкий хлопок дверцы; Клав дождался, пока машина отъедет.

– Я...

Как гнусно. Как стыдно.

– Я... был... с девчонкой. Я... на улице... в общем, я ей заплатил.

Губы его еле двигались. Сейчас он сам верил в то, что говорил, верил для пользы дела – но ощущение было, будто он купается в сточной канаве.

– Она сама ко мне подошла, честное слово... На улице... сейчас вспомню... на углу проспекта и Прорывной, возле подземного перехода...

Перед глазами у него встала картина города. Чем больше подробностей, тем достовернее. Чугайстеры молчали. Выслушали до конца.

– Адрес? – негромко спросил высокий, когда Клав, опустив плечи, умолк.

– На улице Вечного Утра. Там такая гостиница... вернее, там несколько. Она взяла номер на час...

– За час справились?

Это не удержался от насмешки другой чугайстер, тот, что пониже.

– Сколько? – коротко поинтересовался высокий.

– А?

– Сколько стоил номер?

Клав захлопал ресницами:

– Не знаю... Она сама платила...

Одно из двух. Либо сейчас его посадят в машину и повезут отслеживать номер, в котором он якобы был, и при некоторой дотошности скоро поймают на лжи. Либо махнут рукой –

потому что на улице Вечного Утра полным-полно сомнительных гостиничек, сдающих номера на час-другой и никаких документов при этом не спрашивающих. Плати – и вперед...

Чугайстеры смотрели друг на друга. Решали. Им трудно было предположить, что мальчишка-подросток умеет *так* врать. Они не знали Клава.

– Ты все нам сказал?

– Клянусь чем угодно! Хоть на детекторе лжи меня...

Слабые улыбки.

– У тебя есть с собой документы?

Он вытащил из внутреннего кармана завернутый в пленку ученический билет.

– Хорошо, Клавдий Старж, третий виженский лицей... Мы не станем оповещать твоих наставников об этих сомнительных похождениях. Но в другой раз... Кстати, ты не заметил разве, что она – навь, нежить?..

Слово, как небрежно брошенный нож. Как упавший топор.

– Нет, она человек, – сказал он шепотом. Чугайстеры ухмыльнулись одинаково, как братья.

– Главная ошибка, – медленно сказал высокий. – Люди часто видят в них людей... И даже боятся выдавать их в наши руки. Мы-де мучители... А они нежить, мальчик. Они *навь*. Это, как бы объяснить... если бы к тебе пришел убийца в маске красивой девушки. Или, что еще хуже, в маске твоей матери...

Клаву захотелось сесть. Прямо на влажный асфальт.

Клаву хотелось орать: чушь! Что вы городите, убийцы – это вы сами!..

Но он смолчал, заткнув себе рот дешевой удушливой сигаретой.

Глава 5

– Входи.

Ивга прищурилась от внезапно брызнувшего света. Почему-то она ожидала увидеть здесь грязь и линялые обои – наверное, на нее произвел впечатление темный мрачный подъезд; приходящая оказалась чистой и добротной, даже красивой, и единственным ее недостатком была поразительная теснота.

Впрочем, нет, был еще недостаток; Ивгин нос дернулся, ощутив едва слышный запах нежилого дома.

– Проходи, проходи... Тут сложно разминуться вдвоем.

Массивная вешалка была пуста, и Ивга испытала мгновенный трепет, нанизывая петельку своей куртки на медный изогнутый крючок.

– Это... здесь кто-то живет?

– Иногда я. – Инквизитор извлек из ящика для обуви пару женских домашних тапочек. – Иногда никто... Вот, примерь.

Тапочки были почти новые; Ивга замешкалась. Ей редко доводилось надевать на себя чужие вещи, и всякий раз она испытывала внутреннее неудобство, ей казалось, что прежний хозяин одежды оставил в ней частицу себя. Тепло своего тела... а может быть, свою тень.

Инквизитор искоса взглянул, хотел что-то сказать – но промолчал и ушел в комнату. Ивга, не раздумывая больше, нырнула ногами в тапки. Они оказались чуть велики.

Комнатушка была под стать прихожей – добротная, даже роскошная, но поразительно тесная; два мягких кресла и книжный шкаф занимали почти все ее пространство, оставляя свободными лишь потолок да узенькую ленту дорожки на полу. На книгах лежала пыль – потянув носом, Ивга ощутила ее запах.

– Никто тут не убирает, – равнодушно заметил инквизитор. – Если хочешь – можешь попробовать. В постельной тумбе чистое белье, в ванной горячая вода... Вообще, что найдешь – то твое. Пользуйся, потом положишь на место...

– Это тоже... ваш дом?

Инквизитор поморщился, удрученный ее недогадливостью:

– В общем-то... да. Это тоже в некотором смысле мой дом... Продукты в сумке. На кухне есть холодильник, посуда, кое-какие консервы... Хочешь – ешь. Телефон в спальне, хочешь – звони... Но одно условие будет железным, Ивга. Не переступать порога. Даже если пожар.

Она с трудом улыбнулась:

– Ну если пожар, я, наверное...

Не отвечая на ее улыбку, инквизитор качнул головой:

– Нет. Был бы нормальный замок – я бы тебя запер без размышлений. Но, поскольку заведение планировалось как квартира, а не как тюрьма, единственным замком здесь будет твой здравый смысл. Потому как, Ивга...

Глаза его сухо блеснули. Ивга показалось, что вокруг ее головы сжимается железный обруч.

– Потому как, – инквизитор отвернулся, – оказывая сейчас услугу моему другу Митецу, я делаю то, чего делать, собственно, никак не должен. Но если тебя возьмет патруль – а я надеюсь, он обязательно тебя возьмет, стоит тебе появиться в городе, – ты окажешься в изоляторе на общих основаниях. Тоже, в общем-то, не конец света – но ты ведь хотела этого избежать?

Ивга поспешно кивнула:

– Я... да. Спасибо, я не...

– Вот и хорошо. – Инквизитору, казалось, было скучно выслушивать ее сбивчивые благодарные заверения. – Сюда никто не придет, здесь ты в полной безопасности... Сиди тихо, Ивга. До встречи.

– До... свидания, – выдавила она.

На оконном стекле, давно не знавшем мытья, подрагивали редкие капли прошедшего дождя; прислонившись к стеклу горячим лбом, Ивга смотрела, как человек в длинном темном плаще выходит из подъезда. Не спеша пересекает маленький скудный дворик; его зеленая, как крокодил, великолепная машина выглядит здесь случайным залетным гостем, но мелкая детвора, оседлавшая веревочные качели, не спешит лопатиться от любопытства. Подошли, посмотрели – и вернулись к своему развлечению; стало быть, не в первый раз господин Клавдий Старж оставляет перед скромным домом своего не вполне скромного «Графа». «Это тоже в некотором смысле мой дом...»

Тишина пустой квартиры давила. Ивга постояла у окна, глядя вслед отъехавшей машине, потом вздохнула, задернула пыльную штору и, на цыпочках обогнув кресла, заглянула в узкую дверь спальни.

Ах, вот оно что.

Она почувствовала себя душой. Круглой, как бублик; конечно же, иначе зачем здесь женские тапочки...

Ивга с отвращением посмотрела на собственные ноги. Потом снова перевела взгляд на огромную кровать, занимавшую две трети тесной спальни.

Одиноким свободным мужчиной, не обремененным сердечными привязанностями. Пик карьеры, верхушка общественной лестницы, не станет же он таскать своих, простите, баб... гм. Не станет таскать этих самых баб в официальную квартиру на площади Победного Штурма. У него достаточно денег, чтобы содержать маленький дом свиданий. Нечто среднее между собственным борделем и гостиницей...

Ивга вздохнула. Вернулась в комнату и уселась, прижавшись затылком к мягкой и пыльной спинке кресла. Мысли ее, совсем недавно занятые только горестными рассуждениями о невозможности побега, неожиданно приобрели совершенно новое, не вполне уместное направление.

Значит, стоит ей заглянуть в шкаф... Или, к примеру, под кровать. И там наверняка отыщется кем-то забытый гребень. С двумя запутавшимися длинными волосками. А на полочке в ванной не может не лежать старая, давно потерянная кем-то помада, дорогая, со следами чужих губ на ярком перламутровом стержне... А если пойти дальше, то и элемент нижнего белья предвидится, полупрозрачный, небрежно завалившийся за этажерку...

Она презрительно скривила губы. В подобном образе жизни есть что-то противоестественное; мужчина, перебирающий случайных женщин... Тьфу. Хоть и вряд ли они такие случайные, Великий Инквизитор не станет рисковать ни здоровьем, ни репутацией... Так. Может быть, женщин для него отбирает его канцелярия?..

Ивга поморщилась, будто от вкуса гнили. Собственно, почему она должна об этом думать? Обо всяких мерзостях, до которых ей, в самом худшем случае, нет никакого дела. А в лучшем случае они, эти мерзости, существуют в одном только ее воображении...

Ну тогда ее воображение достаточно испорчено. Она вконец испорченная молодая ведьма. Интересно, далеко ли зайдет ее фантазия...

А может быть, он пропускает через эту необъятную кровать именно молодых, испорченных, свежееотловленных ведьм?!

На мгновение Ивге сделалось так неуютно, будто она сидела на гвоздях. А потом само собой вспомнилось непроницаемое, как бронированная дверь, лицо инквизитора: «Оказывая сейчас услугу моему другу Митецу, я делаю то, чего делать, собственно, никак не должен...»

Ишь ты, говорящий протокол. Да плевать он на нее хотел. На ее женские и ведьминские прелести; может быть, он крайне редко нуждается в бабах. А может, у него таких, как Ивга, девчонок – за монетку пучок...

Она испытала облегчение – и почти сразу смутную обиду. Какие они великие люди, эти самые инквизиторы...

Она вздрогнула. «Я вчера весь день занимался тем, что пытал женщин. А общественное мнение в лице тебя меня, выходит, поддержало...»

Вся усталость последних дней, тяжесть бессонных ночей разом навалилась ей на плечи и вдавила в мягкую обшивку кресла. Нет, об *этом* она сейчас думать не станет. Оттолкнет от себя, не станет...

С трудом поднявшись, она проковыляла в ванную. Помады на полочке не было; Ивга криво улыбнулась. До чего наивна современная косметика: наверняка спряталась под этажеркой, думает, что там ее никто не найдет...

Она плеснула себе в глаза теплой воды. Некоторое время постояла, изучая собственное серое лицо в овальном зеркале; махнула рукой и побрела в спальню, где повалилась, не снимая одежды, прямо поверх покрывала.

Уже совсем на грани сна ей померещился мужчина в распахнутом темном халате, стоящий у края постели; Ивга вскрикнула и села, таращась в пустой дверной проем.

Маньячка. Ты так мечтаешь, чтобы тебя изнасиловали?..

* * *

Пепельница переполнилась. Клавдий откинулся на спинку жесткого вертящегося кресла и прикрыл глаза. Коротенькая передышка... Кстати, который теперь час?..

Жесткая, подвижная, надежная машина Инквизиции – его заслуга. Его заслуга, что подписанный приказ почти сразу перестает быть бумажкой, оборачиваясь досмотрами и ревизиями, арестами, облавами и патрулями. Не зря он сидел в этом кресле пять последних лет; можно только предположить, в каких именно выражениях проклинают его сотни ведьм – в далеких провинциях и на соседней улице...

Он мрачно ухмыльнулся. Тревога, возившаяся в его душе с самого визита к другу Митецу, чуть притупилась, но не ушла. Потому что эпидемия в Рянке подавлена, трагедию в Однице удалось предотвратить, но никто-никто не понимает, откуда взялся этот внезапный всплеск зла в ведьминых душах, и без того не слишком благостных. И откуда взялась эта новая поросль, безудержно агрессивная, с невиданно глубокими «колодцами», с неумными, даже безумными мотивациями... Неужели это те серенькие, неинициированные ведьмочки, которых в каждом городишке по несколько сотен на строгом учете? И с чего это им всем сразу захотелось в новую жизнь, вернее, в новую смерть?..

Что-то случилось с их чувством самосохранения. Внешняя победа – спокойствие, воцарившееся в стране, – в любой момент может обернуться пес знает чем. Перехватывают тысячу ведьм – кто знает, не вылезут ли из неведомого подпола еще три тысячи?..

Он поиграл авторучкой. Великолепное перо, способное одним росчерком прихлопнуть множество поднимающихся голов. Хорошо хоть, чернила не красные...

Он болезненно поморщился. Даже тот упрямый юноша, много лет назад впервые переступивший порог инквизиторской школы, вряд ли предполагал, что придется сидеть в таком... в такой яме. Да погибнет скверна, так ее растак...

Среди его педагогов был некий умный и, кажется, вполне достойный человек, бывший убежденным сторонником «варианта ноль». Официальная Инквизиция старательно декларировала непричастность к самой идее «варианта», однако вовсе не запрещала своим сотрудни-

кам рассуждать о несомненных его выгодах. «Вариант» без затей декларировал, что ведьма в мире лишняя. Вообще. Любая...

Клавдию захотелось раздраженно отшвырнуть ручку. Вместо этого он глубоко вздохнул и аккуратно положил ее на стол.

В окошке селектора трепыхнулся зеленый огонек.

– Слушаю.

– Да погибнет скверна... патрон, приема настойчиво добивается Хелена Торка, учетный номер шестьдесят во...

– Я помню ее номер, Мита. Она одна?..

– Прочих... патрон, прочих было семьдесят два человека, с утра. Я распределила их... короче, их уже приняли. Господин Глюр и заместители. А Торка...

– Я приму ее.

– Да, патрон, – смиренно вздохнул селектор.

Среди множества виженских ведьм только неполный десяток обладал такой привилегией – подвергаться контролю лично Великого Инквизитора. Клавдий завел это правило сам, и за пять лет оно перестало быть новшеством, потому что вошло в привычку; Клавдий не жалел о потере времени. Привилегированные виженские ведьмы были исключительно интересными собеседницами.

Хелена Торка возглавила виженский оперный приблизительно в то же время, когда Клавдий встал во главе Инквизиции; собственно, удержаться на своем посту ей удалось исключительно благодаря Старжу. «Наш новый Великий Инквизитор – человек с широкими взглядами...»

Хелена Торка была «глухаркой», неиницированной ведьмой – несмотря на многочисленные соблазны, импульсивность характера и свои почти что пятьдесят лет. Хелена Торка знала цену слишком многим вещам; главное же – Хелена Торка была предана своему театру. Как собака.

Дверь бесшумно прикрыли снаружи; женщина, чье лицо скрывалось под темной вуалью на шляпе, болезненно вздрогнула. Клавдий никогда не принимал ее здесь – для регулярных контрольных встреч куда лучше подходила маленькая комнатка этажом ниже, та, похожая на гримборную, с большим зеркалом и мягким диваном; обстановка же рабочего кабинета не располагала ни к спокойствию, ни к доверительности, скорее наоборот. Никакую ведьму не обрадует дознавательный инквизиторский символ, вырезанный на деревянной обшивке стены. В трех экземплярах.

– Добрый вечер, Хелена. – Клавдий поднялся, одновременно пытаясь ослабить удар, пришедшийся на ведьму. Директриса оперного никогда не могла похвалиться защитой. Хотя бы средненькой.

– Приветствую, мой инквизитор. – Женщина чуть склонила голову. – Тяжкие... времена...

– Нелегкие. – Клавдий подождал, пока женщина усядется в кресло для посетителей. Вытянул сигарету, спрятал снова. – Я, наверное, неприятный сейчас? Сильно давлу?

– Ничего. – Тонкие губы под тенью вуали страдальчески улыбнулись. – Я потерплю... В конце концов, именно ради этого... незабвенного ощущения я просидела в приемной шесть часов.

– Прошу прощения, Хелена, – сухо отозвался Клавдий. – Думаю, вы все понимаете.

Голова в черной шляпке медленно кивнула. Женщина старалась не поднимать глаза на дознавательные знаки на стенах.

– К делу. – Клавдий уселся. – Сегодня не контрольный день. Что побудило вас, занятого человека, вырвать из своей жизни эти самые шесть часов?

– Я не побеспокоила бы вас, – тонкие губы улыгнулись снова, – если бы не считала свое дело исключительно важным.

– Театр?

– Училище. Вы знаете, мой инквизитор, хореографическое училище полностью находится, так сказать, под крылом театра... подготовка новых...

– Понимаю. Что?

– Вчера... взяли пять девочек. Сегодня утром – еще две.

– Сколько *их* всего? *Вас*?

– Это очень талантливые дети. – Директриса медленно подняла вуаль, открывая взгляду собеседника тонкое белое лицо с синими шнурочками вен на висках. – Девочки. От четырнадцати до шестнадцати.

– Сколько?

– В училище – десять.

– Очень много, Хелена.

– Это искусство. – Женщина царственным движением вскинула подбородок. – Не я придумала, что... талантливые дети часто оказываются... *нами*.

Клавдий откинулся на жесткую спинку. Подобная закономерность не была открытием – среди девочек, склонных к «изящным искусствам», колоссальный процент юных ведьм. Неинициированных, естественно.

– Хелена. Вы не... говорили им о необходимости стать на учет?

Женщина молчала.

– Сколько из десяти – учтенные?

Тонкие губы едва шевельнулись:

– Две.

– Хелена? Что я должен вам сейчас говорить?

Женщина медленно поднялась. С усилием – но все равно грациозно. Даже горделиво.

– Клавдий... – Она шагнула к столу, и это был шаг жертвы, добровольно напарывающейся на нож, потому что сократившееся расстояние принесло ей новую боль. – Позвольте мне так вас назвать... Клавдий, это особенные дети. Они... – Она вскинула голову. – В театре полтора десятка ведьм. *Все* на учете, я за этим слежу... Но не подростки. Для них это слишком... болезненно. Некоторые из них так еще и не осознали... Что они изгои. Что они уроды. Что единственный дом, где от них не отшатнутся, – их училище, их театр, их гнездо... Семерых забрали, это... колоссальная травма. Они ведь не понимают, за что. И одна осталась, ждет ареста. Уже сутки не может есть...

Она снова шагнула вперед, и лицо ее болезненно напряглось:

– Я умоляю. Ну можете меня восемь раз сжечь. Но отпустите детей, они ни в чем не виноваты, они живут только балетом, без них не будет театра...

Клавдий прикрыл глаза:

– Назад, Хелена. Не надо. Отойдите.

Женщина отступила. Опустилась в кресло – не упала, а именно опустилась. С прежним достоинством.

– Я не палач, – сообщил Клавдий глухо. – Похоже?

Женщина хотела что-то сказать, но так и не решилась.

– Хелена... каждая неучтенная ведьма становится сегодня смертельно опасной. Я не могу посвятить вас в подробности, но... ситуация, сложившаяся у вас в училище, преступна. А потому травма, нанесенная вашим девочкам, – ваша вина. Их надо было... вы понимаете.

– Я не отрицаю своей вины. – Воспаленные глаза женщины сухо блеснули. – Я готова поплатиться... Но не за их счет.

– За чей? За мой? За счет и вовсе невинных людей? Как иначе я добьюсь исполнения законов, если не буду наказывать за ослушание?

Женщина молчала. Клавдий смотрел, как с ее лица медленно уходит румянец, проступивший во время вдохновенной речи. Уходит вместе с надеждой.

– Чрезвычайное положение, – он накрыл ладонью авторучку, – продлится еще... вероятно, дней пять. Если ситуация стабилизируется, то... короче, большая часть неинициированных ведьм так и так окажется на свободе. Через пять дней вы получите ваших учениц обратно... и, хочется думать, не станете повторять совершенных ошибок. Да?

– Мой инквизитор, – женщина смотрела печально и строго, – я... не инициирована. Однако мой опыт... возможно, я могла бы сообщить вам сведения, которые вас заинтересуют. В ответ на... простое снисхождение. К нашим детям.

Некоторое время Клавдий молчал. Женщина вновь опустила голову.

– Вы хотите поторговаться, Хелена? Вы? Со мной? Столь уважаемая мною женщина... или я неправильно понял?

– Правильно. – Она не смотрела на него. – Чрезвычайное положение вызвано... непонятными изменениями, происходящими среди ведьм. Всплеск активности. Агрессия. Рост числа инициаций. Новые ведьмы огромной силы... их странная, противоестественная солидарность... Да?

Лицо Клавдия оставалось бесстрастным, однако это бесстрастие стоило ему значительных усилий.

– Я не инициирована. Но все же я ведьма, мой инквизитор... И достаточно начитанная ведьма. У меня есть предположение, которое кажется мне близким к правде. Вы можете сказать «не надо, я знаю сам...» Тогда я уйду, посрамленная. Но если... если мои соображения смогут вам помочь – зачем пренебрегать ими? Тем более что это... от чистой души. Из одного только... хорошего отношения. Клянусь.

– Хелена, – медленно проговорил Клавдий, почесывая уголок рта. – Говорят, что последняя балетная премьера вызвала среди ценителей настоящий фурор? Врут?

– «Аисты», – сказала женщина шепотом. – Да, великолепные «Аисты»... Сколько вам нужно билетов? Когда?..

– Хелена, будь на моем месте другой человек... хоть бы и мой предшественник. Знаете, что бы он с вами сделал?

– Ему бы я не сказала... что говорю вам.

– Я должен быть польщен?

Уголки ее губ приподнялись:

– Вероятно, мой инквизитор.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

– Говорите, Хелена.

Женщина резко набрала воздуха в грудь, так, что качнулся тяжелый золотой медальон в вырезе черного шелкового платья.

– Матка. Ведьмы от природы разобщены... Это дает им возможность... вернее, дает людям возможность сосуществовать с ними... чередуя войну и состояние вооруженного нейтралитета. Ведьмы – разобщенная туча ос... Но когда приходит матка, Мать-Ведьма, все меняется. Туча становится семьей. Единым телом со множеством жал. Стаей... война неизбежна, и... жестокая война. Но когда вы убьете матку, все вернется на круги своя.

Хелена Торка перевела дыхание. Клавдий вытащил сигарету, несколько секунд поборолся с приличиями – и, одолев их, молча закурил.

Хелена Торка напряженно улыбнулась. Извлекла из сумочки глянцевою пачку, шелкнула зажигалкой и затянулась тоже; ей явно сразу же сделалось спокойнее. Лицо чуть расслабилось, оттаяло, и на щеки вернулся еле заметный румянец.

– Я тоже люблю... старые рукописи. – Клавдий смотрел на собеседницу сквозь медленно тающее облако дыма. – Старые рукописи, страшные истории... Вы уверены, что «Откровения ос» – не подделка?

Женщина прикрыла глаза:

– Я рассказала, что знала. Как с этим поступить... Решайте.

Клавдий помолчал. Потеребил подбородок. Глубоко затянулся:

– Ваши... соображения не имеют той ценности, которую вы им приписываете. Боюсь вас огорчить. Я, конечно, не ведьма... но знаю куда больше. К сожалению.

Женщина молчала. Клавдию показалось, что сигарета в ее пальцах чуть дрогнула.

– Тем не менее я ценю вашу откровенность. – Он вздохнул. Поймал ее взгляд, криво улыбнулся. – Отдадите в канцелярию список. Ваших талантливых ведьм. Подумаем, что можно сделать.

* * *

Ивга проснулась в холодном поту.

В коридоре горел свет – укладываясь вечером, она забыла... а скорее просто не захотела выключать лампочку. И теперь лежала, натянув до подбородка чужое одеяло, утопая в запахе прачечной, который исходил от чистого белья. И слушала, как понемногу успокаивается колотящееся сердце.

За окном стояла непроглядная темень. Кровать казалась нескончаемым белым полем, равниной под крахмальными снегами, Ивга чувствовала себя на ней случайным путником, замерзающим в сугробе. Ей и правда сделалось зябко – но холод шел изнутри.

Она содрогнулась, вспомнив свой сон. Хотя, в общем-то, ничего особенно страшного ей не приснилось – просто девочка-подросток в куцем платьице и длинной вытянутой кофте. Будто бы она наклоняется над тележкой с горячими бутербродами и достает из разукрашенной железной коробки...

Тут-то Ивга и проснулась, дрожа. Не желая знать, что именно приготовила для нее девочка.

Маленький телевизор, приспособленный, чтобы смотреть его из постели, послушно мигнул экраном; здесь повторялись дневные сводки новостей, вертелись клипы с обнаженными красотками и мелькали рекламные ролики. Ивга села в кровати, обхватив колено. Что, если девочка с бутербродами отыщет ее и здесь?!

Ну и что такого, подумала она угрюмо. Что особенного... Рано или поздно придется определяться. Или Назар, или...

Мысль ее загнулась. Что, собственно, «Назар»? Подумать о Назаре означало упереться в тоскливый тупик. Уж лучше вовсе не вспоминать, голова, по счастью, круглая, в какую сторону повернешь – в ту и думает...

Ивга с трудом стерла с лица кривую, резиновую усмешку, от которой болели губы. Глубже забралась под одеяло; отличная все-таки кровать. Необъятная, в меру жесткая, надежная, как цитадель. «Полигон для ваших фантазий...»

Она закусила губу. Со вчерашнего дня ее преследовало неприятное ощущение, будто она на постели – третья. Временами она даже видела чужую одежду, небрежно брошенную на пыльный ворсистый коврик; в ее воображении присутствовала груда кружевного белья, которой хватило бы на целый десяток пышнотелых женщин. И – черный халат Великого Инквизитора, похожий на средневековую хламиду. И...

Дальше ее воображение не шло. Дальше был порог, перед которым любая фантазия отступала, вздрагивая и озираясь.

Сумела же она в момент большого страха представить ту ведьму в коричневом платье – школьницей у доски?

Отчего же не попытаться вообразить Великого Инквизитора – голым? Под одеждой-то все голые... А складки пугающих одеяний одинаково скрывают и рельеф атлетических мышц, и немощную дряблость...

Мелькающий клип на экране сменился другой картинкой, музыка оборвалась, Ивга вздрогнула.

– ...Да! Ведьмы! Вот уже неделю я ни о чем другом не слышу, только ведьмы, ведьмы!..

Человек сидел на садовой скамье, за спиной у него паслись на газоне голуби, а прямо перед носом торчал из-за кадра круглый черный микрофон в чьей-то руке. Голос человека казался капризным и одновременно властным; он был не то журналист, не то политик, часто мелькающий на экране, Ивга смутно помнила его лицо.

– Вы хотите знать правду? Она заключается в том, что господа инквизиторы, – голос сделался саркастическим, губы желчно искривились, – еще четыре года назад провели полностью успешный эксперимент. У Инквизиции уже сейчас есть средство, позволяющее лишить ведьму, так сказать, ведьмовства! Очистить в какой-то мере! Откорректировать! Но Инквизиции, господа, такой поворот невыгоден. Потому что аппарат Инквизиции хочет жрать! Вся эта очередная шумиха вокруг ведьм – новый повод, чтобы затребовать денег! За наш общий счет!

Он говорил и говорил, Ивга смотрела, как шевелятся его губы, и знала, что сегодня больше не уснет.

«Очистить в какой-то мере».

* * *

«...Ибо общество людей стремится к порядку, а *они* есть воплощенный хаос. Они – град, побивающий посевы; ты пробовал понять град?..»

«Они – стая ос. Мед их горек, а жало смертельно; убивая их поодиночке, ты лишь разъяряешь рой. Убей матку – и рой рассыплется...»

Из всей бесчисленной литературы, что была написана о ведьмах за последние триста лет, девять десятых не выдерживало никакой критики и тянуло в лучшем случае на «легенды». В худшем это следовало бы называть бессовестным враньем; ту же единственную, заслуживающую доверия десятую часть давно подобрала под себя Инквизиция.

В коллекторах Инквизиции, в помещениях с постоянной температурой и влажностью хранились старинные тома, готовые при первом же прикосновении рассыпаться в прах. Фотокопии этих книг находились в распоряжении Клавдия – к сожалению, путанные тексты имели скорее художественное, чем познавательное значение. Современные же исследования, многословные философские трактаты и жесткие хроники с ледящими кровью подробностями не в состоянии были сказать ничего нового. По крайней мере для Клавдия; когда-то он сам сподобился на такое вот исследование. Когда был куратором в Эгре, столице виноделия.

Резко звякнул желтый телефон без диска. Клавдий покривился, как от кислоты.

Голос герцога казался, против обыкновения, достаточно благодушным:

– В столь позднее время – на боевом посту?

– Я книжки читаю, ваше сиятельство. Чтобы лишний раз убедиться, какие мы все дураки.

Герцог помолчал, решая, не выходит ли шутка за грани пристойности. Так и не решив, вздохнул:

– Вас можно поздравить, господин Великий Инквизитор? Кажется, даже самые ярые ведьмоненавистники теперь довольны?

– Только не я, ваше сиятельство. Я никогда не был ярым ведьмоненавистником.

– Вы знаете, кое-кто поговаривает о нарушении гражданских прав...

– Ведьмы лишены гражданских прав с первого же в истории гражданского кодекса.
– Злобный вы человек, Клавдий.
– Да, ваше сиятельство.
– Проследите, чтобы репрессии, коснувшиеся ведьм, не затронули... больше никого не затронули. Я хочу, чтобы в стране наступило наконец спокойствие.
– Это наше общее желание.
– Что ж... как там у вас говорится – «да погибнет скверна»?
– Да погибнет скверна, ваше сиятельство.
Короткие гудки. Клавдий опустил желтую трубку на рычаг.

* * *

У обоих выходов из Дворца дежурили люди – в основном женщины, в основном немолодые. Не пикетчики – просители, не доверяющие канцелярии, желающие увидеть Великого Инквизитора – лично; Клавдий стиснул зубы. Собственно, если он пошел навстречу Хелене Торке – почему не войти в положение несчастных матерей, чьих дочерей угораздило родиться ведьмами?..

Интересно, кто родители Ивги. Или кем они были – потому что странно, что родители отпустили ее вот так болтаться по свету, бродить по тонкой кромочке между инициацией и тюрьмой...

Он вышел через третий ход, потайной, подземный. Мысленно попросил прощения у терпеливо ожидающих просителей, влез в служебную машину и через пятнадцать минут столкнулся с человеком, поджидающим во дворе, в полумраке.

Просители очень редко сюда приходили. Разве что в полном отчаянии.

Темная фигура шагнула вперед, загораживая вход. Клавдий спиной чувствовал присутствие телохранителя в машине – а потому поднял руку, на всякий случай запрещая стрелять; человек, встречавший у подъезда, испугался резкого жеста и отпрянул:

– Клавдий...

Ну что у них за манера, подумал Старж. Подкрадываться в темноте, прятаться за углом... Не со зла, по одной только глупости.

– Привет, Назар. Пойдем.

* * *

Все окна маленькой квартирки были широко распахнуты, во дворе вопили дети и перекликались птицы. Какой-то парнишка на велосипеде терпеливо вызывал подругу по имени Люра.

– А что потом?.. Потом я битый час выступал с лекцией на тему: «Неинициированная ведьма, семья, право и быт». Назар, к сожалению, поразительно несведущ... в этой области. Я по возможности заполнил пробелы в его знаниях.

– Люра-а! – терпеливо звал велосипедист. – Так ты выйде-ешь?..

Ивга смотрела, как инквизитор пьет кофе под сигарету. Как сквозняк вытягивает в окно ленты сизого дыма.

– Люра-а!..

– И... что он сказал?

– Он сказал «спасибо».

Ивга с тоской подумала, что все ее чувства отражаются на лице. И даже те, которые ей хотелось бы скрыть.

– А я... тоже... поразительно несведуща. В области неиницированных ведьм. По крайней мере, раньше я думала... Что если такая ведьма затаится, то ее не смогут выявить. Никто. – Она взглянула на собеседника почти что с вызовом.

Тот вздохнул:

– Смогут. Я же тебя выявил. Но я понимаю, что ты имеешь в виду – сидеть тихо и не произносить слова на букву «в»... Нет, это ошибка. Ведьма, даже неиницированная, остается ведьмой. Даже если она никому не делает зла. Даже если она вообще ничего не делает... Она *может* делать. Вот грань, о которую столетиями ломали зубы сочинители законов... и те, кто пытался воплотить их в жизнь. Если человек невинен – за что его наказывать?

– Вот именно, за что?!

– Ведьмы рожают прекрасных детей. Отличаются завидным здоровьем. Полностью пренебрегают домашним хозяйством, зато преуспевают в искусствах. Умны и оригинальны... Все это я, можешь поверить, рассказал Назару. Даже с преувеличениями.

– А как узнать, пройдет ведьма инициацию или нет?!

– Люра-а! – надрывался парень за окном. – Лю-ура! Иди сюда-а!..

Инквизитор поднялся, но на крохотной кухне некуда было деваться, и потому он снова уселся – на широкий подоконник. Поставил рядом недопитую чашку кофе.

– Назар тоже меня спросил. Собственно, все это я рассказывал ему и раньше, еще тогда... Гм. После твоего ухода. Но он, видимо, был так расстроен, что ничего не запомнил.

– Люра-а!..

Инквизитор вдруг перегнулся за окно и рывкнул голосом театрального злодея:

– Люра, а ну выходи немедленно!

Звякнул на камушке звонок укатывающего велосипеда. Парнишка-ухажер, по-видимому, струхнул.

– Видишь ли, Ивга, – инквизитор усмехнулся, – никак. Не определить никак. Стечение обстоятельств, свойства характера... Пик инициаций приходится на юность, если ведьма не стала действующей до тридцати – скорее всего, уже и не станет. Но гарантии нет. Спокойная семейная жизнь с любимым человеком дает большую вероятность, что ведьма до конца дней своих пребудет в добре и законопослушании. Но гарантии нет.

– И это вы тоже сказали Назару, – предположила Ивга шепотом.

Инквизитор пожал плечами:

– Ты заметила, я стараюсь быть честным? С ним... и с тобой?

– Спасибо.

– Не за что, Ивга... Что ты так смотришь?

Ивга опустила глаза:

– Вы мне жизнь... убили.

– Не преувеличивай.

– Будет справедливо, если теперь вы мне... поможете.

– Помогу, чем сумею... Ты, собственно, о чем?

Ивга намертво сплела под столом пальцы рук:

– Я не хочу быть ведьмой.

Пауза. Веселый щебет за окнами; темпераментная беседа под соседним подъездом. Вероятно, Люра все-таки вышла.

– Нас не спрашивают, кем мы хотим быть. Я родился мальчиком Клавом, ты – девочкой Ивгой...

– Нет. Я слы... я знаю, что ведьму можно... лишить ведьмовства. Чтобы она была как другие.

Инквизитор поморщился. С брезгливостью заглянул в чашку, будто опасаясь встретить там таракана.

– Я даже догадываюсь, от кого ты это «слы». То есть знаешь. Поразительно, каким странным людям позволено вещать в микрофон.

– Вы скажете, что никогда не проводили таких... опытов? Никогда не пробовали, никогда этим не занимались? Вы скажете это, глядя мне в глаза?

Инквизитор раздраженно поставил чашку на подоконник:

– Давай-ка прекратим этот разговор. Не стоит доверять людям из «ящика». Ни в чем.

Ивгины пальцы, вцепившиеся друг в друга, побелели:

– Где же ваша хваленая... честность?

Их взгляды встретились. Ивга ощутила внезапный приступ тошноты.

* * *

...В какой-то момент она решила, что инквизитор везет ее, чтобы сдать в изолятор; к обычному дискомфорту его близкого присутствия добавилось тягостное чувство обреченности. И с этим чувством Ивга провела на заднем сиденье всю не очень длинную, но и не короткую дорогу.

Сбоку на ветровом стекле была приклеена картинка с развеселой ведьмой верхом на помеле. Картинка показалась Ивге дурной приметой, знаком странного, изуверского чувства юмора; некая ржавая пружина, все сжимавшаяся и сжимавшаяся у нее внутри, напряглась до последнего предела.

Инквизитор вел машину неторопливо, внимательно, корректно, как ученик, второй раз усевшийся за руль; центр Вижны, в котором Ивга худо-бедно ориентировалась, остался позади, и потянулись пригородные районы – однообразные, пыльные, чужие. Миновав знак, сообщающий о пересечении городской черты, инквизитор повернул направо, и дорогая мощная машина выкатилась на разбитую проселочную дорогу.

Желтое здание обнаружилось за молодой елочной посадкой – приземистое, двухэтажное, похожее одновременно и на тюрьму, и на коровью ферму; Ивга обхватила плечи руками.

– К сожалению, мне придется кое-что тебе показать, – не оборачиваясь, бросил инквизитор. – Именно то, что тебе надлежит увидеть.

Ивга посмотрела на его затылок – ухоженный, волосок к волоску. И больше всего на свете ей захотелось садануть по этому затылку тяжелым молотком.

Высокомерный вершитель судеб. «Именно то, что тебе надлежит увидеть». По какому праву он обращается с ней, как с лабораторной свинкой? Нет, как с микробом. Как с болезнетворным микробом, а он – добрый доктор...

Приступ ярости оказался внезапным и беспричинным. Просто лопнул тугой пузырь, вместилище ее потерь, унижений и страхов.

Кажется, ее зубы хрустнули. Кажется, глаза застлала красная пелена; невероятно, как в одном человеческом существе может помещаться столько ненависти. Непонятно, как она смогла вынести такое – молча и неподвижно. Со стиснутыми зубами.

Но уже в следующую секунду она вцепилась в волосы сидевшего за рулем мужчины.

Вернее, чуть было не вцепилась. Потому что в последний момент он ушел в сторону, поймал ее руку и резко дернул на себя. Машина вильнула; рука инквизитора обхватила ее за шею и вдавила лицом в твердое плечо.

– Палач!..

Она рванулась. Машина вильнула снова; Ивге показалось, что сейчас она кувыркнется вперед и упадет на руль, пробив ногами ветровое стекло.

– Палач! Собака! Гад! Сволочь! Пусти-и...

Рот ее оказался зажат жесткой обшивкой сиденья. Руки, взявшиеся было царапать и рвать, ослабели от боли; боль была такая, будто голову выворачивают из плеч, как пробку с бутылки.

– Палач!..

Машина замедлила ход, потом остановилась. Ивгу выпустили; прядь ее рыжих волос зацепилась за пуговицу на его воротнике, и, отпрянув назад, она чуть не сняла с себя скальп. Так, что на глаза мгновенно навалились слезы.

– Всех вас, – прошипела она сквозь боль. – Всех вас, сволочей... Ненавижу. Раздавить, как клопов... Палачи...

Она на минуту ослепла. Может быть, из-за пелены слез, а может быть, у нее просто потемнело в глазах; дверца, на которую она навалилась в поисках выхода, вдруг поддалась, и Ивга вывалилась из машины на обочину.

Туман перед глазами разошелся. Специально для того, чтобы Ивга увидела лежащий неподалеку камень; скрючившись от боли, подняла и швырнула. Боковое стекло роскошной машины пошло сотней трещин, перестало быть прозрачным, перестало быть стеклом; Ивга ощутила мгновенную свирепую радость; камней больше не было, она набрала полную горсть щебенки:

– Я... тебя... трогала? Я что-то тебе сделала?! Я преступница? Воровка? Да я в жизни... и ты мне будешь указывать? Назару... Я что, кому-то чего-то должна?!

На узкой дороге не было ни одной машины, только по шоссе, оставшемся в отдалении, полз серый грузовик. Далеко в поле бродила бездомная собака, а инквизитор стоял, оказываясь, рядом, стоял, прислонившись к капоту, и сверху вниз глядел на сидящую Ивгу.

– Я тебя не боюсь. – Она бестрепетно посмотрела прямо в его сузившиеся глаза. – Я *никого* не боюсь. Понял, гад?

Инквизитор молчал.

Она с трудом поднялась – не хотелось стоять перед ним на коленях.

– Ты... мерзавец. Ты... ничего... а у нас бы сын родился! С Назаром! Теперь уж все, теперь уж... ты рад? Что мы не будем... что у нас не будет... никогда... что я теперь... ни-когда!.. А ты радуйся. Потому что ты... Ты кого-нибудь когда-нибудь любил?!

Она ощерилась; челюсти ее сводило от ненависти. Как от неспелого, твердого крыжовника. Казалось, слезы на ее глазах вот-вот закипят. Такие они были горячие.

– Только бы хватать... Давить, мучить... Принуждать... Паук поганый. Палач грязный, вонючий. И предатель!

Она сама не знала, откуда взялось это последнее слово – оно выскочило, как по наитию. И в ту же секунду ей показалось, что лицо инквизитора дрогнуло. На мгновение; вдохновленная победой, она растянула губы в свирепой ухмылке:

– А, не нравится?!

Ей казалось, что по узкому темному лабиринту она проталкивается к чему-то... к чему-то, чем она сможет ранить его по-настоящему. Даже, может быть, убить.

– ...Палач и предатель. Тебе еще воздастся! За то... за то, что ты ее отдал!..

Она понятия не имела, о чем и о ком говорит. Но цель была рядом: инквизитор побледнел. Ох как он побледнел – Ивга и не думала, что это возможно...

– Да! Ничего тебе не забудется, потому ты и садист ненормальный, потому тебе пытаться – одна радость в жизни... которая осталась... Ты даже тех баб, – она захлебнулась, но продолжала: – Тех баб, в притоне своем... ты их мучил, да? Как крыс? Тебе иначе без удовольствия?!

Кажется, она нащупала в нем живое место. Теперь ей хотелось его *достать*; ей так сильно этого хотелось, что на языке неожиданно рождались слова, до которых она в нормальном состоянии не додумалась бы никогда в жизни:

– Тебе любить – нечем! Потому ты и женщин мучить взялся... Потому что... помнишь – тебе было приятно, когда *она* умирала! Ты понял, как это сладко, когда...

Он не шевельнул и бровью, только зрачки его вдруг расширились – и она получила удар. Да такой, что потемнело в глазах, голос мгновенно сорвался от крика, а на свитер хлынула кровь из носа. Теплая жидкость на губах, на руках...

Она боялась крови. От одного вида ее теряла сознание; на этот раз мягкий обморок был во спасение. Она очнулась через минуту, лежа лицом в траву; ее голова была как футбольный мяч, по которому колотят десятки ног, обутых в ботсы. В ушах звон и крики трибун, и рев, и аплодисменты...

Она заплакала. Не от жалости к себе – просто от невозможности терпеть всю эту боль. И души и тела.

Потом сквозь шум стадиона, существующий только в ее воображении, пробился шум мотоцикла. Стих, уступая место озабоченному голосу:

– Господин, может, помочь?

Спокойный голос в ответ. Абсолютно бесстрастный, четко произносящий каждое слово... но Ивга не может понять, о чем речь.

– Так на спину же надо... Лицом вниз – так еще хуже будет...

Снова спокойный ответ... с еле слышной ноткой раздражения. Или ей мерещится?

– Хорошо, господин... пусть поправляется...

Удаляющийся шум мотора. Трава под ее лицом теплая и красная – или это тоже мерещится?..

Я – ведьма. Ведьмы *должны* быть злыми.

* * *

Клавдий проводил мотоциклиста глазами. Подождал, пока зеленая куртка, наполненная ветром, как пузырь, скроется за поворотом.

И еще подождал – пока пройдет дрожь. Даже руки трясутся, вот пес-то... Сигарета вот-вот выскочит...

Он слишком хорошо о себе думал. Как о человеке с железными нервами, со стопроцентной защитой; ан нет, пришла случайная девчонка, пальчиком ткнула – и стоит Клавдий Старж на обочине, рядом со слегка побитой машиной, трясется и курит...

Ничего себе «случайная девчонка». Ничего себе случайные прозрения. Вот так, играючи, не отдавая себе отчета, отыскать в его душе самый больной, самый тяжелый груз... И превратить в оружие. Да в какое!..

Нет, она не поняла, что сделала. Ей просто хотелось уязвить, что же, она своего добилась.

Видывал он матерых ведьм, инициированных, опытных, пытавшихся проделать с ним то же самое. Тогда он смеялся, обращая их оружие против них же, сейчас...

Он не удержался и плюнул. Сбил плевком половину белых перьев одинокого одуванчика, разозлился и плюнул опять, но на этот раз промазал, и одуванчик так и остался – наполовину лысый.

Надо признать, что она на редкость мужественно все это вынесла. Клавдий ударил, почти не сдерживаясь. Полностью потеряв над собой контроль. Давно, давно, ох как давно его не щелкали по носу...

Ему захотелось сесть в машину, подкатить к желтому зданию и вызвать патруль; вместо этого он подошел к лежащей Ивге и уселся рядом.

Хорошая защита. Отменное здоровье. Кровь – ерунда. Просто кровь из носа, и уже свернулась. Запеклась на рыжих волосах...

Он вдруг вспомнил, как в детстве простаивал часами у стальной решетки, в зверинце, у клетки с лисами. Единственный лисенок, родившийся в неволе, грязное забитое существо, в которое чем только не бросали и как только не дразнили – этот самый лисенок ждал его, забившись за дощатый домик, а дождавшись, полз на пузе через всю клетку, и протянутая сквозь прутья рука хватала воздух в каких-нибудь нескольких сантиметрах от острой страдальческой морды. Куда потом девался лисенок? Что отвлекло Клавдия от тягостных посещений зверинца?..

Все, хватит сантиментов. Он – Великий Инквизитор, чуть было не прибивший насмерть молодую неучтенную ведьму.

* * *

Вода в канистре была неожиданно холодной. До ломоты в зубах. Это хорошо.

Ивга ловила в ладони тугую, неэкономную струю; брызги мгновенно промочили ей свитер, но это плевать, свитер и без того пропал. Столько крови... Что за мерзкое лето, когда надо ходить в свитере. В прошлом году в это самое время стояла жара...

Простые мысли ни о чем были защитной реакцией. Ивга не сопротивлялась – думала о траве и об одуванчиках. О погоде, о скором дожде, о незамысловатом узорчике, нарисованном в уголке ее собственного носового платка. Купленного в галантерейном магазине два месяца назад...

– Что болит?

Болело, кажется, все. Но как-то нехотя, тупо. И при любом повороте головы темнело перед глазами.

– Что ж вы со мной возитесь? Сдайте в изолятор, да и дело с концом...

– Приляг на спину. Платок на лицо.

Она выбрала место, где не было одуванчиков. Не хотелось тревожить белые шапки; раз собьешь – назад не вставишь...

– Очень больно было?

Нестерпимо, подумала она. Преодолевая головокружение, пожалала плечами:

– Ерунда... Так, немножко...

Ее голову приподняли; через секунду ее затылок лег на жесткое и теплое. На чьи-то колени, причем в первый момент прикосновения ее будто дернуло слабым разрядом тока.

– Не дергайся... Так надо... Родители у тебя живы?

– Зачем...

– Просто так. Интересно.

– Мать. Я ей с полгода не писала.

– Не любишь?

– Люблю... Потому и... думала – устроюсь... тогда напишу, вроде как порадую...

– Может, она болеет? Может, ты ей помочь должна? Если не писала, как ты знаешь, что она жива-здоровая?

Ивга помолчала. С трудом подняла веки; в небе было пусто. Безоблачное беспитие.

– Мне брат сказал... ну, в общем он хороший парень, надежный. Старший брат. Младший – тот лоботряс... Сказал – поезжай. Если объявишься – и тебе будет хуже, и всем. Ведьмы – они все безродные?

– Не все. Но многие.

Мимо прокатилась машина. Чуть замедлила ход – но не остановилась.

– Назар не станет... никогда на мне не женится. Он не может жениться на ведьме. Это нормально. Вы ведь тоже не смогли бы.

Инквизитор чуть усмехнулся:

– Я... Я. Я бы смог. Наверное.

От удивления она даже чуть привстала. Слабость тут же взяла свое – Ивга опустилась обратно, переживая головокружение.

– Скажи, Ивга. Ты помнишь, что ты мне говорила?

– Я приношу извинения, – выдавила она через силу.

– Извинения не приняты. Помнишь? Могла бы повторить?

Она помолчала.

– Нет. Я... забыла.

– А *откуда* те слова взялись, помнишь?

– Не знаю...

Кровь, которая совсем было остановилась, полилась опять. Ивга прижала к лицу мокрый платок.

(Дюнка. Апрель)

Наутро Клав попросил прощения у Юлека Митеца. Обрадованный примирением, тот весь день стрекотал, как кузнечик, и делал Клаву множество мелких приятностей.

Клав не поехал в город. Честно отсидев занятия, он вернулся в комнату, улегся на койку поверх покрывала и крепко зажмурил глаза.

Вчера он чудом избежал гибели. Гибели нелепой и страшной и, наверное, достаточно мучительной; фантазия его не скупилась на подробности, он шкурой чувствовал отголоски той боли, которая была уготована ему вчерашним стечением обстоятельств. Достаточно дурацким и странным стечением, надо сказать.

«Навы, как правило, общаются с людьми затем, чтобы убить. Уравнять, так сказать, шансы...»

Уравнять шансы. Вечно мокрые Дюнкины волосы... Интересно, она помнит, как нашла смерть... в воде? Что испытала при этом? Как болели, рвались легкие? Как корчили тело судороги? Как хотелось кричать, но язык провалился в горло?..

И он тоже умер бы в воде. Другой смертью, но...

Хорошая парочка. Дюнка в купальнике, с прозрачными капельками, скатывающимися по плечам... И он, голый, в клочьях оплывающей пены. Парочка хоть куда...

Он сжал зубы. Чугайстеры ввали. Всякий палач ищет себе оправдания – казненный, мол, был удивительно мерзким субъектом... Навки – не люди...

Это Дюнка не человек?!

И он заплакал от шемящего раскаяния.

* * *

Раскаяние придало ему силы. На рассвете следующего дня он уже целовал Дюнку в быстро теплеющие губы, и чувство вины перед ней было так велико, что даже не пришлось, как обычно, преодолевать барьер первого прикосновения. Дюнка была живая, Дюнка смотрела испуганно и влюбленно, и Клав сказал ей, что сегодня исполнит любое ее желание. Что хочет ее порадовать.

Дюнка захлопала ресницами. У Клава ком подступил к горлу – так давно он помнил за ней эту привычку. Знак растерянности, удивления, замешательства; хлоп-хлоп, сметаем пыль с ресниц. И какой круглый идиот сможет после этого поверить, что «это не люди. Пустая оболочка...»?!

У Клава свело челюсти. От ненависти к чугайстерам.

– Я хочу... – несмело начала Дюнка. – Я бы... на воздух. В лес... теперь весна...

Клав закусил губу. Город и пригород полны опасностей и врагов, но бедная девочка, как она истосковалась в четырех облезлых стенах. Как ей душно и одиноко...

– Пойдем, – сказал он шепотом. – Погуляем...

За два часа дороги он устал, как за целый день непрерывного экзамена. Они трижды пересеживались из машины в машину, и путь их, будь он отмечен на карте, предстал бы замысловатой кривой – но зато на этом пути ни разу не встретился ни пост дорожной инспекции, ни отряд полицейской проверки.

Патруль чугайстеров они видели только однажды, издали. Замерев и подавшись назад, Клав чувствовал, как в его руке леденеет, сжимается влажная Дюнкина ладонь; несколько долгих секунд светофор медлил, уставившись на примолкшую улицу одиноким желтым глазом, потом смилостивился и вспыхнул зеленым, и законопослушный водитель тронул машину, сворачивая прочь от патруля, а патруль, в свою очередь, повернул в противоположную сторону...

За городской чертой хозяйничала весна.

Они выбрались из машины на полпути между двумя кемпингами – и сразу же углубились в лес. Дюнка шла, высоко вскинув голову, подметая лапами плаща первые зеленые травинки, и клетчатая кепка на ее голове смотрела козырьком в небо; Клав шагал рядом, чуть отставши, и удерживался от желания закурить.

Два или три раза им встретились гуляющие – такие же парочки, одновременно доброжелательные и пугливые; Дюнка улыбалась и махала им рукой. Клав вертел в кармане сигаретную пачку и чувствовал, как холодная тяжесть, жившая в груди после встречи с чугайстерами, понемногу рассасывается и уходит. Никто не сумеет отнять у него Дюнку. Ни силой, ни ложью. Вот так.

Потом они сидели перед крохотным костерком, неторопливо подсовывали ему пупырчатые еловые ветки и смотрели друг на друга сквозь дрожащий воздух. Клаву казалось, что Дюнкино лицо танцует. Темные пряди на лбу, влажные глаза, губы...

Потом эти губы оказались солоноватыми на вкус. И совсем не холодными. И язык шершавый, как у котенка. И кожа пахнет не водой, а весенним дымом елового костерка.

И он часто дышал, удерживая намернувшиеся на глаза... слезы, что ли? Не помнит он своих слез. На Дюнкиной могиле, кажется... Как давно. И ведь только сейчас он поверил до конца, что она вернулась. Только сейчас – совершенно и полностью поверил. Обнять...

Потом как-то сразу стало смеркаться. Весна – это все-таки не лето.

– Дюн, а там вроде бы поезд... Слышишь?

Стук колес звучал совершенно явственно. Неподалеку тянулись через темнеющий лес много тонн металла.

– Пойдем туда, – тихо попросила Дюнка. Это были ее первые слова за несколько счастливых часов; теперь она, наверное, продрогла и боится. И хочет домой...

Червячок здравого смысла царапнул Клава острой неудобной чешуйкой: она не замерзает. Обыкновенная девчонка замерзла бы, но Дюнка...

Прочь, сказал он червячку. Снял куртку. Накинул на Дюнкины плечи поверх плаща – и поймал благодарный взгляд. И в груди сразу сделалось тепло и тесно – замерзла, девочка... Замерзла, бедолага...

Некоторое время они шли наугад. Сумерки сгустились, сделалось сыро, от земли понемногу поднимался туман; потом вновь застучали колеса, ближе, чуть левее. Клав ускорил шаг. Дюнка споткнулась.

– Не устала? Если что, я тебя на плечи... Как рюкзачок... А?

– Не-е...

– Как знаешь...

Минут через десять показались далекие, спеленатые туманом огоньки.

Не станция и даже не полустанок – скорее разъезд. Четыре... нет, шесть пар мокрых от тумана рельс, громоздкая стрелка, разводящая пути, полуразличимое в сумерках строение – не то барак, не то мастерская. Отдельно – домик смотрителя; несколько раз гавкнула охрипшая собака.

В детстве Клав боялся железных дорог. Слишком яркое воображение не могло выносить зрелища многотонных колес, гремящих по рельсам, – сразу подсовывало под них воображаемые руки и ноги, а то и головы...

– Здесь даже электрички не останавливаются, – сказал он с сожалением. – Пойдем, Дюночка, я спрошу, куда нам теперь топтать...

– А давай останемся здесь, – сказала Дюнка шепотом.

Клав не сразу расслышал:

– Что?

– До утра. – Тусклый белый свет фонарей отразился в сверкнувших Дюнкиных глазах. – До рассвета...

– Ну, – он неуверенно пожал плечами, – может быть, у нас не останется другого выхода... Но ведь ночью холодно?

– Нет, – сказала Дюнка, и в голосе ее была такая уверенность, что Клав смутился.

В домике смотрителя никого не было; собака угрюмо ворчала на цепи, а дверь снабжена была косо прилепленной запиской: «Яруш, я пашел до девяти, занеси рибятам в гаражи». Потоптавшись и постучав с минуту, Клав пожал плечами и ободрил себя мыслью, что если неподалеку имеются гаражи с «рибятами», то и машина, видимо, найдется...

– Дюнка!..

Далеко-далеко возник пока неясный, но все ближе набегающий шум. Поезд.

Клав огляделся. Темнота и туман сгустилась одновременно, будто по сговору, и он не мог разглядеть невысокого перрона, рядом с которым, согласно уговору, ждала его Дюнка. Белые фонари не светили – светились, самодовольные и абсолютно бесполезные. Как бельма, подумал Клав, и ему сделалось неприятно.

Неясный шум обернулся дробным перестуком колес, тяжким бряцанием ерзающих сцеплений; Клав почувствовал, как подрагивают рельсы под ногами, и невольно спросил себя, по какой, собственно, колее идет состав.

Перестук колес превратился в грохот. Туман пах железом и гарью; Клав наткнулся грудью на холодное и каменное и с удивлением понял, что это перрон. Не такой уж низкий, выходит.

Негодующим светом ударили три слепящих глаза, пробили пелену тумана, струйчатого, как кисель. Возмущенный гудок едва не разодрал Клаву уши; он одним прыжком взлетел на перрон и отскочил от края.

Поезд мчался, не собираясь сбавлять ход из-за такой малости, как разъезд-полустаночек; вероятно, это был очень важный, уверенный в себе поезд. Наверное, машинисту сообщили по радио, что путь здесь открыт и свободен, что смотритель ушел к «рибятам» в гаражи, а влюбленную парочку, бродящую в тумане по ночным рельсам, и вовсе можно сбросить со счетов...

Клав вздрогнул:

– Дюнка!

Голос его потонул в грохоте.

Поезд был пассажирский, дальнего следования; над головой Клава проносились слабо освещенные окна, бледные пятна света размазывались по сотрясающемуся перрону, по ржавой ограде, по траве и по кустам, и в отдалении стояла, подставив туманным пятнам лицо, неподвижная женская фигурка.

– Дюнка...

Грохот оборвался. Клав невольно потрогал уши руками; стук колес отдалялся неестественно быстро, будто тонул в вате.

– Эй...

Дюнка стояла внизу. Он видел только лихорадочно блестящие глаза:

– Идем, Клав... Слезай, идем...

Он спрыгнул, едва не подвернув ногу. Попытался поймать ее ладонь – но схватил пустоту.

– Идем же...

Вдалеке тонко закричал тепловоз, и Клав почувствовал – или ему показалось? – как задрожали, завибрировали невидимые в темноте рельсы.

– Идем, Клав...

Ему померещилось, что от ее глаз света куда больше, чем от фонарей, тонущих в тумане. Он шагнул на этот свет, будто завороченный; в Дюнкином голосе явственно слышалось нетерпение:

– Идем...

Он послушно двинулся следом, перепрыгивая и переступая неожиданно высокие шпалы, стараясь не становиться на скользкие, как ледяные ребра, полосы рельс. Отдаленный шум поезда не приближался – но и не отдалялся тоже; тусклый огонек, маячивший впереди, с негромким скрежетом поменял место: автоматическая стрелка изменила направление пути.

Клав не видел Дюнки. Он ощущал ее присутствие – чуть впереди.

Потом она обернулась; глаза ее оказались различимыми в темноте:

– Клав... я... тебя...

– Я тоже, – сказал он поспешно. – Я люблю тебя, Дюн... Погоди!..

Три белых глаза, чуть ослепленные туманом, вынырнули ниоткуда. И ниоткуда обрушился грохот. И почти сразу же – гудок, от которого внутренности Клава слиплись в один судорожный ком.

Слишком много времени ушло, чтобы сообразить, вправо кидаться или влево; у теплового была огромная, как башня, темно-красная морда с двумя фосфоресцирующими оранжевыми полосками, широкой и узкой; Клаву показалось, что в центре железной хари он различает круглую эмблему машиностроительного завода. Решетка выдавалась вперед, как железная борода; вот падает человеческое тело, и его втягивает под решетку. Под грохочущее, перемалывающее кости брюхо...

Туман. И звезд не видно.

Он лежал на животе, обеими руками вцепившись в сухой кустик прошлогодней травы, рядом, в десяти сантиметрах, железо громыало о железо. Так, что содрогалась земля вместе с лежащим на ней человеком.

Он успел выпасть с дороги своей судьбы. Если это именно судьба явилась в облике тяжелого товарняка, который умеет подкрадываться незаметно.

* * *

Немолодая женщина в докторском халате, с ординарным, незапоминающимся лицом долго переводила взгляд с разбитого окна в машине на опухшую Ивгину физиономию. И снова на разбитое стекло.

– Требуется помощь? Случилась авария?

– Благодарю вас, госпожа Сат. Девушка чувствует себя уже лучше; проследите, чтобы охранник у ворот проверял документы у въезжающих.

– Но, патрон, он вас узнал...

– Потрудитесь объяснить ему, что он должен требовать пропуск *у всех*. Абсолютно. Теперь я спущусь вниз, девушка пойдет со мной, и нам потребуется провожатый – с ключами.

– Я сама могла бы...

– Если вас не затруднит.

Минуты три они ждали, пока женщина вытащит из сейфа гремящую связку ключей, а из высокого шкафа – два белых халата. Крахмальная ткань остро пахла дезинфекцией – Ивга стиснула зубы, подвораживая чересчур длинные рукава.

В коридоре запах стал сильнее. Ивга с детства ненавидела характерный запах медучреждения. Рассеянный свет белых дневных ламп, вазоны с неестественно сочной зеленью и блестящий, чисто вымытый линолеум.

– Это больница?

– Да. Я тебе потом объясню, что это такое.

Голова налилась новой болью, Ивга не удержалась, поднесла руку к виску. За коридором последовала лестница, ведущая вниз; двое молодых парней в халатах, распираемых мощными плечами, – их позы казались одновременно угрожающими и расслабленными. При виде женщины с ключами оба подтянулись, при виде инквизитора – вытянулись в струнку.

– Тут крутые ступеньки, возьми меня под руку.

Ивга послушно нащупала его локоть; первый момент прикосновения опять обернулся легким ударом, будто от слабого электрического разряда. Не неприятно. Даже как-то спокойнее...

Женщина отперла дверь. Потом еще одну; потом еще. Слишком много замков. Подозрительно много. Слишком резко блестят никелированные ручки. Зелень в вазонах пахнет дезинфекцией.

Коридор оказался коротким и глухим, упирающимся в стену; справа и слева были двери, которые Ивга не стала считать. В каждой из них имелось закрытое окошко; здорово похоже на тюрьму. Ивга вздрогнула.

Женщина приподняла заслонку на одной из дверей. Заглянула; вопросительно глянула на инквизитора. Тот кивнул:

– Открывайте, пожалуйста.

Дверь отворилась без единого звука. Будто не тяжелая бронированная створка, а так, дверца спальни. Хорошо здесь смазывают петли...

– Ивга, иди сюда.

– Не хочу.

– Посмотри. Так надо.

Ее взяли за плечи и поставили в дверной проем. Запах дезинфекции здесь был сильнее, но у этого воздуха был и другой, нехороший привкус. Спертый дух, как в палате тяжелобольного.

Комната показалась Ивге большой, как бальный зал, и такой же пустой. Если не считать пяти... нет, шести коек, стоящих вдоль стен. Под серыми одеялами – очертания скрюченных тел. Бритые головы на белых подушках; одна койка пуста, зияет полосатым матрацем.

Сама того не желая, Ивга намертво вцепилась в локоть спутника:

– Это... кто?!

– Посмотри.

Пять женщин лежали в одинаковой позе – подтянув колени к животу. У всех пяти были широко открытые, тусклые, бессмысленные глаза. Никто из них не отреагировал на посетителей – никак.

– Можно мне уйти? – прошептала Ивга.

– Да. Пойдем.

Проводница ожидала в коридоре. Инквизитор кивнул:

– Ну туда и туда мы заходить не будем... Там то же самое. А здесь, госпожа Сат, отойдите, пожалуйста. Ивга, я хочу тебя познакомить...

Комната была значительно меньше; в кресле, похожем на зубо-врачебное, сидела бритоголовая женщина с открытыми глазами и отсутствующим, оплывшим лицом. В первую секунду

Ивге показалось, что взгляд ее не отрывается от вошедших; на самом же деле у сидящей не было взгляда. Небесно-голубые глаза казались шлифованными стекляшками; на худых плечах висело бесформенное темное платье. Бритую голову обтягивала черная шапочка.

– Здравствуй, Тима, – сказал инквизитор, и в его голосе скользнула самая настоящая нежность. – Это Ивга.

Женщина не ответила. Руки ее безвольно лежали на подлокотниках, красивые, с тонкими пальцами и коротко стриженными ногтями.

– Ее зовут Тима Леус, – глухо сказал инквизитор. – Нейрохирург. Единственная из известных мне ведьм, ухитрившаяся получить образование и преуспеть в науке.

– Ведьма?!

– Да. Была... Ее любимый человек поставил ей условие... Видишь ли, попытки превратить ведьму в обыкновенную женщину начались не вчера. И даже не четыре года назад, когда мы с Тимой развернули... программу. И не четыреста лет назад...

Ивга снова взглянула на женщину в кресле. Грудь ее чуть поднималась в такт дыханию – и все. Инквизитор накрыл руку на подлокотнике своей ладонью – ничего не изменилось. Даже ресницы не дрогнули. Растение.

– Комплекс свойств, который определяет ведьму, настолько переплетен со свойствами личности... Убивая ведьму, мы убиваем личность. В программе приняли участие пятнадцать женщин. Во главе с Тимой; все, естественно, добровольно и с надеждой. У всех была причина... Особенно у Тимы. Она, видишь ли, любила.

Ивга перевела дыхание.

– Из пятнадцати пациенток в живых осталось девять, – сказал инквизитор. – Все – в таком вот... виде. Навсегда. Теперь понятно? – Ивга молчала. – Вот о чем ты просила меня сегодня утром. Вот что ты имела в виду, когда вопила, что я лгу. Теперь понятно или нет?!

Было очень тихо, даже госпожа Сат, оставшаяся в коридоре, не гремела своими ключами.

– Да, – сказала Ивга хрипло.

Обратный путь проделали молча; у Ивги с новой силой разболелась голова, и скрежет замков, отдававшийся в затылке, заставлял горбиться и вздрагивать. Инквизитор распрошлся с госпожой Сат, и охранник, красный как помидор, вознамерился было проверить у него пропуск; инквизитор осадил его, сообщив, что мертвецу припарки без надобности. Ретивость нужна *до того*, а не после...

В разбитое окно врывался прохладный ветер. Ивга забилась на заднее сиденье с ногами, скрючилась и заплакала.

* * *

Кафе на окраине было слишком маленьким, чтобы иметь название. Бармен удивленно таращился на странную пару: средних лет мужчина, холеный, со смутно знакомым бармену лицом, в компании юной рыжеволосой девушки, чей нос был, похоже, разбит, глаза воспалены, а свитер запятнан бурыми следами крови. Бармен подумал даже, не стоит ли позвонить в полицию – однако потом почему-то удержался и не позвонил.

– Что будешь есть?

– Ничего.

– Не выдумывай... Впрочем, как хочешь. А то снова обвинишь меня в патологической любви к принуждению.

Ивга старательно разглядывала скатерть.

Инквизитор помолчал. Вздохнул – вздох получился кроткий, совсем ему не свойственный, и потому Ивга насторожилась.

– Скажи мне, Ивга. Сколько раз в жизни тебе случилось говорить... странное? В приступе ярости, или в страхе, или от боли... Бывало такое, что слова приходили... вроде как ниоткуда? И собеседник очень удивлялся?..

Ивга поняла, о чем вопрос. Нахмурилась и отвернулась, пытаясь вспомнить, а что, собственно, она сказала инквизитору перед тем, как он чуть не вышиб из нее мозги. Напрасно – она помнила лишь, что язык ее произносил слова, но слова без значения, более того – теперь те странные фразы представлялись ей чем-то наподобие вареных макарон, бесцветные и аморфные, бессмысленные...

– Вспоминай.

Она открыла рот, чтобы сказать: не помню. И в этот самый момент вспомнила.

– Было? Я прав?

Было. Актный зал училища, полный народу; директриса с красными пятнами на щеках, представляющая девочкам «господина окружного инквизитора». Тошнота и слабость, и злость; множество пустых мест, сразу образовавшихся со всех сторон, внимательный взгляд, многозначительное молчание...

Продолжение было в кабинете директрисы. Казенная повестка, брезгливые перепуганные взгляды, «нам теперь училище не отмыть»... И еще что-то хлесткое, слово, как плетка со вшитым кусочком свинца. Что-то про ведьм и потаскух... безродных и бездарных шлюшек... Что-то неслыханно мерзкое, в особенности если учесть, что Ивге было шестнадцать лет и она еще ни разу ни с кем не целовалась. И понимающая ухмылка этого самого инквизитора.

Тогда Ивга открыла рот и сказала. Отчего директриса осела на пол, одним своим видом поднимая вокруг панику и давая Ивге возможность удрать из-под самого инквизиторского носа...

Она сказала что-то про печень. Которая скоро будет вся в дырах. Кажется. Какой-то медицинский термин...

– А что за училище?

– Художественно-прикладных... промыслов... дизайна... все такое. Я не понимаю... при чем тут была печень, чья...

– А кто грохнулся в обморок? Директриса?

– Она...

– Город Ридна? Художественно-прикладное училище?

– Да...

– Подожди две минуты. Мне надо позвонить.

Молоденькая официантка, прикатившая на тележке заказ, проводила инквизитора взглядом. Потом посмотрела на Ивгу – оценивающе, даже и не пытаясь скрыть любопытство. Ивга отвернулась.

Инквизитор вернулся не через две минуты, а через двадцать.

– Директорша твоего училища скончалась в возрасте сорока двух лет от цирроза печени. Инквизитор, с которым ты имела дело, Итрус Совка, уволен два года назад за профессиональную непригодность... По-видимому, твое неудачное задержание было не единственным его промахом. Я его не знал.

Ивга смотрела в скатерть.

– Ты плачешь?

– Она... была обречена? А я...

– В то время она всего лишь подозревала неладное. Медики сомневались и недоговаривали, она маялась предчувствиями, но, будучи человеком волевым, успешно гнала от себя нехорошие мысли. До поры до времени...

– А я, значит...

– Ты не виновата.

– Я таки ведьма...

– Да, конечно. Возможно, потенциальная флаг-ведьма. Неиницированная... У тебя это странно преломилось – ты ловишь чужие тайны. Бессознательно. В состоянии стресса... Давай-ка ешь.

Ивга послушно опустила глаза в тарелку. Вяло поковыряла вилкой остывающий куриный бок, вспомнила, что не хотела ничего заказывать, прерывисто вздохнула, отодвинула тарелку:

– Сегодня я поймала... вашу тайну тоже? И что мне за это будет?..

– Ничего.

– Хотелось бы верить...

– Ивга, ты хотела заниматься... этими художественными промыслами? Или просто – подвернулось место в училище?

– Я вроде как хотела... вроде как дизайнером. Ну а потом...

– Перехотела?

Ивга помолчала. Отвернулась.

– Скажите честно... Назар от меня отказался?

– Нет.

– Я думала... если человек... ну вроде как любит... он способен... простить. – Она передохнула. – Ведьме, что она ведьма.

– Если бы ты действительно так думала, ты призналась бы Назару. Сама. – Инквизитор отыскал на столе пепельницу.

Ивга помолчала.

– С вами... тяжело. Вы часто говорите то, что не хочется слышать.

(Дюнка. Апрель)

Он не был на этой могиле без малого три месяца; со времени последнего посещения многое изменилось. Исчезли деревянные вазы с тусклыми зимними цветами и появилось надгробие из черного матового камня, с барельефом на шероховатой грани; ночью шел дождь, и Дюнкино лицо на барельефе было мокрым и странно живым. Клаву показалось даже, что на плечах подрагивают сосульки слипшихся волос – но, конечно, это было не так. Кладбищенский скульптор имел перед глазами старую Дюнкину фотографию, где волосы ее, чуть выющиеся и совершенно сухие, собраны были в пышную праздничную прическу.

Клав испытал что-то вроде раскаяния. С самого дня похорон он не виделся ни с кем из ее родичей; так велика была обида, нанесенная теми словами?

«Имей совесть, Клавдий. Ты ведешь себя так, будто Докию любил ты один».

Это правда. Он не хотел делиться своим горем. Дюнка была – его...

Теперь он стоит перед ухоженной, обустроенной могилой, смотрит на каменную, но неприятно живую Дюнку и пытается прогнать навязчивый, изводящий вопрос.

А вдруг там, внизу, под камнем...

Она – там? Или там пусто?

А если она – там?!

День был неестественно холодным, странно холодным для весны. Клав дрожал, обхватив плечи руками, и пытался стряхнуть с ботинок напалзающую от земли сырость.

Этот тепловоз он не забудет до конца дней своих. Он даже на трамвайный путь в жизни своей не выйдет, более того – две нарисованные рядом черты будут означать для него рельсы. И вызывать содрогание...

Где Дюнка? Здесь, под черным камнем, или там, в запертой душной квартирке? Куда ему хочешь не хочешь, а надо возвращаться?

Третий день над землей лежит густой, непроглядный туман. И съедает звуки.

Одно совпадение – неприятно. Два совпадения...

Собственно, почему их не может быть два? Сколько людей ежегодно гибнет под колесами товарняков и электричек? Особенно в туман. Или по пьяни...

Клав потрогал голову. Вчера, вернувшись в общежитие, он безмолвно выпил пузатую бутылку припасенного на праздник коньяка – Юлек Митец, заставший его с опустевшей посуды, едва не лишился чувств. Во-первых, жалко было благородного напитка, во-вторых...

Собственно, с Клавом ничего не произошло. Кажется, он даже не опьянел; у него, правда, отнялись ноги, но голова оставалась до обидного ясной, и в ней вертелась, как обезумевшая белка в колесе, одна-единственная мысль.

Какая – Клав никогда не скажет вслух. Более того – и думать об этом преступно.

Может быть, он все-таки был тогда пьян? Может быть, он не помнит? Может быть, сидя с Дюнкой у костерка, они пытались согреться... изнутри?..

Нет. Это сегодня холодно – а в тот день было тепло, по-весеннему уютно, и голова его была трез-ва-я...

Каменная Дюнка смотрела укоризненно. Будто хотела сказать – и ты готов *так* про меня подумать? Про *меня*?!

– А ты ли... – прошептал Клав еле слышно.

На черный камень безбоязненно уселась круглая, как шар, радостная весенняя синица.

Глава 6

За три квартала от площади Победного Штурма в его машине замигал красный огонек. Экстренный вызов; Клавдий запрещал тревожить себя на ходу, если дело терпит. Красный огонек на пульте иногда снился ему по ночам – назойливый, колющий, означающий тревогу.

– Да погибнет скверна... – звенящий от напряжения голос диспетчера. – Сигнал... От Графины. Красный сигнал.

– Принял, – глухо отозвался Клавдий. – Откуда?

– Оперный театр...

– Усиленный наряд. Я буду через десять минут.

Он не стал класть трубку, бросил на кресло рядом; прикрыл глаза, вызывая в памяти карту центра города. Резко развернул руль; Ивга на заднем сиденье тихо ойкнула.

Графиной была Хелена Торка. Осведомителем она не могла быть по определению, Клавдий никогда и не ждал от нее сведений – и условную кличку отвел ей просто так, для порядка; красный сигнал от нее был равнозначен воплю ужаса.

Девчонка на заднем сиденье молчала. Ни о чем не спрашивает, умница.

– Мы едем в оперу, – пробормотал Клавдий сквозь зубы.

Кинулась под колеса бульжная мостовая; через минуту снова сменилась асфальтом, Клавдий ловко обогнал огромную, как бегемот, прогулочную машину и следующую – фургончик, и следующую...

– Я думала, вы не умеете водить, – шепотом сказала Ивга.

Клавдий сбавил темп, позволяя маячащему впереди светофору сменить красный свет на зеленый. Прибавил газу, проскочил на желтый и еще раз проскочил; оперный театр открылся весь, сразу – массивное здание в лжеклассическом стиле, цвета слоновой кости, с медным гербом города на величественном фасаде и кучкой людей перед главным входом. До начала вечернего спектакля еще час...

Клавдий удержался от соблазна бросить «Граф» прямо на пешеходную площадь перед театром, туда, где появление чего-либо на четырех колесах было бы громом среди ясного неба; не стоит раньше времени поднимать шум. Кажется, шума и без того не удастся избежать.

Он встал у тротуара прямо под знаком «стоянка запрещена» и заглушил мотор. Стиснул зубы. Ох, как много ведьм в этом здании. Инициированных. *Действующих*. Просто не верится, что столько ведьм может оказаться на свободе – и в одном месте...

– Мне страшно, – сказала Ивга за его спиной.

Она тоже чувствует. Только пока не умеет разбираться в своих ощущениях.

– Посиди в машине, – бросил он глухо. – Хотя нет... Пойдем со мной. От меня ни на шаг...

Одновременно справа и слева, и еще чуть дальше на служебной стоянке припарковались три ничем не примечательные машины; Клавдий еле заметно кивнул. Вот так прибывает отряд спецназначения – не то автобус с экскурсантами, не то конфеты в буфет привезли...

Новый тезис к старой внутриведомственной дискуссии «Должен ли Великий Инквизитор лично принимать участие в оперативных выездах?». Если выезд происходит по «красному» сигналу от Хелены Торки – должен.

В труппе оперного – полтора десятка «глухих», неинициированных ведьм. В училище – десять... Действующей – ни одной, во всяком случае, по сводкам; *откуда?*..

Все как всегда. Театралы ждут открытия высоких дверей – за час до начала спектакля; все как всегда – только двери не открываются. Тоже не велика новость – случается, зрителей задерживают. Даже и на полчаса...

– Пойдем.

Зеркальные двери служебного хода; у турникета старушка с морщинистым волевым лицом:

– Господа, ваши пропуска?!

– Инквизиция города Вижны. – Клавдий отвернул манжет, показывая проблесковый фонарик-значок. – Оставайтесь на месте.

Оперный театр – особенное место. Старушка слишком хорошо знала слово «Инквизиция», а потому молча отшатнулась в тень.

Ивга бежала рядом. Клавдий оглянулся, прикидывая, кому бы ее поручить; начальник спецгруппы был уже тут, и в глазах у него стоял невысказанный вопрос. Начальника интересовало, кто в данный момент руководит операцией.

– Вы, – бросил Клавдий. – Распоряжайтесь и мной тоже. Девчонка... будет со мной. Я не могу сейчас ее отпустить.

Начальник кивнул:

– Попрошу вас взять на себя Торку... патрон.

– Пойдем. – Клавдий втянул Ивгу в боковой коридор. Хорошо, что в свое время ему хватило ума ознакомиться с закулисным устройством виженской оперы.

Рука Ивги не вырывалась. Терпела его хватку – и дрожала. Нервной дрожью; Ивге здесь не место. Нельзя бросать ее без присмотра – но нельзя и тащить туда, где – он чувствует – полным-полно сильных и деятельных ведьм. Мало ли как повернутся события.

Они прошли мимо стайки женщин в униформе. Мимо толстого мужчины, копающегося в не менее толстом портфеле, мимо двух очень высоких юношей в трико, сидящих рядышком на подоконнике. Мимо доски объявлений, мимо лестницы, ведущей в буфет, мимо холла с коврами и фикусами. Миновали приоткрытую дверь в зеркальный зал, где шелестели тапочки по паркету. Миновали еще десяток дверей, за которыми вполголоса переговаривались, ходили туда-сюда, смеялись, переругивались; еще один холл – и Клавдий остановился перед полированной створкой с нарочито строгой табличкой. Постучал костяшками пальцев, не дожидаясь ответа, вошел; Ивга споткнулась на пороге.

– Госпожа Торка!

В приемной было пусто. Стол секретарши, недопитая чашка чая, смятый бланк с типографской виньеткой в правом верхнем углу, две двери – направо и налево. Отключенный телефон. Ивга потянула носом; Клавдий тоже чувствовал запах сердечных капель. Еле ощутимый, выветрившийся запах.

Дверь направо. Пусто. Исполнительного директора нет на месте, неудивительно, странно лишь то, что не заперта дверь.

Дверь налево...

Женский пиджак, брошенный на спинку рабочего кресла. Вывороченные ящики стола; следы не то грубого обыска, не то бережного погрома. Трубка телефона аккуратно срезана. Рядом связка ключей с брелоком в виде куриной лапы. Достаточно тяжелой, если подбрасывать на ладони.

Клавдий почти не размышлял.

– Ивга, поди сюда.

Девчонка вошла в кабинет; Клавдий подтолкнул ее к столу:

– Останешься здесь. Потом я тебя заберу.

Глаза ее испуганно округлились:

– Н-нет... я...

– Ненадолго.

Он дважды провернул ключ в замке; девчонка, против его опасений, не стала кричать и возмущаться. Ни слова, ни вздоха – ему вдруг сделалось неловко. Так, будто на него укоризненно смотрят, а он не в силах отвернуться.

– Я скоро, – сказал он запертой двери.

Размеренная жизнь театра уже прервалась. Уже смешалась и скомкалась; двери уборных были распахнуты настежь, и отовсюду слышался передаваемый по трансляции сухой, подчеркнуто спокойный голос: «Просьба ко всем работникам театра оставаться на местах. Просьба оставаться на местах. Подготовка к спектаклю прекращена; просьба ко всем работникам театра оставаться на местах... Не выходите в коридоры, оставайтесь на местах...»

Говоривший был хорошо знаком с техникой приказа. Его слушали – по крайней мере, пока. Коридоры были пусты, Клавдий шел, провожаемый испуганными взглядами; из боковой двери выглянула пожилая женщина с охапкой зловещих багряных плащей:

– Молодой человек...

Клавдий обернулся; женщина отпрянула. Клавдий знал, что в состоянии боевой готовности выглядит донельзя паршиво. Тут хоть в багряный плащ закутывайся, до бровей...

Начальника спецгруппы он нашел в увешанной афишами комнатке – администраторской. Две забившихся в угол женщины и мужчина во фраке испуганно смотрели на рацию в руках непрошеного гостя.

– Мы переловили их, патрон. Девять человек. В репетиционном классе.

– Действующие?

– Нет, патрон. Все «глухие». Как и указано в досье... Спектакль отменен. Зрители в театр не допускаются; прочесываем этажи.

– Торки нет в кабинете. Вы уверены, что она еще в театре?

– Все видели, как она входила. Как выходила, не видел никто. Ее машина на месте...

– Сколько их, Коста, по вашим ощущениям?

Начальник спецгруппы прищурился. Маркированный инквизитор, кое в чем – например в чутье – превосходящий даже Клавдия. Он не допрашивает ведьм – он их ловит.

– Много, патрон. Здесь, в здании – много... Пять-шесть. И мы пока не нашли ни одной.

– Здание оцеплено?

Начальник закатил глаза, что было нарушением субординации, зато изгоняло всякие сомнения в профессионализме спецгруппы.

– Хорошо, Коста... Делайте свою работу. А я ищу Торку.

* * *

Он почуял ведьму, поднимаясь по мраморной зрительской лестнице на третий ярус. Почуял ясно и явно – кажется, воин-ведьма. Да как близко подкралась незамеченной...

Он стиснул зубы, мысленно посылая противнице приказ-принуждение. Кажется, ответом был короткий стон; Клавдий кинулся на звук, откинул портьеру, выскочил на другую лестницу – черную, аварийную. Внизу торопливо удалялся стук каблучков.

– Стоять!

Двери, ведущие на второй ярус. На первый; ложа-бенуар. Красное платье, мелькнувшее двумя пролетами ниже...

Истошный крик в зале. На сцене. И почти сразу же – запах дыма.

Ведьма, за которой он гнался, остановилась этажом ниже, будто выжидая, что теперь Великий Инквизитор предпримет. Обнаглели, пес...

– Пожа-ар!..

Дверь, ведущая в ложу, была совсем рядом. Огромный зал терялся в сумерках; занавес был поднят, давая возможность любоваться декорациями премьерного балета. Парчовый дворец, бархатная темница, розовый флер рассвета-заката...

Черный дым. Будучи пропитана противопожарной дрянью, вся эта роскошь потрясающе горит. Как солома.

– Пожа-ар!..

Включилась сигнализация. На сцену выскочил человек с маленьким, плюющимся пеной огнетушителем. За ним еще один, еще...

Дым поднимался выше. Гипсовые лица на потолке понемногу утрачивали белизну, и в бесстрастных прежде глазах проступала совсем человеческая усталость. Или Клавдию помешало?..

Ведьма. Она близко. Она преодолевает боль от его удара, и...

Клавдий удивленно оглянулся. Это что-то новенькое...

В грудь ему смотрело дуло большого черного револьвера.

– Инквизитор... Палач...

Молоденькая дура, она решила напоследок высказать ему все, что о нем думала. Стреляй она сразу – у нее сохранился бы шанс.

Его напор отбросил ее на стену. Револьвер вывалился – почти беззвучно – на мягкую ковровую дорожку. Он подошел, заглянул в черные от боли глаза, замерял «колодец». Восемьдесят... Со следами недавней инициации...

Он взял ее за руку – необычайно тонкую, прямо-таки тощую, тонкокостую руку балерины. Нашупал пульс.

– Кто тебя инициировал? Где? Зачем ты это сделала, танцевала бы своих аистов... Зачем?

– Я ведьма, – прохрипела она ему в лицо.

– Ты человек!..

– Я ведьма, ведьма!.. И вы еще узнаете...

Голова на тонкой шее запрокинулась. На Клавдия смотрели белые глазные яблоки; ярко вспыхнула бархатная кулиса. В оркестровой яме суетились люди. Едко запахло паленой пластмассой.

Он закинул девчонку на плечо и вытащил в коридор. Молоденьких балерин не так тяжело носить – но, даже пребывая без сознания, она сбивала ему чутье. Близкое присутствие одной ведьмы не давало ощутить прочих.

Вой пожарной сирены. Сквозняки; люди, бегущие к аварийным выходам. Слезы на чьих-то глазах. Веселое любопытство в других.

– Патрон?!

– Вы прочесали здание?

– Патрон, слишком быстро распространяется пожар...

– Вы *ведьм* взяли?

На скулах начальника спецгруппы играли желваки. Он понимал, что операция проваливается, – и не понимал почему.

– Девчонку в машину... А, пес!

Ключи в кармане. С брелоком в виде птичьей лапы.

* * *

Почувствовав запах дыма, Ивга прежде всего влезла на подоконник.

Кабинет директрисы выходил на площадь перед главным входом; на брусчатке толпились зеваки. Много, куда больше, чем театралов, – и с каждой секундой толпа прибывала, потому что никакой театр не сравнится с действием, которое разворачивается в виженской опере в эту минуту...

Рама была намертво заперта. А стекло оказалось непробиваемым. Кого боялась Хелена Торка – воров? Снайперов?!

Ивга ударила тяжелым письменным прибором. Потом с натугой подняла стул и швырнула в окно; запах дыма подползал под дверь, вытекал из вентиляционных щелей, и уже не надо было тонкого Ивгиного обоняния, чтобы ощутить удушливый запах пожара.

На площадь, разгоня толпу, вкатились по очереди три красных машины. Потом еще две. Театры горят стремительно и страшно...

Ивга метнулась к двери. Подергала ручку; добротные створки, кажется, даже красного дерева. Мощный замок; нет, у Хелены Торки явно мания преследования...

Ивга глянула в замочную скважину – глаз заслезился. Приемная полна была дыма.

Тогда она наконец испугалась.

Последние дни страх был ее вечным спутником – но не *такой*. От страха человеческое тело готово выдать какую угодно реакцию – самую недостойную, самую постыдную; Ивга скрючилась от острой боли внизу живота.

Вот он, костер. Огромный шикарный костер в виде горящего театра. Двести лет просто-яло на площади массивное здание – все, хватит... Ивга прожила свои восемнадцать – видать, срок истек...

Но не так же гадко – вокруг люди, а она взаперти... Как крыса... Живьем...

Она ударилась в дверь. Еще. Еще; «закончим же обряд, как повелевает нам наша нерожденная мать»...

Бред?

Ивга посмотрела на свои ладони. Левая была в крови – сломанный ноготь. Что это, «закончим же обряд, как велит нам наша...»

«Свора не вечна. Возьмите свечи...»

Огромный темный зал. Спиральная лестница, горящий огонь, кажется, стен нету... уходящая во все концы равнина, с красными горами, маячащими на горизонте... Столько красных гор, которые ярче темно-серого неба, но все равно в дымке... Горы нарисованы на...

– Помогите!.. Назар! Назар, спаси меня, я...

«Свора отступает. Лучше пожарище, чем костер...»

Хохот. Такой, что затыкай уши.

– Назар! Спасите... Меня... Кто-нибудь...

Грохот двери, отлетающей к стене. И вместе с вошедшим – клубы дыма. Как будто явилось привидение, как будто призрак Назара снизошел-таки...

И сразу же – боль. Так ощущается присутствие разъяренного инквизитора.

– Ивга?..

Жесткие руки, хватающие ее под мышки. Головокружение.

– За мной, бегом!..

– Они под сценой. – Она не узнала своего голоса.

– Что?!

– Под сценой... Там... большая... репетиционная. Вторая... Они... иницируют. Там... сейчас... – Ивга закашлялась, пытаясь выбросить из легких едкий дым.

Человек с плоским желтым лицом. Он тоже инквизитор и тоже злой... Люди в масках-респираторах...

– Где они? Где теперь они, Ивга?

– Не знаю.

Желтолицый обернулся:

– Мы возьмем их сами, патрон...

– Театр горит, вы не заметили?!

– Операцией распоряжаюсь я... патрон! Берите девчонку и уходите...

Секундная пауза; два инквизитора глядят друг на друга, и тот, что старше чином, в конце концов уступает:

– Ивга... Пойдем. Ты что, ты в обморок не падай, ты не балерина, таскать тебя...

Коридоры, заполненные дымом. Кашель, раздражающий грудь. Она споткнулась на скомканном ковре – инквизитор подхватил ее на руки. Лестница, лестница, вниз... Дверь...

Инквизитор встал как вкопанный. Ивга ошутила, как держат ее руки впиваются ей в ребра.

– Ивга... Стань у меня за спиной. Между лопатками.

Дверь распахнулась.

* * *

Дверь распахнулась.

Не пять. Не шесть. Восемь; две, правда, «свежих». Только что прошедших обряд инициации, потрясенных... Фанатичных. Неумелых, но вполне боеспособных.

– Здравствуй, инквизитор. Мы хотим здесь пройти.

Не нападают. У них такое преимущество, что даже не спешат напасть. Щит-ведьма, четыре воин-ведьмы, три рабочих...

– Привет, девочки. Вы арестованы.

Слишком долгая фраза. Непростительная оплошность. Пока он говорит, он уязвим... Не дать втянуть себя в диалог.

– Твое время прошло, инквизитор.

Любопытно, что предводительствует у них не щит, а самая мощная из воинов. Необычный расклад.

– С дороги, или умрешь.

Он выругался так цинично и зло, как никогда в жизни не ругался.

* * *

Ивга отпрянула.

Пять из стоящих перед инквизитором женщин одновременно шагнули вперед, и Ивга увидела – не глазами! – как пять белых иголок разом вонзились в голову Клавдия Старжа. Ивга скорчилась – ее тоже задело, ее будто хлестанули тугим жгутом, свитым из ненависти, тоски и стыда; ведьмы шагнули снова. Старж упал.

Сознание Ивги раздвоилось.

Она видела, как своей волей они наваливаются на инквизитора, сливаются в одно тяжелое нечто, давя и удушая, – и в то же время они, пять нападающих ведьм, остаются стоять на местах. Ивга пятилась, отползала; натиск нападающих ведьм краем задевал и ее.

Силы слишком неравны. Ивгиным метаниям конец; ведьмы сообща прикончат инквизитора и заберут ее с собой.

Из темного клубка над упавшим инквизитором выбралась скрюченная рука. Слепо черкнула по воздуху – на первый взгляд слепо. Натиск ведьм удвоился, рука дернулась – но закончила свое дело, черкнула по воздуху снова, и Ивга опять-таки не глазами успела увидеть расплывающиеся контуры сложного знака, и, разглядев его, откинулась назад, будто от удара в челюсть.

Ведьмы отшатнулись тоже. Черный клубок расплелся.

«Ой, Ивга. Мне бы твои проблемы...»

Клавдий Старж поднимался.

«Вчера я целый день занимался тем, что пытал женщин».

Он поднимался, поднимался, преодолевая возобновившийся напор, поднимался, как мертвец из могилы.

«Почему на ветчине рисуют улыбающихся свиной?..»

Старж выпрямился.

Ивга опять-таки не глазами увидела, как его локти раздвигают тугую, будто резиновое кольцо, преграду. Как новая серия из пяти иголок вонзается в дымчатый защитный пояс – и отлетают обратно, и следом летит веер ярко-желтых жгучих искр...

Одна из страшных женщин молча осела на пол. Другая схватилась за лицо, будто желая выщарапать себе глаза; три оставшихся застыли, выбросив руки в защитном жесте, и тогда одна из трех, что с самого начала не ввязывались в схватку, подалась вперед.

– Старж! – рявкнул низкий женский голос.

Выстрел показался до обидного тихим; за мгновение инквизитор успел отшатнуться. Тяжелая женщина, перемахнувшая через упавшую Ивгу, вдруг оказалась в самом центре схватки. Черные спутанные волосы лежали у нее на плечах. Черные с проседью.

– Отступница, – сквозь зубы проговорила одна из ведьм.

Женщина со спутанными волосами подняла руки:

– Отступники – вы. Погубившие свой Театр... проклиная. Ступайте с проклятием Хелены Торки – и живите... вечно!

Та, что была с пистолетом, выстрелила трижды. Торка не упала.

– Рина, я считала тебя дочерью. Саня, ты всегда была бездарной танцовщицей, инициация тебе не поможет. Дона, я взяла тебя из детского приюта. Клица...

Два выстрела; кончились патроны. Стрелявшая девушка со всхлипом запустила своим пистолетом в Торку, которая все не падала.

– Вы избрали свой путь, дорогие дети мои. Живите же с материнским проклятием.

– Наша мать – нерожденная мать! – тонко выкрикнула младшая из ведьм. Кажется, лет четырнадцать.

Последовал удар. Как палкой по голове; Ивга осела, хватая воздух ртом. Девочка, кричавшая про нерожденную мать, упала без единого звука; та, что обвиняла Торку в отступничестве, зашипела сквозь зубы, как раненая змея. Старж стоял, привалившись к стене, накрыв своей волей сразу всех оказавшихся рядом ведьм – молодых и старых, «действующих» и «глухих». Даже Хелена Торка зашаталась.

– Ни с места! Инквизиция! – По коридору загрохотали тяжелые ботинки. Самое время, подумала Ивга, чувствуя, как уплывает сознание.

Крик. Головная боль; ту девушку, что стреляла, волочили за волосы. Десяток мордатых парней... И второй инквизитор, тот, с желтым лицом. Ведьмы... Тонкое пение в ушах, вроде как комариный звон...

Хелена Торка все еще не падала. Ее темное платье сделалось черным и лаковым на груди.

– ...старушке такое... одолжение... Никогда не думала, что моим костром будет...

– Хелена...

– Пожалуйста, Клавдий, я очень хочу... Моя последняя... если хотите, воля...

Тогда Ивга потеряла сознание. Окончательно.

* * *

«Всякая тварь имеет назначение. Бессмыслен лишь человек; стремясь к душевному комфорту, человек придумывает себе смысл и оттого отторгает ведьму. Ведьма есть воплощение бессмысленности, она свободна до абсурда, она внезапна и стихийна, она непредсказуема... Ведьма не знает ни любви, ни привязанности – ее нельзя *привязать*, ее можно лишь убить... Человечество без ведьм подобно было бы ребенку, лишенному внезапных детских побуждений, закоснелому рационалисту и цинику... Человечество, давшее ведьмам волю, подобно

умственно отсталому ребенку, ни на мгновение не умеющему сосредоточиться, барахтающемуся в бесконечно сменяющихся капризах...

Вы спросите, нужна ли ведьмам власть над миром? Я рассмеюсь вам в лицо: ведьмы не знают, что такое власть. Власть принуждает не только подвластных, но и властителей; ведьмы, волею судеб живущие в теле человечества, угнетаемы одним только его присутствием. Ведьмы угнетены, ведьмы ущемлены – тем, что живут среди людей; наш мир не подходит им. Потому так живучи обычаи... стремление ведьмы наносить окружающим ущерб. Один пустой мир для одной ведьмы – вот условия, при которых им комфортно было бы обитать...

...Земля сделалась бы пустыней под гнетом развалин, сумей все ведьмы захотеть одного. По счастью, любая сообщество есть принуждение...

Вы спросите, прав ли безымянный автор знаменитых «Откровений ос»? Правда ли, что разобренная стая ведьм становится железной армией ос, едва только на свет народится *матка?*»

Бесшумно открылась дверь. Ивга подняла голову – от резкого движения мир перед глазами качнулся и поплыл. Из кабинета вышел желтолицый инквизитор, тот, что распорядился в горящем театре... Инквизитор не был зол. Прочие его эмоции Ивга распознать не бралась: не злой – и ладно...

Поразительно, как сердце зловещей Инквизиции похоже на обыкновенную контору. Дисциплинированную и неплохо оснащенную, но контору; а она всю жизнь мучительно боялась сюда попасть. Теперь сидит вот на диване и держит на коленях тяжелую книжку...

Некоторое время в приемной было тихо. Потом вышел врач; референт, на чьем лице лежал голубоватый свет работающего монитора, вопросительно заглянул ему в глаза. Врач кивнул.

Ивга поерзала:

– Может быть, мне... можно войти?

– Вас не звали, – сообщил референт холодно. Потом помедлил и смягчился: – Вам не следует туда заходить. Там дознавательный знак, ведьмам не нравится.

– Мужчины так редко задумываются о том, что нравится ведьмам, – отозвалась Ивга бестрепетно, – что бывает весьма приятно хоть изредка почувствовать заботу о себе.

Она перевела дыхание, любясь вытянувшейся рожой референта.

– Мужчины вообще редко задумываются, – сказал селектор на столе. – Ивга, будь добра, обожди еще пятнадцать минут.

Теперь, кажется, физиономия вытянулась у нее. Она как-то не думала, что каждое слово, сказанное в приемной, слышно и в кабинете тоже. Референт, отмиженный, наградил ее насмешливым взглядом; Ивга вздохнула и вернулась к раскрытой книге.

«...Вы справедливо возразите: ведьмы не приносят потомства. То есть, конечно, и у ведьм рождаются дети, и чаще всего девочки, – однако процент маленьких ведьмочек среди дочерей взрослых ведьм совершенно такой же, как у любой из рожениц... Почему поголовье ведьм во все времена остается практически неизменным? Вернее, так: почему внезапный рост их численности сменяется спадом, когда ведьма становится редкостью, инициированная же ведьма – реликтом?.. Почему периоды бурь и потрясений, войн и катастроф сменяются затишьем, когда даже искусство, даже ремесла приходят в сонный упадок?»

– Из всех книжек ты выбрала самую нудную.

Инквизитор шел через приемную, как-то непривычно шел, и через секунду Ивга поняла почему. Берег левую руку. Осторожничал; даже светлый легкомысленный пиджак не мог скрыть некоторой скованности в его походке.

А ведь, помнится, утром он был в куртке. В элегантной летней куртке, Ивга хорошо запомнила, ее ведь тыкали в эту куртку лицом...

Испортили одежду. Наверное, там дырка. Пятно крови осталось точно, и попробуй теперь вычистить...

– Миран, – инквизитор обернулся к референту, – позвоните в гараж, если мою машину починили – пусть пригонят прямо домой... Ивга, мы выйдем через черный ход. К чему нам эти сенсации...

Они вышли из какой-то совершенно посторонней двери в стороне от Дворца Инквизиции; у главного входа стояли, оказывается, люди. Ивга вздрогнула – ей показалось, что в воздухе пахнет паленым. Нет, померещилось...

Наверное, было часов одиннадцать. Желтые прожектора эффектно подсвечивали острую крышу Дворца Инквизиции; у Ивги закружилась голова, на какой-то момент и ночь, и подсвеченный шпиль перестали существовать, только круги, цветные круги и далекая болтовня, шелест тапочек по паркету...

Потом она обнаружила, что стоит, вцепившись в левую руку инквизитора. И рука эта сильно напряжена.

– Ой...

Она разжала пальцы, шагнула в сторону, не зная, как заглядеть оплошность:

– Простите.

Неслышно подкатила служебная машина. Распахнулась дверца.

– Простите, я... больно?

– Больно, – сообщил инквизитор после паузы. – Но – смотря с чем сравнивать... Садись.

Водитель удивленно покосился на нее – или показалось?!

Ночной город. Карусель огней; она зажмурилась, переживая новый приступ головокружения. Что это с ней? И где книга, неужели она оставила ее на диване в приемной? Как глупо...

«Мы знаем, что зачать ведьму может любая женщина, сколь угодно добросердечная. Мы знаем, что дети невинны, и ведьма осознает свою злокозненную суть, только начав кровотоить...»

Ивга прерывисто вздохнула.

– Паршиво? – спросил инквизитор, не поворачивая головы.

Она, тоже не глядя, кивнула.

– Прости. На самом деле ты должна бы несколько часов валяться без сознания... Во всяком случае, те наши подруги, что перевели оперный театр в разряд погорелых, валяются до сих пор...

Ивга сглотнула. Ей было неприятно вспоминать.

Во дворе дома на площади Победного Штурма старушка прогуливала свою собачку; в квартире на втором этаже заканчивала работу веселая домработница, и взгляд, брошенный ею на Ивгу, не оставлял простора для толкований.

Улучив минутку, Ивга привстала на цыпочки и просительно заглянула инквизитору в глаза:

– Скажите ей... А то она переживает, бедная, что у вас такая оборванная и некрасивая любовница. Она не понимает, как это вас угораздило...

Некоторое время инквизитор оценивающе смотрел на нее. Потом приподнял уголки губ:

– А тебе что, стыдно? Если тебя считают моей любовницей?

Ивга вздохнула:

– Вам по рангу положены ухоженные женщины. Разве нет?..

(Дюнка. Апрель)

Старый лум говорил с женщиной. Издали Клав обознался, приняв ее за Дюнкину мать, и успел трижды покрыться потом, прежде чем понял свою ошибку. Дюнкина мать была моложе

и жестче – а эта женщина казалась усталой и оплывшей, как догоревшая свечка. Лум говорил и говорил; женщина медленно отвечала, еле заметно кивала тяжелой головой, и покатые плечи ее, кажется, чуть-чуть расправлялись – хотя, конечно, Клав мог и ошибиться.

Потом женщина слабо пожала руку старика, тяжело поднялась со скамейки и двинулась прочь, почти касаясь земли дорожной сумкой в опущенной руке. Некоторое время лум глядел ей вслед, потом обернулся; рядом неподвижно стоял угрюмый, напряженно молчащий парень.

Минуты три оба следили за крупной белкой, выписывающей спирали вокруг темного дубового ствола.

– Я нуждаюсь в утешении, – сказал парень глухо.

Лум пожал плечами:

– Я здесь для того, чтобы утешать... Но тебе я вряд ли смогу помочь... Клавдий.

– А вы попытайтесь, – тихо попросил парень. – К кому мне еще идти?..

Лум помолчал, откинувшись на спинку скамейки. Проводил белку взглядом, вздохнул:

– Я... предупреждал тебя. Ты не послушал.

– Не слушал, – согласился Клав. – Не мог послушать... Повторилось бы все... – его передернуло, – повторилось бы – не слушал бы снова.

– Жаль, – глухо проронил старик. – Ты сильнее многих... и ты непростительно слаб.

Клав ожесточенно вскинулся:

– В чем моя вина? В том, что любил... люблю ее?..

Лум поднял глаза, и, холодея под его взглядом, Клав осознал свою ошибку. Если старик хоть тоненькой ниточкой связан со службой «Чугайстер»...

Его собеседник был достаточно проницателен; некоторое время старик и юноша неотрывно смотрели друг на друга.

– Я всего лишь лум, – медленно произнес старик. – Я делаю, что умею... И ничего больше. Не приписывай мне... лишнего. Я всего лишь лум.

– Зачем они приходят? – спросил Клав шепотом. – Они... ради нас? Они... это именно *они* или нет?..

Облачив в слова свои неясные стыдные страхи, он ощутил наконец облегчение. Все-таки сумел. Главный вопрос задан...

Старик вздохнул:

– Я не могу сказать тебе больше, чем знаю... Даже всего, что знаю, я не могу сказать. Это слишком... личное...

– Они хотят нашей смерти? – быстро спросил Клав. – Это может быть правдой? Чугайстеры говорят...

Он осекся. Не ко времени сказанное слово; не поминать бы.

– Возможно, – отозвался старик, глядя вперед и вдаль, туда, где среди зеленеющих ветвей вились полчища мелких птиц. – Это слишком... индивидуально... Но я не хотел бы, чтобы ты сюда приходил. Это, наверное, жестоко, но ты выбрал сам; не приходи на кладбище. Или я вызову... их. Хоть я тоже их не люблю...

– Но ведь только вы можете... помочь... подсказать... – Клав говорил затем только, чтоб не молчать. Он уже понимал, насколько слова бессмысленны.

– Побереги себя, – глухо отозвался лум. – Это все.

И ушел, враз одряхлевший, и побрел прочь, подставив согбенную спину белым каплям весеннего синичьего помета.

* * *

Клавдий знал, что на болеутоляющее надежда невелика; сделавшись маркированным инквизитором, он потерял способность засыпать со снотворным и избавляться от боли посред-

ством таблеток. Боль следовало изгонять усилием воли – но вот, как на грех, все не удавалось сосредоточиться.

Боль была не в раненой руке. Боль была где-то очень глубоко, сдавленная боль, до поры до времени угнетенная боль... Надо отвлечься.

Девчонкины глаза блестели в полутьме прихожей. Волосы, рассыпавшиеся по плечам, недалеко ушли от медной проволоки; у нее поразительная защита. Раньше он не встречал ведьм, способных так стойко переносить столь тяжелые испытания; правда, там, на площади перед Дворцом, она чуть не грохнулась в обморок и здорово помяла его раненую руку... Хотя – разве это рана?..

Какое падение нравов... Ведьма, нападающая на инквизитора с огнестрельным оружием. Еще лет десять назад это показалось бы диким; теперь они идут на все. Где не хватает собственной силы – достанут пулемет...

– Господин Клавдий! – позвала домработница из кухни. – Я творожок-то заберу, потому как он у вас прямо в пакетике и закиснет... Я из него испеку творожничек... Вам как, на одну порцию готовить? Или на сколько?..

– На две, – ответил Клавдий, не оборачиваясь.

Девчонка прерывисто вздохнула.

Дурак все-таки Юлиан, подумал Клавдий с неожиданным ожесточением. Дурак... Его парень никогда не будет мужчиной. Это, может быть, и удобно – послушный сын...

Как сложилась бы судьба Назара с Ивгой? Да хорошо сложилась бы, девочка достаточно умна... чтобы и отцу, и сыну было с ней комфортно и хорошо. Откуда такая пылкая любовь?.. У Назара, по-видимому, и нет никакой любви, он увлекся яркой экзотической девчонкой... У Ивги – непонятно. Вроде бы она действительно привязана к этому дурачку, и так сильно, что готова ради этого вытерпеть...

Если бы Назар хоть на минуточку представил, что именно приходится терпеть его бывшей невесте. Возможно, он ненароком поумнел бы.

«Вам по рангу положены ухоженные женщины. Разве нет?..»

– Мне по рангу, – он чуть усмехнулся, – положены исключительно такие женщины, каких я захочу. В этом преимущество... высокого положения на служебной лестнице.

Девчонка дерзко вскинула подбородок:

– Ага, вот в чем дело!.. То-то я на вашей большой кровати спать не могла – призраки ваших красавиц ну так и толпились, понимаете...

* * *

После ужина обнаружилось, что кураж, дававший ей силы, прошел.

Там, на обочине, остались белые одуванчики; женщину, оставшуюся в горящем здании, звали Хелена Торка. «Если ведьма, не подвергшаяся инициации, во многом сходна со мной и с тобой... то иницированную ведьму сложно считать человеком. Ни мне, ни тебе никогда не понять ее. Так рыбе, живущей в глубинах, не постигнуть законов огня...»

– Ивга, ты меня слышишь?

Она сжала зубы. Ей до слез жаль было Хелену Торку... и кого-то еще. Невыносимо жаль.

– Терпи, Ивга. Мне тоже грустно.

– Она... покончила с собой?

Пауза.

– Ей просто стало незачем больше жить. Ее театр, ее ученицы...

– Почему?!

– Ведьмы, Ивга. Никто не понимает, почему благополучные девочки, полностью отдающие себя искусству... любимые и любящие девочки вдруг идут против всего, что было для них

свято. Убивают учительницу, сжигают... он ведь так дотла и сгорел. Теперь когда еще восстановят...

– Но ведь Торка тоже была...

– Ведьмой. Да. Я не смогу объяснить тебе, почему Торка всю жизнь... почему она предпочла умереть, но не сделаться *действующей* ведьмой. То есть я, конечно, пытаюсь понять... но не могу.

– «Так рыбе, живущей в глубинах, не постигнуть законов огня?»

– Да... Ты в школе хорошо училась? С такой-то памятью?

– Плохо... Я еле до седьмого класса... Мне плохо.

– Понимаю... Потерпи.

– Не отвозите меня... Туда. Я одна боюсь...

– Боишься полчищ призраков? Моих любовниц?..

Ивга слабо улыбнулась.

Интересно, а он понимает, что именно заставляет ее бояться? Не просто невнятные страхи нервной перестрадавшей девчонки – себя она боится. Себя, той, которая отразилась сегодня в бездонных, нечеловеческих глазах нападающих... глазах ведьм. «Ни мне, ни тебе никогда не понять...»

Экран телевизора погас. Ивга лежала в мягком кресле, и ей казалось, что она едет на автобусе. Едет в кресле через утренний лес, и стволы за окном до половины укутаны туманом. И за каждым стволом стоит, растворенная в тумане, неподвижная женская фигура...

Ивга всхлипнула.

Высокая каменная стена – и пропасть без дна. По зубчатому краю бредут люди – бредут, не видя друг друга. А потом срываются, оступаясь на кромке, или кидаются вниз, не выдерживая унылого пути...

Но никто не долетает до дна. Оттуда, из пустоты, смотрят все понимающие, все повидавшие, бесконечно злые глаза девчонки с горячими бутербродами.

И лежит, свесив руку за каменный край, мертвая Хелена Торка...

Она вздрогнула и открыла глаза. В комнате было темно; отключенный телевизор мерцал красным огоньком, да бродили по шторам тени ветвей, косо подсвеченных уличным фонарем.

«У тебя нет выбора. Хуже будет, если тебя сожгут безвинно...»

Кто это сказал?!

* * *

Собственно, порядочный человек уже сегодня подал бы в отставку.

А он сидит, смотрит на чашку с остывшим чаем и мучает здоровой рукой и без того раздавленную сигарету. Пытаясь забыть последние слова Хелены Торки: «Спасибо, Клавдий... Вы были добры...»

Если бы он не был добр... Если бы он не был так по-глупому добр, Хелена осталась бы жива. И театр, возможно, не сгорел бы; допусти такую промашку кто-нибудь из подчиненных – с каким удовольствием Клавдий размазал бы его по стенке. Но подчиненные выжидательно молчат; завтра утром позвонит герцог и траурным голосом поздравит с окончанием оперного сезона, а Клавдий сухо сообщит ему, что слагает с себя полномочия...

«Спасибо, Клавдий, вы были добры...»

Все. На этом его доброта заканчивается; можно сколько угодно фантазировать об отставке, о море, о теплой Однице... Кто будет в восторге, так это Федора. «Клав, оставайся с нами. Ну чего тебе еще надо?!»

Можно сколько угодно фантазировать. Росчерк пера – и ты уже не ответственная особа, приваленная камнем своей ответственности, не властолюбивый негодяй, на которого по всем

каналам телевидения льют смолу и помои; ты благородный мученик, и, выясняется, не все сотворенное тобой было так однозначно плохо...

Но доброта заканчивается! И мечты заканчиваются тоже; даже если общественность решит, что оперный театр он поджег собственноручно, – он останется в должности до того самого момента, пока его не свергнут...

А свергнуть, видят псы, будет ох как непросто.

Суки. Стервы; какие мощные, и сразу пять... Богема, пес. Коллектив. Как болит голова. И как болит...

Душа, наверное. Если то, что болит сейчас у Клавдия, вообще имеет название.

(Дюнка. Май)

В маленькой комнате смеркалось. По белому потолку скользили полосы света – отражалась, будто в мутном зеркале, вечерняя жизнь большой улицы, протекающая так далеко внизу, что шум многих машин доносился глухим непрерывным гулом.

– Клав?..

В ее голосе теперь уже явственно слышалось беспокойство. Клав плотнее обхватил плечи руками, пытаясь еще глубже провалиться в скрипучее продавленное кресло.

– Клав, ты молчишь?..

– Дюнка, – выговорил он с трудом. – Ты... короче говоря...

Еще секунда – и он напрямую спросит: а ты, вообще-то, кто? Ты морок, пришедший в обличье моей любимой, или ты – девчонка, которую я знаю с двенадцати лет?..

Он облизнул губы:

– Дюнка... Помнишь, как мы ходили на «Слепых танцоров»... Без билета и...

Он запнулся. Воспоминание оказалось неожиданно живым и теплым, и сразу сделалось непонятно – то ли он устраивает Дюнке экзамен, то ли хочет спрятаться от холодного «сегодня» в мягких складках доброго «вчера»...

– Помню, – он услышал, что Дюнка улыбается. – Станко Солен нам окно открыл, и мы... через служебку... вчетвером...

Клав закрыл глаза. Тогда был летний вечер, душный, какой-то горячий... Из тех вечеров, когда так приятно ходить на танцы в трусах и майке. Чувствовать на коже мягкий ночной ветер и потом спастись бегством, если налетают комары...

А у тепловоза была огромная, как башня, темно-красная морда с двумя фосфоресцирующими оранжевыми полосками. И решетка выдавалась вперед, будто железная борода... Клава передернуло.

– Разве Солен открывал окно? – спросил он глухо. – Разве он?

– Конечно. – Дюнка, кажется, удивилась. – Он ведь подрабатывал уборщиком в Западном Клубе... его еще выгнать могли... Если бы открылось... что он нас впустил...

Клав молчал. Четверо подростков, азартно рвущихся на скандальный спектакль... И пятый, открывающий им окно. Столько свидетелей...

– Дюнка, – он говорил быстро, чтобы ни ей, ни себе не оставить времени на размышление. – Что мы закопали под сиренью, там, возле детской площадки? Вдвоем? На первом курсе?

– Свистульку. – Девушка, кажется, была удивлена, но ответила без малейшего колебания. – Синицу из глины, с дыркой в хвосте... Вот дурные были, да?..

Клав стиснул пальцы. Что, что он хочет услышать? Какие-то допросы, какие-то воспоминания могли доказать ему, что Дюнка – это и не Дюнка вовсе?! После того, как он... после того... Да разве он слепой?! Без дурацких допросов он разве не видит, что она – Дюнка, настоящая?!

– Дурные, – сказал он шепотом. – Дурные были, да... Дюн... а что тебе... больше всего... что ты помнишь?..

Дюнка долго молчала, и Клав подумал уже, что спросил слишком непонятно. Слишком туманно спросил...

– Я помню, – Дюнкин голос чуть дрогнул, – как мы поднялись... Тогда, на гору. Тогда, помнишь... такое чувство, что вот-вот поймешь... главное. Ветер... и...

У Клава мороз продрал по коже. Воспоминание было пронзительным. Спины гор – зеленая, синяя, серая... Головокружение, ветер, Дюнкина рука в ладони и – так остро и естественно, как запах стекающей по стволу смолы...

«Будто вот-вот поймешь главное».

Никто, кроме Дюнки, не мог так сказать.

Никто, кроме настоящей Дюнки.

– А давай поднимемся на крышу, – попросила она шепотом. – Пойдем, Клав... постоим, как тогда. Пожалуйста.

* * *

На кухне горел свет. Ивга на ощупь пробралась через темный коридор; инквизитор сидел, согнувшись, за столом. Ивга увидела широкую спину с вереницей выступающих позвонков, полукруглый шрам около правой подмышки и белый бинт, стягивающий левую руку чуть выше локтя; из одежды на Великом Инквизиторе города Вижны были только брюки.

– Что, Ивга?

Он не обернулся, а она приблизилась бесшумно; не то он видел ее отражение в каком-нибудь чайнике, не то просто чуял. Как пес.

– Я там на диване тебе одеяло оставил... Ложись. Три часа ночи...

Она всхлипнула снова. Он обернулся. На правой стороне груди у него был еще один шрам, точно приходящийся напротив первого. Чуть больше. Такой же полукруглый.

– Я не могу быть одна, – сказала она шепотом, изо всех сил стараясь, чтобы дрожащий голос не пустил петуха. – Можно, я хоть на улицу пойду... Там люди... я не могу одна, это заскок какой-то, в голове... заскочило... Это пройдет... если я не рехнусь...

– Не рехнешься. – Он подобрал брошенный на спинку стула халат. – Если тебе совсем уж все равно, с кем ты рядом... Если уж совсем все равно... То я тоже «люди».

* * *

– ...А потом она говорит – у тебя все равно нет выбора. Тебя, говорит, все равно сожгут...

– Охота за неиницированными. За «глухими»... Она врала, есть у тебя выбор. Просто жить. Никогда их не слушай, поняла?

Она лежала, свернувшись клубком на диване, а он сидел рядом. Может, это лисенок из его детства – в облике несчастной затравленной девчонки? По фамилии Лис, Ивга Лис...

– А... маркированный инквизитор – это какой? – Ее голос дрогнул.

– Тот, кто может чують ведьм и влиять на их нервную систему.

– А вы...

– Да, такой, как я. Видишь, ничего страшного.

– Вообще-то страшно. – Она содрогнулась.

– Нет, вовсе нет.

Он сказал – и вспомнил утро на обочине среди одуванчиков. И сцену в оперном театре. Ладно – те обезумевшие отродья, но Ивге-то за что досталось?! Выходит, просто за то, что оказалась рядом, что поверила ему, что пришла...

– Все, что сегодня случилось, – дикое и очень неудачное стечение обстоятельств, – сказал он медленно. – Я обещаю, что больше такого... не будет.

Она нервно мигнула:

– А... как берут на учет?

– По-разному, зависит от провинции. – Он не хотел бы продолжать сейчас эту тему.

– Это правда, что... лезут в голову... внутрь... в мысли?!

– Могут просканировать, – сказал он небрежно, – но это не значит «в мысли». И совсем не так страшно. Зубы лечить больнее.

По-хорошему, ее надо было отправлять на комиссию и ставить на учет уже завтра. Но тогда уж, будучи последовательным, он должен направить ее в спецприемник, – неприкаянная, без семьи, без дома, без работы...

Она посмотрела тревожно, будто услышав его мысли:

– А потом?! Она говорит, целлюлозная фабрика на окраине и отеческий надзор Инквизиции... А я не могу – под надзором, у меня с детства сон кошмарный, будто я – в тюрьме!

Может, теперь он должен искупить ту свою детскую беспомощность? Сколько ведь раз в мыслях взламывал клетку, уносил рыжего в лес, выпускал... А это ведь не лисенок. Человек... и очень неплохой.

Он склонился над ней. Положил руки на плечи:

– Не бойся. Она врет.

Ее трясло. Сильный стресс. От его прикосновения она дернулась – но почти сразу задышала ровнее.

– Скажи словами, что тебя пугает. Назови свой страх. – Он сосредоточился, пытаясь согреть ее и расслабить, окутать своим спокойствием.

– Встать на учет... пойти в тюрьму...

– Это не одно и то же. В тюрьму тебя никто не отправит. Что еще?

– Я боюсь... себя. Того, что внутри меня... сидит.

– Ничто не сидит внутри тебя, это все ты, ты сама... Боишься стать действующей ведьмой?

Она кивнула.

– Это единственное, чего надо бы бояться. Но только, если ты в себе не уверена. А ты ведь уверена, ты хочешь жить по-человечески?

– Да... но... а *насильно* меня могут инициировать? – спросила она шепотом.

– Нет. Никогда.

Она рассмеялась – нервно и одновременно облегченно:

– И Назар...

Имя вырвалось, кажется, помимо ее воли; она вдруг перестала дрожать. Замерла, посмотрела Клавдию в глаза:

– Назар... меня... не бросит?..

Секунду он колебался, решая, соврать или нет; она вдруг быстро и испуганно зажала ему ладонью рот:

– Не отвечайте...

И смутилась. Отдернула руку. Отвела глаза.

– Ивга, – сказал он, чтобы отвлечь ее от ненужных мыслей. – Расскажи мне – ты откуда? Где ты жила раньше?..

Она долго молчала. Клавдий выпустил ее плечи, отстранился. Она смотрела в пространство:

– Селение... Тышка. Ридненской области.

* * *

...Мальчишек было трое. Девчонок – четыре; пятая стояла на коленях, толстая рыжая коса ее была надежно зажата в оцарапанном мальчишечьем кулаке.

– Это родинка.

– Дура! Это и есть ведьминский знак! В родинке волоски должны быть, а тут нету!..

– Дай мне посмотреть! Ну дай же!..

– Шакалы, – сквозь слезы сообщила рыжая девчонка. – Свины подрезанные, салотрясы, собачьи дерьмовники...

Тот мальчишка, что держал косу, оскалился и дернул. Девчонка резко втянула в себя воздух, но не проронила ни звука.

Платье на ее спине было растегнуто от шеи до пояса. И мучители без стыда задирали коротенькую нижнюю рубашку.

– Ведьминский знак, если огоньком прижечь, так не больно... – сообщил младший из мальчишек, толстощекий очкарик.

– Свины собачьи дерьмовые...

– Заткнись, ведьма... Вот это знак?

– Нет, это синяк... Знак – вот он, возле лопатки...

– Ух ты...

Чиркнула спичка; девчонка взвизгнула и ударила мучителей ногой...

* * *

– Вот скоты, – сказал инквизитор.

Ивга пыталась успокоить дыхание. Она забыла, забыла, забыла, она не то что рассказывать – вспоминать об этом давно уже разучилась, а теперь картинка встала как живая – она видела разломанный ящик, валявшийся на заднем дворе школы... С одним торчащим гвоздем. Траву, сминаемую их башмаками. Холодную твердую землю под щекой...

– Вот скоты, – повторил он отрывисто и глухо.

Он ей искренне сочувствовал в этот момент, он видел то же, что она. Ивга бы не поверила, что такое возможно.

– Вы знаете, я...

Она запнулась. До сих пор ей удавалось избегать прямых обращений; теперь она не знала, как его называть.

– Я... теперь понимаю. Ведьмы... Я понимаю, откуда такая... почему все ненавидят. Их... нас. Понимаю, за что...

– Нет никаких «вас». Ты – не они. Ты ни в чем не виновата. И пока я рядом, тебя никто не тронет.

– С...спасибо...

– Что было дальше?

* * *

У классной наставницы было тонкое, нервное лицо и сильная белая шея в круглом вырезе блузки.

– Пойми, Ивга Лис. Никто из нас не хочет видеть в школе этих господ. Из инквизиторской комиссии по несовершеннолетним. Зачем доводить дело до крайностей? Тебе ведь уже прислали приглашение... кажется, два раза?

– Я не ведьма. Они все врут.

– Тем более ты должна посетить. Мне тоже неприятно выслушивать от директора. А ему, в свою очередь, – от попечителя...

– Я не ведьма! Чего вы все от меня хотите?..

– Не дерзи.

– Я не держу... не дерзю... Я ни в чем не виновата!

– Ну кто тебя винит. Если кто-то заражается, к примеру, заразной болезнью... его берут на учет в диспансере. Никто его не винит.

– Я не заразная!..

В пустом классе летала муха. Спиралями, петлями, кругами; билась о стекло, затем снова принималась кружить, а на доске висела схема по анатомии, и муха, сбита с толку, принималась ползать по нарисованным кишкам нарисованного для наглядности человека...

* * *

– А потом?..

– Вечером я уехала. К тетке. В Ридну.

* * *

В полутемном подвальчике было сизо от табачного дыма. Какая-то девчонка плакала, забившись в угол, в руке ее подрагивала картонная папка с безвольно повисшими веревочками; к стенду, обтянутому серой мешковиной, невозможно было протолкнуться из-за множества плотных, упрямых спин, и пахло потом и духами, но сильнее – табаком.

– Тебя взяли? – спросил парень с нарождающейся бородой на загорелом скуластом лице. – Ты, рыжая... Тебя приняли?

Рыжая девчонка вздрогнула. С некоторых пор она всегда вздрагивала, когда ее окликали.

– Не могу... пробиться не могу.

– Такая слабенькая? – удивился скуластый. – Хочешь, я для тебя посмотрю?

Рыжая кивнула.

– Как фамилия? Лис?

Внизу, у входа, кто-то бранился. Сверху, прислонившись к ступенькам винтовой лестницы, стоял вальяжный юноша в ослепительно-белой рубашке. Юноша находил острое удовольствие в том, чтобы стоять двумя ступеньками выше прочих и поглядывать на них, абитуриентов, мудро и устало.

– Эй, Лис! С тебя бутылка шипучки – пляши!..

Девчонка смотрела удивленно. Кажется, не верила.

Где-то наверху, на недостижимой даже для вальяжного юноши высоте, открылись стеклянные двери. И полный мужчина с кожаным плоским портфелем взмахнул, как платочком, белым листком бумаги, и вальяжный юноша поспешно принял бумагу из пухлых рук, вчитался, нахмурил лоб:

– Внимание, информация... Студентам первого курса обращаться по поводу общежития... Военнообязанным студентам явиться в контору пять... Всем студенткам-ведьмам, – юноша невольно понизил голос, и на лице его появилось странное выражение, – явиться к директору лично и иметь при себе свидетельства об учете из окружного управления Инквизиции...

– Ведьм принимают, – зло сказала заплаканная девчонка с развязанной папкой. – Ведьм они принимают... Знаем мы...

На нее поглядели с жалостливым презрением.

Потому что ведьм, на самом-то деле, не принимают *никуда*.

* * *

– Не выдумывай. Ведьмы лишены некоторых гражданских прав – но не права на профессию...

Ивга отодвинулась от него подальше. Поразительно, как мало знают большие начальники о жизни, происходящей под ножками их высоких стульев.

– Ну бывают ситуации, конечно, – сказал он после паузы. – Невозможно контролировать всех мелких администраторов... И сколько ты там проучилась?

– Полгода. Пока не приехал инквизитор.

– Ну почему же ты не встала, как человек, на учет?!

Ивга отодвинулась еще дальше. Вжалась в диванные подушки. Он ничего, ничего не понимает. И ему бесполезно объяснять.

– Ладно, – сказал он другим голосом. – Не время для упреков... Значит, ты бросила училище, еще раз сбежала и поехала... куда?

– В Вижду. Большой город, легче затеряться... Мне очень повезло – я почти сразу нашла работу. В антикварном магазине. И там встретила с Назаром.

Инквизитор наклонил голову; теперь он сидел вполоборота, и в свете настенного фонарика Ивга видела половину его лица. С опущенным уголком губ.

Собственно, почему она обо всем этом ему рассказывает? Потому что ему интересно?

– И он был у тебя первым, – сказал он раздумчиво, и Ивга отшатнулась:

– А вам какое дело?!

– Извини, – сказал он примирительно. – Никакого дела. Деталь к психологическому портрету... Все, прости мою бестактность.

Профессиональное любопытство, горько подумала Ивга. И сколько же таких исповедей приходится на его нелегкий рабочий день...

Ей почему-то вспомнилась огромная кровать в той его квартирке, поле сражений, покрытое снегом чистого белья.

– А вы так и живете...

Вопрос вырвался сам собой, и, проговорив его до половины, Ивга с ужасом поняла, что сказанных слов не загнать обратно. Слова – не макароны, в рот не запихнешь.

Пауза затянулась. Ивга проглотила слюну.

– Ну? – проговорил он, явно намереваясь дождаться ответа. – Как именно я живу?

Ивга обреченно вздохнула:

– Пользуюсь... преимуществами... высокого положения на служебной лестнице.

(Дюнка. Май)

Решетка, отделяющая дом от чердака, не запиралась.

В полном молчании они прошли мимо бетонной коробки, где ворочались и гудели моторы двух маломощных лифтов; прошли мимо низенькой двери с навешенным на ручки амбарным замком, взобрались по аккуратно окрашенной железной лестнице и выпрыгнули в сырость весеннего вечера. Двадцать пять этажей не приблизили их к звездам – да тех и было-то всего две или три; по темному небу ползли, постоянно меня очертания, рваные серые облака.

Когда-то здесь было кафе. Сейчас от него остался только железный скелет пляжного «грибка», брошенный за ненадобностью и покрытый ржавчиной; старые перила ржавели тоже, и потому Клав не стал к ним прислоняться.

Весь фасад дома напротив залит был пестрой мигающей рекламой, и Дюнкино лицо, различимое до последней реснички, казалось то апельсиново-желтым, то сиреневым, то зеленым, как трава. Клав знал, что выглядит не лучше.

Дюнка улыбнулась краешками губ:

– Цирк...

Клав поежился. Он не боялся высоты, но неожиданно холодным оказался ветер.

– Клав... я... тебя люблю, – сказала она шепотом.

Рекламные огни мигнули; теперь крышу заливал темно-синий свет. И лицо девушки с полуоткрытыми губами сделалось матовым, как...

Как тот барельеф на темном камне надгробия. Клав отшатнулся, но Дюнкины руки сомкнулись вокруг шеи, желая его удержать:

– Клав... не покидай... меня.

Руки разжались. Дюнка отступила, и в новом беззвучном взрыве цветных огней Клав увидел, какими мокрыми сделались ее ресницы.

И резанула острая жалость.

Что я за идиот, яростно подумал Клав. Все эти страхи и колебания... Она ведь понимает. Каково это ей – всякий раз ждать меня и всякий раз бояться, что я – все, не приду больше, перепуган, отрекся?!

– Дюночка, я клянусь тебе всем, что у меня есть. Клянусь жизнью...

Ему казалось, что она ускользает от него, будто во сне. Что протянутые руки никогда ее не коснутся, поймают пустоту...

И он облегченно вздохнул, дотянувшись наконец до опущенных вздрагивающих плеч. И притянул к себе, и шагнул навстречу, спеша обнять и успокоить:

– Я никогда...

Она чуть-чуть уклонилась. Еле-еле скользнула в сторону. Почти незаметно...

Под самыми его подошвами текла, выплескивалась на тротуары, перемигивалась огнями и перекликалась сигналами ночная улица. Стадо машин, человеческие фигурки перед витринами, крохотные, будто муравьи на песке.

Воздух стал густым и отказался наполнять его судорожно разинутый рот.

Между ним и пустотой не было ничего. Не было посредников. Один на один...

Улица слилась перед его глазами в единую пеструю ленту. А крыша медленно, будто нехотя, накренилась. Желая сбросить человека – как крендель, прилипший к краю противня. Как готовый к употреблению крендель; о воздух не опереться. Пустота. Осклизлая воронка неминуемого падения...

И тогда беззвучно закричал внутренний сторож. Неприметный, намертво впечатанный в мозг, за последнюю неделю дважды спасавший Клаву жизнь. Сторожевой центр, будящий парализованную волю. Острый и злобный инстинкт самосохранения.

Нет!..

Край крыши, сделавшийся *гранью*, дернулся под ногами; Клав покачнулся.

Вместо улицы мелькнула перед глазами стена противоположного дома, облепленная рекламой...

Он отбросил себя от края. Отшвырнул от пролома в ржавой ограде.

...И сразу после этого – небо. Три тусклых звезды в разрывах облаков; в какой-то момент ему показалось, что он лежит внизу, на асфальте, смотрит в небо стекленеющими глазами, а вокруг, замаранные его кровью, вопят и суетятся прохожие...

Но он лежал на крыше. Которая ближе к звездам на целых двадцать пять этажей. И над ним склонялось одно-единственное лицо, и свет рекламы делал его мертвенно-зеленым.

И в мокрых глазах застыло непонятное, но вполне явственное, пугающее выражение.

* * *

...А ведь ему и в голову не пришло задуматься, кем он выглядит в ее глазах. Старый расчетливый хрыч, старательно отделяющий себя, холодного чиновника, от себя же, но похотливой скотины в ворохе стерильных простыней. И то хорошо, что такая жизнь представляется ей ненормальной; та же Федора, к примеру, считала подобное положение вещей вполне естественным. Свободен, богат, властолюбив – имеет право...

Интересно, что лисица-Ивга так искренне ценит верность и семейную жизнь; это совершенно не свойственно ведьмам. Как правило.

Проклятый Юлек. Проклятый Назар.

Клавдий оставил ее и встал. Поморщился; неприятный привкус во рту – перенапряжение. Привет от незабвенных балерин, он даже допрашивать их не стал, отдал Глюру... Не потому, что боится... Хотя нет, боится тоже. Боится не удержаться и отомстить. За кромешный ужас, когда боль лезет из ушей, а пять неистовых стерв прут и прут, и давят, и грозят разорвать на части, а потом в тебя прилетает пуля. И хорошо, что прилетает не в печень и не в сердце. Торка... пожалуй, Хелена Торка спасла ему жизнь.

Он откинул штору, впуская в комнату вялый рассвет:

– Ты права, я так и живу. Есть хочешь?

Девчонка сдавленно вздохнула.

«Подобно тому, как две огромных птицы не могут встретиться в небе, мешая друг другу размахом крыльев... Подобно тому, как два смерча на океанской глади побоятся приблизиться друг к другу... так ведьмы не могут жить сообща, ведьмы не могут быть вместе... Но бывают в истории времена, когда, побуждаемые неизъяснимыми мотивами, ведьмы наступают на собственную природу и заключают альянсы... Плохие времена. Тяжкие времена; боритесь, как умеете, – только не повторяйте за дураками, не городите этой ереси о пришествии матки!..»

Глава 7

– ...Значит, вы работали «сеточкой»? Не один сильный удар, а много мелких толчков, ниточки, узелки, отравленные водопои, косички в бараньей шерсти? Да?

Ивга всем телом ощущала силу принуждения, исходящую от человека в высоком кресле; основной тяжестью этот напор приходился на женщину, стоящую посреди допросной, но Ивге, затаившейся в глубокой боковой нише, доставалось тоже – не защищал даже гобелен с вытканым на нем замысловатым знаком.

– Пятьсот дохлых овец за неделю, два хозяйства разорились полностью... Ты всегда работала одна, правда? Зачем тебе помощницы? Ну, подай идею. Скучно было без них? Трудно? Захотелось поиграть? Что?!

Ведьму в допросной будто держали на привязи – за взгляд. Она слабела, но не опускала головы и не сводила с инквизитора горящих ненавистью глаз.

– Как вы нашли друг друга? Кто первый предложил работать вместе?

– Я все уже сказала, – выдавила ведьма. – Что могла.

Инквизитор встал. На какое-то мгновение голова его, покрытая капюшоном, заслонила от Ивги факел; допрашиваемая ведьма отшатнулась:

– Я все сказала!

Допросчик остановился прямо перед ведьмой:

– Хорошо. Допустим, я поверил.

Ивга замерла в своем укрытии; инквизитор мягким кошачьим жестом потянулся к обомлевшей ведьме и положил ей руки на плечи. Допрашиваемая чуть заметно дернулась, губы ее приоткрылись, обнажая острые влажные зубы. Ведьма застыла, вытянувшись, глядя, кажется, сквозь человека в плаще.

– Ивга...

Ивга вздрогнула.

– Иди сюда.

Она заставила себя взяться за край гобелена. Осторожно, чтобы не коснуться знака; наткнулась взглядом на темную маску-капюшон и отвела глаза.

– Это карнавал, – сказал он устало. – Плащи, маски, факелы – представь, что все это веселый карнавал... Сосредоточься.

– Что я должна делать?

– *Делать* буду я. Ты будешь стоять и видеть сны. Ты – зеркало, поняла?

Ивга с ужасом посмотрела на ведьму. У той было нехорошее злобное лицо, глаза бездумно пялились в пространство – сомнамбула.

– Ее сны?!

– Побуждения, сны, мотивации; что ты так смотришь?

Ивга нервно сглотнула.

– Или мне придется ее пытаться, – сказал инквизитор глухо. – Решай. Заставлять тебя я не стану.

* * *

...Холодно.

Первым ощущением был промозглый холод.

Солнце. Ослепительно-яркое, раздражающее глаза...

Нет. Это луна, круглая и полная, как бочка; в свете луны покосившееся строение в тени склоненных лип. Ни звука, их заменяют запахи – сильно пахнет навоз... слабее – гниющее

дерево... Чуть слышно пахнет металл – у Ивги в руках острый нож. Чистое лезвие без труда входит в древесину, будто в рыхлую землю... И ладони ее ласкают рукоятку. Странные, непривычные движения.

Рукоятка ножа становится влажной. И теплой.

Звон капель.

Белые тяжелые капли падают в жестяное ведро... В подойник. Ее руки двигаются быстрее; вот что это за движения. Ритмичные вытягивания и сжатия – она доит рукоятку ножа. По пальцам течет молоко, журчит в подойнике, затекает в рукава...

Молоко иссякает. Не брызжет струйками, еле капает, с трудом наполняет подойник.

Снова тепло. Снова обильно; теплая жидкость орошает ее руки, но уже не белая, а черная.

Черные капли падают в полный подойник...

Красные капли. Кровь.

* * *

Она очнулась; ведьма, стоящая перед ней, продолжала тупо смотреть сквозь нее, в несуществующую даль; в подвале было жарко. Трудно дышать. Кажется, ритуальный факел коптил.

Ивга неуверенно отступила в сторону, согнулась, держась за живот, и ее вырвало на нечистый каменный пол.

* * *

Он снова оставил ее на ночь. Собственно, ему плевать, кто и что о нем подумает. Особенно в свете последнего разговора с его сиятельством герцогом...

Герцог знает много, но, по счастью, не все. С некоторых пор Клавдий ведет двойную бухгалтерию; это стыдно и гадко, но если герцог, а тем более «общественность» узнают подлинные цифры...

Прочитав сводку по провинциям за последние три дня, Клавдий сжал зубы и велел Глюру перепроверить.

Все верно. Массовые инициации, которым не удастся воспрепятствовать. Цифры по смертности, которые еще никто не догадался истолковать правильно.

И звонок Федоры. Междугородний звонок из Одницы.

Клавдий стиснул зубы. Нашла себе исповедника. Нашла себе защитника-покровителя, «ты ведь знаешь», «ты ведь все исправишь», «ты ведь защитишь»... А напоследок – «можно я приеду?..»

Завтра с утра в Вижне собирается Совет кураторов. Интересно, кто из них почуял запах паленого – вернее, кто до сих пор не почуял... Интересно, кто поднимет голос против Великого Инквизитора как ведущего пагубную, безответственную, протекционистскую и некультурную игру...

Впрочем, не интересно, он и так знает, чего от них ждать; новый куратор Рянки предан ему, куратор Одницы Мавин боится его, куратор Эгре – его старый знакомый... Куратор Бернста был им неоднократно ущемляем. Куратор Корды не так давно был публично унижен. Куратор Альтицы молод и умен, и он всегда на стороне сильного – пока не придет время возвыситься самому... А самый серьезный противник в Совете – куратор Ридны – слишком любит комфорт и город Вижну. И слишком ненавидит ведьм, по-настоящему ненавидит, для него «Да погибнет скверна!» – отнюдь не формальный девиз...

Пахнет паленым. Это в Вижне сгорел оперный театр.

Клавдий усмехнулся. На этот раз герцог не удовлетворился звонком. Он вызвал Великого Инквизитора, намереваясь отшлепать его как мальчишку; в результате вышла безобразная

свара. Герцог поразительно осведомлен. Интересно, кто из ближайших сотрудников Клавдия получает деньги в конвертах с государственным гербом?

– Можно?

Ивга стояла в дверях кухни. Он поразился выражению ее лица; под глазами лежали густые, как ночь, синяки. Губы было неопределенного цвета, почти такого же, как бледно-желтая кожа. В лисьих глазах стояла смертельная усталость; Клавдий ощутил одинокий, но болезненный укус так называемой совести.

– Иди сюда. Ты поела?

– Да.

– У тебя ничего не болит?

– Нет.

Он притянул ее к себе. Усадил рядом, на диване:

– Прости. Я понимаю, что тебе тяжело и противно. Но у меня нет другого выхода. Даже если я буду их пытаться...

– Не надо пытаться!

– ...пытки могут быть бесполезны. Я не могу никем тебя заменить... нет больше ведьмы с такой интуицией и чтобы я ей доверял. Сам видеть эти сны я тоже не сумею. Я же не ведьма...

– Жаль, – сказала она с подобием улыбки.

Он обнял ее за плечи.

Любое прикосновение к той же Федоре отзывалось в нем мучительным напряжением, всплеском плотских желаний; теперь, ощущая под тонким свитером Ивгины плечи и ребра, он просто не хотел разжимать руки. Будто она лисенок. Будто она его сестра или, что вероятнее, дочь.

По мерцающему экрану телевизора беззвучно бегали яркие, нарочито ненастоящие люди.

– Ивга... Пойми меня. Я ведь не орден себе зарабатываю. На нас надвигается какая-то гадость, и я не знаю, где у нее, у гадости, предел. То ли просто кадровые перестановки на всех уровнях Инквизиции, то ли...

Он замолчал.

Вон она, книжка. На верхней полке, корешок из мешковины. События, совершавшиеся четыреста лет назад: «И царство их – на развалинах»...

Тухлая вода, подтопившая четыре сотни лет назад город Вижну. Несколько тысяч погибших... По тем временам – весь город. Эпидемия, отравленные колодцы, человеческие тела, зашитые в чрева коров...

Ивга вздрогнула. Он слишком сильно сдавил ее плечи.

Великого Инквизитора звали тогда Атрик Оль. Зимним вечером на центральной площади города Вижны орда обезумевших ведьм сожгла его на высоком костре. Во имя Великой матери...

– Ты сможешь, мне, Ивга. Я добьюсь от них, чего хочу. Это очень, очень важно.

(Дюнка. Май)

Сперва он бежал, и прохожие шарахались с дороги, возмущенно орали вслед. Потом он выбился из сил и перешел на шаг; потом удалось взять себя в руки.

Прямо перед глазами оказался веселенький навес городского кафе; Клав хотел заказать большой стакан чего-нибудь горького и крепкого, одним ударом отшибающего разум, – но в последнюю минуту передумал и заказал апельсиновый сок. Нечего впадать в истерику. Истерика не поможет...

Сок, одновременно сладкий и кислый, застревал в горле; Клав несколько раз закашлялся, прежде чем допил до дна. Кокетливый фонарик заведения казался нестерпимо ярким,

а фигуры людей, проходивших мимо, расплывались перед глазами, и Клав чувствовал себя испорченным аппаратом, кинокамерой, которая мучительно старается удержать резкость.

...А ведь мог бы сейчас лежать на цинке.

Он усмехнулся, и молоденькая официантка отшатнулась, напоровшись на эту усмешку. Решит еще, что маньяк... Вызовет полицию...

А ведь мог лежать на цинке. И любопытно, что сказали бы полицейские медики. Самоубийство? Возможно...

Он глубоко задышал, переживая новую волну головокружения. Светящаяся река под ногами... невообразимо далеко. Летел бы, наверное, полминуты. И заглядывал в освещенные окна...

Случайность. Совпадение. Всякий, кто поднимается на крышу, должен помнить о земном притяжении и хрупкости собственных костей. Сам виноват...

Но три раза подряд?!

«Они *навь*. Пустые человеческие оболочки... Это не люди... если бы к тебе пришел убийца в маске красивой девушки. Или, что еще хуже, в маске твоей матери...»

Он увидел собственные пальцы, побелевшие в мертвом хвате вокруг тонкого стакана; еще мгновение – и здесь случится горстка окровавленного стекла. Зачем?..

Вернув себе власть над собственной рукой, он осторожно поставил стакан на светлую, под мрамор, поверхность столика.

Страшно. Тоскливо и страшно. И не осталось ни капельки того чувства, которое он в последние месяцы привык считать счастьем... Эрзац-счастье. Счастьезаменитель...

А ведь можно не возвращаться в ту квартирку. Забыть. Дюнка... та, кого он привык считать Дюнкой, не нуждается ни в пище... ни в чем не нуждается...

Кроме него, Клава. Его присутствие ей необходимо; она не раз говорила об этом, да и он сам, появляясь после вынужденного долгого перерыва, видел, как побледнело и осунулось ее лицо, каким безжизненно-холодным сделалось тело...

Он сжал зубы. Что это, игра в перетягивание каната? Он тянет ее за собой, в жизнь... а она, выходит...

«Навы, как правило, общаются с людьми затем, чтобы убить. Уравнять, так сказать, шансы...»

– Молодой человек еще что-нибудь закажет?

– Да. Еще сока. И... двести граммов коньяка.

Девушка не удивилась. По-видимому, у Клава был вид человека, привыкшего пить коньяк из чайных чашек.

Что, если оставить ее... оставить Дюнку в одиночестве? В запертой квартирке?..

В старике, сидящем на столике напротив, ему вдруг померещился утешитель с кладбища. Усталое заурядное лицо – и неотрывный взгляд из-под сведенных бровей: «Я всего лишь лум. Я делаю, что умею».

Клав мигнул. Нет, старик был совсем другой. Круглощекий и незнакомый.

Он сглотнул свой коньяк, как глотают лекарство. И чуть было не задохнулся; по счастью, его сильно ударили по спине:

– Парень, так не пьют! Это не вода!

Все еще трезвый, Клав повернул голову...

...И не испугался. Кивнул чугайстеру, как приятелю.

От чугайстера пахло мокрой шерстью. Клав мотнул тяжелой головой, стер с глаз навернувшиеся слезы; наверное, если попасть в меховой безрукавке под дождь... то будешь пахнуть волком. Но дождя-то нет, да и мех-то искусственный...

Все они вошли, вероятно, только что. Облюбовали столик в углу – а Клав, поглощенный поединком с коньяком, не успел их заметить. Теперь трое наблюдали из-за столика – один стоял перед Клавом...

Они уже виделись. Именно с *этим*; только вот лицо его уже расплывается, и Клав не может собрать разбегающиеся мысли, и не вспомнить, где именно и о чем с ним разговаривал *этот*, высокий, поджарый...

– Парень, тебе плохо? Может быть, помочь?

Клаву казалось, что голова его – земной шар. Такая же тяжелая... и вращается так же неустойчиво.

И тем более тяжело качнуть головой. Прогнать доброго чужака простым жестом, означающим отказ.

* * *

Увидев среди кураторов Федору, Клавдий понял, что и на этот раз день будет невыносимо тяжел.

– Патрон... К несчастью, куратор Мавин болен и пожелал, чтобы в Вижне от его имени присутствовала я.

– Да погибнет скверна... Господа, зайдем же свои места и побеседуем.

Мрачный куратор Ридны чуть приподнял уголок рта. Чуть-чуть.

Куратор Ридны, любящий комфорт и ненавидящий ведьм, звался Варом Танасом; ему было чуть за пятьдесят, и пять лет назад именно он был наиболее вероятным претендентом на пост Великого Инквизитора. Он и сейчас не утратил надежду занять этот пост; Клавдий знал, что первые полчаса беседы Танас обычно хранит молчание.

– Господа, прежде чем выслушать ваши соображения, я хотел бы сказать несколько слов о положении дел – каким я его вижу...

Он говорил семнадцать минут; Федора, сидящая на месте Мавина, смотрела ему в висок. Он с трудом удерживался от желания потереть болезненную точку – мозоль от ее взгляда.

– ...Я хотел бы, чтобы мы вышли сегодня на максимальный уровень откровенности. И максимальный уровень ответственности за свои поступки – возможно, ситуация, в которой мы все оказались, не имеет аналогов... По крайней мере, не имела аналогов последние четыреста лет...

Они все прекрасно поняли, что именно он имеет в виду. Кроме, возможно, куратора округа Бернст. Тот сидел, отрешенный, и, вероятно, думал о своем.

– Теперь я хотел бы услышать ваши соображения... По поводу ненормальной активности ведьм. По поводу их странного стремления к общности. По поводу... да чего там, по поводу кольца, в котором все мы оказались. Кольца, которое сжимается...

Куратор Ридны снова поднял уголок рта. Федора вздохнула.

И тогда слова попросил куратор Альтицы. Молодой брюнет с тяжелым неповоротливым телом и вертким, как угорь, мускулистым нравом; Клавдий меланхолично подумал, что кресло Великого Инквизитора когда-нибудь придется приспособить под обширное седалище Фомы из Альтицы. Наверняка; у толстяка ясный ум и железная хватка. Сегодня он вступит в альянс с ридненским куратором. И первым метнет в Клавдия свой дротик – в угоду Танасу из Ридны...

Клавдий прогнал навязчивую мысль о сигарете.

Фома был краток, но эмоционален.

Да, положение в Альтице оставляет желать лучшего – однако основной причиной этому послужил не предполагаемый всплеск активности ведьм, а последний указ, полученный из Вижны. Альтица – земледельческий округ, где традиционно много оседлых неагрессивных ведьм; железные меры, навязываемые Великим Инквизитором, произвели эффект пачки дрож-

жей, брошенной в нужник. Скверна полезла из всех щелей; ведьмы, десятилетиями жившие в своих одиноких избушках без официального учета, однако под негласным надзором, – эти самые неучтенные ведьмы кинулись кто куда, потому что, выполняя приказ, Инквизиция Альтицы вынуждена была заполнить неучтенными ведьмами все тюрьмы округа... Бюджет претерпел значительный урон. Ведьмы содержатся в переполненных изоляторах, в неподобающих условиях – отсюда рост агрессивности, отсюда паника и дестабилизация, отсюда трагедии, вроде той, когда тринадцатилетняя девчонка, инициированная своей же учительницей математики, нарисовала насос-знак зубной пастой на щеке спящего брата...

Фома сделал паузу. Жуткий случай, который в других обстоятельствах вменился бы ему в вину, сегодня должен был проиллюстрировать правоту его слов. Яркая иллюстрация. Кричащая.

Фома скорбно склонил тяжелую, отягощенную множеством подбородков голову. Он, в общем-то, закончил. Обстановку в округе с большим трудом удалось стабилизировать – только потому, что он, взяв грех на душу, отступил от неукоснительного выполнения последнего приказа из Вижны. Теперь он, вероятно, ответит за самоуправство и неподчинение; кто-нибудь другой предпочел бы погубить округ в точном соответствии с инструкцией. Все; он, Фома, сказал все и готов отвечать на вопросы...

Клавдий, во время всей речи просидевший с неподвижным благожелательным лицом, теперь явил на свет одну из самых обаятельных своих улыбок:

– Господа, я предложил бы сперва высказаться всем... Потом вернуться к вопросам, так сказать, комплексно.

Фома пожал тучными плечами и осторожно сел. Он любое движение проделывал осторожно; отчаянным, отважным и непредсказуемым он мог быть только в словах и поступках.

Один за другим поделились мнениями куратор Корды и новый куратор Рянки; речь первого была нетороплива, неконкретна и переполнена намеками опять же на недалновидное и слишком назойливое руководство из Вижны, а также туманными жалобами на ведьм, которые действительно чрезвычайно агрессивны. Речь второго – свеженазначенного куратора Юрица – свелась к отчету о мерах, принятых на новом посту. Меры сводились прежде всего к тому, чтобы тщательно искоренить все насажденное предшественником; Клавдий мял под столом пачку сигарет. Юриц талантлив – откуда в нем эта мелочность?.. Еще двадцать минут – и Клавдий объявляет перерыв. Перекур...

Речь Антора, куратора из Эгре, обернулась едва прикрытой нападкой на позицию Фомы из Альтицы. Антор совершенно точно вычленил из эмоциональной речи Фомы убийственный факт: обилие неучтенных «земледельческих», «неагрессивных» ведьм, проживающих в избушках «под негласным надзором». Один этот вскрывшийся факт в старые времена служил поводом не то что для снятия с поста – для увольнения из Инквизиции за профессиональную непригодность; Антор говорил негромко, в голосе его звучал металл, Клавдий чуть прикрыл глаза, глядя на солнечный луч, ползущий по белой полировке стола. Формально Антор прав; однако *на деле* прав, конечно, Фома. Методы, пригодные для больших городов, часто отказывают среди разбросанных по полям хуторов и местечек...

Он скосил глаза на листок, лежащий в приоткрытом ящике стола. Последние данные по округам – полученные, между прочим, не напрямую от кураторов, а исподтишка, от шпионов. Самый благополучный округ... гляди-ка, Альтица. Еще вчера самым благополучным был Эгре. А самый неблагополучный...

Он коснулся виска. Федора смотрела, а он не отвечал на ее взгляд.

Самый неблагополучный – Одница. И положение усугубилось. Вплоть до того, что наместник Одницы послал куратору Мавину официальный запрос...

Антор, куратор из Эгре, закончил. Постоял, поочередно глядя на присутствующих; потом сел, вернее, упал на стул. Ему была свойственна некоторая небрежность – в движениях и в одежде, но не в делах. На кого-кого, а на Антора Клавдий мог положиться...

Фома, которого речь Антора достала-таки, уязвила, теперь желчно улыбался своим большим мягким ртом. Желал реванша – и, как показалось Клавдию, нервничал. Слишком много было поставлено на карту, Фома мог и слететь с поста, под общий-то шумок, под горячую руку...

Все смотрели на Танаса, куратора из Ридны. Первые полчаса давно прошли – настало время для веского слова.

Танас молчал. Оба уголка его тонких губ были опущены – один чуть больше, другой чуть меньше. Все ожидали; Танас молчал.

Чем мы занимаемся, подумал Клавдий с запоздалым отвращением. Акробатический этюд с участием высокого кресла. Кого-то подсажу, кого-то – подсижу... Ты залезешь в кресло, а я буду стоять у правого подлокотника, а он у левого; потом я с его помощью столкну тебя, и его столкну тоже, а у подлокотника будет стоять совсем другой человек...

Он открыл было рот, чтобы объявить перерыв, и увидел, как куратор Бернста, медлительный, вечно погруженный в себя, отрешенный и бледный, поднимается со своего места.

Ведьмы прозвали Выкола, куратора округа Бернст, «железной змеюкой». Он был неповоротлив – и неотвратим. Железная тварь, гремящая сочленениями, в конце концов догонит самую верткую курицу. И придавит без жалости – мимоходом...

Клавдий не любил Выкола. Именно за эту отрешенность. Клавдий не понимал, как инквизитор может быть равнодушным.

– Господа... – именно этим, лишенным всяких эмоций голосом, Выкол разговаривает со своими ведьмами. – Получив приказ господина Великого Инквизитора о чрезвычайных мерах в отношении всех категорий ведьм, а в особенности попытавшись претворить его в жизнь... я был раздражен не меньше, чем коллега Фома.

Выкол замолчал. Вероятно, одна такая пауза способна вогнать в пот самую упрямую из упрямых ведьм.

– Теперь я вынужден признать, что меры, предложенные Великим Инквизитором, недостаточны. Мы стоим на краю пропасти, господа... и стараемся смотреть в сторону.

В наступившей тишине громко, непристойно громко прозвучал длинный вздох.

Никто не повернул голову сразу. Все медленно сосчитали про себя – кто до пяти, а кто и до семи – и только тогда позволили себе взглянуть на Федору Птах, заместителя куратора Одницы, бывшую – и все это знали – любовницу Клавдия Старжа.

Один только Клавдий не шелохнулся. Не отвел взгляда от верхней пуговицы на пиджаке куратора Выкола.

Выкол выждал минуту. Голос его ничуть не изменился, когда, обведя взглядом молчащее собрание, он проговорил размеренно и четко:

– Поведенческие изменения ведьм невозможно объяснить ни плохой погодой, ни тяжелыми временами, ни чьими-то промахами; я надеюсь, что Великий Инквизитор дальновиднее всех нас. Что он имеет собственные соображения на этот счет...

Тогда Клавдий посмотрел наконец-то на Федору. Она поправилась. Она явно пополнила за те две недели, что они не виделись; говорят, многие женщины от огорчения начинают слишком много есть...

Полнота пошла Федоре на пользу. Сгладила некоторые резкости лица, округлила плечи, даже, кажется, увеличила грудь...

О чем он думает?! Это и есть его замечательные «собственные соображения», которыми он собирается поделиться с коллегами?!

В красивых Федориных глазах, не на поверхности, а глубоко-глубоко, стояла совсем некрасивая паника.

«Ты ведь все понимаешь? Что происходит? Ты остановишь это, да?..»

– Да, есть кое-какие соображения, – сказал Клавдий буднично. – Мы наблюдаем, по-видимому, всего лишь пришествие ведьмы-матки.

* * *

Крыша сарая прохудилась, как старый котел, и зияла дырами и щелями; в дыры острыми лучиками врвался свет. Свет луны...

Нет, это не крыша. Это небо; иглы лучей на нем – звезды...

Ивга бежала, запрокинув лицо, не чуя дороги – но не споткнувшись ни разу, будто ноги сами несли ее.

Иглы лучей на черном небе. Тонкая игла в ее собственной руке.

Люди, серебристые тени, приколотые к небу, – за сердце. Парят, не тяготясь серебряным гвоздиком в груди; смигнуть, прогоняя слезы, – нету людей, только звезды. Смигнуть еще раз – вот они... Тени, нанизанные на белые иглы. Бело-голубые, бело-розовые, зеленоватые...

Ивга засмеялась; длинная портновская иглолка в ее руке задрожала.

Красивый мужчина с мягкими белыми волосами, незнакомый Ивге, но вызывающий глухую ненависть... Запах ненависти. Запах железа.

Острая звезда среди прочих звезд...

Она тянется. Она видит, как острие иглы и острая звезда – совмещаются...

Ивга колет. Иголка до половины входит в небо – и выскальзывает обратно. Ржавая.

Звезда тускнеет...

Дуновение ветра. Запах расплавленного парафина; свечи, камфорный спирт, бледнеющее незнакомое лицо. Ивга смеется, бросая ржавую иглу в колодец.

Белый глаз луны, глядящий с далекого подземного блюдца. Луна на дне колодца, ржавая иглолка – соринка в недовольном глазу луны...

Ивге легко. Так легко, как никогда еще не бывало; земля несется далеко вниз. Ивга ловит ветер ртом, и, уже заливаясь к ней в грудь, этот воздух все еще остается ветром. Холодным и диким.

Земля хрустальная. Ивга видит, как голубовато отсвечивает подземный родник. Как тускло желтеет сундук, оплетенный корнями, как белеют чьи-то кости, забытые на дне оврага...

Ни звука – только запахи. Бесконечно разнообразные запахи ветра.

Ивга смеется.

* * *

Она переждала в своей нише, пока уведут оглушенную, одурманенную ведьму. Та, конечно, ничего не помнит; провозжая ее глазами, Ивга испытала мгновенную неприязнь. И зависть; рука с иглой – отвратительно. Полет над травами, над верхушками деревьев – прекрасно...

Она опомнилась. С ужасом тряхнула головой – ведьмино пусть остается ведьме. Ее грехи и свирепые радости были и останутся до последней капли чужими, Ивга – только зеркало... Зеркало не потускнеет, отражая туман. Зеркало не треснет, отражая молнию...

Ее мутило, подташнивало. Нечем было дышать. Когда он найдет, наконец, что ищет, когда он отпустит ее из подвала?!

– Ивга! Иди сюда...

Он сбросил капюшон, Ивга увидела его озабоченное усталое лицо и поняла, что «работе» конца-края не видно.

– Все эти иголки, полеты, – она сипела пересохшим горлом, – все не то, что вам надо?

Клавдий вытащил из-под допросного стола бутылку с водой и два высоких стакана, вода была минеральной, веселые пузырьки липли к стеклу.

– Иголки, полеты – ерунда, традиционные практики. – Он протянул ей стакан. – А нам нужно новое. Как бы мне внятно объяснить тебе, что мы ищем...

Ивга почему-то испугалась. Зубы стучали о стекло, пузырьки щекотали нёбо.

– Мы ищем общий мотив, – сказал он отрывисто. – Я бы назвал это... сверхценностью.

Ивга молчала.

– Сейчас приведут другую ведьму, и ты попытаешься отыскать в ее побуждениях нечто... вызывающее особый трепет. Желание жертвовать собой. Желание идти следом... Еще пес знает какие желания, я понятия не имею, но они должны быть, Ивга! Чувство... если хочешь, чувство преданной дочери...

– Я устала, – сказала Ивга шепотом.

– Что?!

– Я... не могу. Сегодня. Я просто не могу. Я устала.

Она смотрела, как удивление и досада на его лице сменяются обыкновенным огорчением. Потом он со вздохом отвернулся:

– Извини... Конечно, отдыхай. Завтра.

Открылась потайная дверь; стоявший за ней парень, один из тех мордovorотов, которые сопровождали Ивгу внутри Дворца, приглашающе отступил в темный коридор.

Ей вдруг сделалось тоскливо. Пусто и одиноко.

– Можно я...

Он уже думал о другом. Ее вопрос выдернул его из пучины размышлений государственной важности, и потому его бровь поднялась несколько раздраженно:

– Что?

– Можно я погуляю? – спросила она безнадежно. – Без охраны?..

Некоторое время он смотрел ей в глаза. Потом отошел к стене, и удивленная Ивга услышала щелчок выключателя. И факел сразу же сделался ненужным и нелепым – Ивга и не знала, что в этой комнате возможен такой яркий свет.

Клавдий вернулся. Встал перед Ивгой, она не выдержала пристального взгляда и потупилась.

– Я тебе доверяю, – сказал он медленно. – Ты можешь гулять, пожалуйста, сколько угодно... Иди...

Уже в коридоре ее догнал окрик:

– Ивга!

Она вздрогнула и остановилась.

– Я пройду с тобой два квартала, ты не возражаешь?

* * *

Склонялось солнце.

По улицам ходил горячий ветер, смерчками закручивал пыль, тополинный пух и конфетные обертки. Ивга подумала, что в подвалах Инквизиции все времена года одинаково прохладны и сыры. А вот стайка спортивного вида девчонок, безуспешно ловящих машину на перекрестке, щеголяет бронзовым загаром...

И дождливое лето все-таки остается летом.

Она вздохнула. Ветер поигрывал короткими, легкими подолами веселых летних женщин – и тупо тыкался в непроницаемую ткань Ивгиных джинсов. И отлетал, посрамленный. ...Ветер. Земля, несущаяся далеко внизу...

В теплый вечер вмешалась одинокая ледяная струйка. Струйка *того* ночного ветра; Ивга вздрогнула, и струйка исчезла.

– Хочешь мороженого?

Ивга мотнула головой; у нее было впечатление, что Клавдий безостановочно делит в уме многозначные числа. Говорит с ней, думает о ней – и о другом думает тоже. И о третьем...

– Вообще, чего-нибудь интересного хочешь? На пляж? Обновку?

Ивга обреченно вздохнула.

Неудобно отвлекать занятого человека. Кажется, что лицо Клавдия – песочные часы, и время, убиваемое на молодую ведьму, истекает...

Здесь, вне подвала, она ему не интересна. Сейчас он задаст вопрос, ради которого прервал свои важные инквизиторские занятия... Сейчас задаст вопрос, получит ответ и уйдет. В одиночестве Ивга сможет привести в порядок мысли и чувства, побродить по городу, как свободный человек... Сожрать, в конце концов, сколько угодно мороженого. У нее, по счастью, полный карман мелочи.

– Ивга, что тебя гнетет?

Хороший вопрос.

Мимо промчался парнишка на роликах. Выскочил на проезжую часть, вильнул перед возмущенно взвизгнувшей машиной, влетел обратно на тротуар и с гиканьем скрылся за углом.

– Я понимаю, тебе в тягость то, что ты делаешь. Что я заставляю тебя делать. Но я надеялся, что ты привыкнешь... адаптируешься. Я ведь привык.

Она кисло улыбнулась.

Он вдруг схватил ее за плечи и резко притянул к себе; она успела испугаться. Она почувствовала на шее его жесткую руку – он, если захочет, запросто может пережать ей сонную артерию...

По месту, где она только что стояла, прокатил другой роликовый парнишка – Ивга успела ощутить пронесшийся мимо вихрь и разглядеть огненно-красную кепку со сдвинутым на затылок козырьком. Пацану было всего-то лет тринадцать; в следующую секунду он налетел на железную урну и шлепнулся, проехавшись по асфальту выдавшими виды наколенниками.

Клавдий выпустил ее. Она старалась смотреть мимо его глаз.

– Ивга... Скажи, что тебя беспокоит. Это важно.

Его лицо больше не было песочными часами. Ей кажется – или это настоящая, всамделишная тревога? Его действительно так заботит то, что происходит у нее на душе? Или «это важно» для дела Инквизиции?

– Клавдий, вы любите собак?

– Да, – ответил он сразу и без удивления.

– А кошек?

– И кошек... А что?

– А морских свинок?

– А вот свинок не люблю... И хомяков не люблю тоже. И совершенно равнодушен к рыбкам и попугаям. Что еще?

– Я для вас кошка – или все-таки хомяк? Или подопытный кролик?

В глубине души она надеялась, что он растеряется. Хотя бы на секунду смутится; напрасно надеялась.

– Ты – человек. Разве я чем-то тебя оскорбил? Обошелся как с кроликом?

Ну вот, теперь ей придется оправдываться. Несправедливо обидела доброго инквизитора...

Она нервно закусила губу:

– Мне... грустно. Я не вижу себя... здесь. Нигде. Мне кажется... если я подойду к зеркалу, там отразятся... комната, мои вещи... а меня не будет. Ведьма, которая работает против ведьм. Невеста без жениха... Как будто я ваша вещь – притом дешевая и уже бывшая в употреблении...

– Ты – мой сотрудник, – мягко сказал Клавдий. – Мой союзник. Мой, если хочешь, друг.

– У вас нет друзей.

– Откуда ты знаешь?

Ивга опомнилась.

Вечерело. Где-то далеко, наверное, в открытом ресторанчике за углом, пронзительно звенело банджо. По светло-серому, вылизанному ветром асфальту прошли красные лаковые туфли на невозможно высоких каблуках. Владелицы туфель Ивга не видела – так низко опустила повинную голову.

– Ты что же, Ивга? Опять? Тайное выковыриваешь на свет, делаешь явным?

– Это не тайное. – Ивга решила на него посмотреть. – Человек, который хоть чуть-чуть с вами пообщается, сразу поймет, что у вас не бывает друзей.

– А профессор Митец?

– Просто приятель. Наверное, по привычке. По старой памяти.

Клавдий чуть усмехнулся:

– Надо полагать, я не способен ни на преданную дружбу, ни на возвышенную любовь.

Она отвернулась:

– На возвышенную любовь... Вы способны. Я знаю.

– Тебе ли не знать... Ты ведь видела ту замечательную кровать, пастбище возвышенной любви...

– Не ерничайте!..

Ей вдруг стало до слез обидно. И не понятно, чья это обида – Ивгина? Клавдия? Или той ведьмы, в чью душу она слазила сегодня без всякого на то права?

– Не ерничайте... Хоть любовь-то... не трогайте. Да, кровать ваша пошлая, да, Назар меня бросил... Но любовь... любви от этого ни холодно ни жарко. Она не спрашивает... Ей плевать, что мы о ней думаем; ей плевать, что нам, вот именно нам ее почему-то не досталось... Но она просто есть. И мне от этого, может быть, чуть легче...

– Это философия. Любовь есть объективная реальность, не зависящая от нашего восприятия...

– Смейтесь. Можно даже чуть громче. Смейтесь...

– Я не смеюсь... Сверхценность.

– Что?

– Сверхценность... Для тебя – то, что ты называешь любовью. Для нынешних ведьм – по-видимому, Мать...

– А для вас, по-видимому, сигареты. Все, я пошла.

У нее хватило злости не замешкаться и не оглянуться.

Солнце все опускалось, теряясь за крышами; на улицы напознала тень, и рекламные вывески многочисленных летних баров оживали, открывались, как глаза ночного зверя.

Банджо в ресторанчике за углом смолкло. Теперь там пел под гитару широкоплечий, неестественно голубоглазый мужчина в щегольском пиджаке и потертых джинсах; ни на кого не глядя и ни о чем не думая, Ивга присела за ближайший столик.

– Слушаю вас, девушка...

Она с опозданием вспомнила, что у нее нет денег. Только на мороженое...

– Мороженое.

– Что еще?

Голубоглазый пел хорошо. Что-то про весну и про дождь.

– Больше ничего. Мороженое...

– И два коктейля. И два набора «ассорти»... Ты ведь, по обыкновению, голодная, да, Ивга?

Она содрогнулась.

Пров был одет в цивильное. В цветастую рубашу и светлые штаны, и на открытой шее Ивга разглядела серебряную цепь. Наверняка пластинка – серебряное удостоверение чугайстера – спрятана на груди под рубашкой.

– Спасибо, я ничего не хочу, – сказала она машинально.

Пров улыбнулся.

У него была нехорошая улыбка. У Ивги непроизвольно подтянулся живот.

– Зато я хочу. Очень хочу... И уже давно. – Он крутанул на ножке изящный ресторанный стул. Уселся на него верхом, положил подбородок на спинку. – Сейчас мы с тобой выпьем... и спляшем. Мне надоело плясать в хороводе – я хочу пригласить свою, персональную даму...

Голубоглазый певец пел о джунглях и о звездах. Официантка принесла два высоких стакана с насыщенно-оранжевой, какой-то даже светящейся жидкостью. И два сложных сооружения из маринованных овощей.

Ивга смотрела, как долька лимона на стеклянной стенке ловит влажным боком огни, мигающие в такт прочувственной песне; ее лицо онемело, омертвело, как маска. Кажется, она сильно побледнела. Кажется, Пров с удовлетворением это отметил.

– Пров... Я плохо... поступила. Прости меня. Я не хотела... тебя обижать.

– Да?!

– Поверь... Я была не в себе.

Он улыбнулся снова:

– Я искал тебя... в разных сомнительных местах. И не рука ли providения – встретил в своем любимом кабачке... Ну здравствуй, Ивга.

Его губы растягивались, похоже, до самых ушей и без малейшего усилия. Чугайстер-шут – такого не бывает, но вот же, сидит...

Ивга обернулась. С тоской всмотрелась в лица прохожих – ни одного знакомого. И Клавдий давно ушел, спустился в свой сырой подвал, где с увлечением губит, губит, губит скверну...

Пров хрустел овощами. Подкидывал маслины – и ловил их ртом; довольно улыбался, проводил по верхней губе кончиком острого языка – и хрустел дальше, пренебрегая вилок и правилами хорошего тона, превращая трапезу в фарс одного актера. За соседними столиками хихикали.

– Прости меня, – повторила Ивга беспомощно.

Пров воткнул в уголки рта два луковых перышка, сделавшись похожим на вампира с зелеными клыками. Скорчил рожу, изображая монстра; за столиком справа захохотали. За столиком слева фыркнули и отвернулись.

– Пров... – сказала Ивга безнадежно. – Что для тебя – сверхценность? Ты получаешь удовольствие, выворачивая очередную навку?

Если ее слова и задели его – внешне это никак не проявилось. Пров невозмутимо втянул в рот свои «клыки», сжевал их, слез со стула – именно слез, как усталый всадник слезает с лошади. Обернулся к певцу.

Наверное, Прова действительно здесь знали. А может быть, взгляд его в эту минуту был особенно красноречив – так или иначе, но певец мягко закруглил еле начатую лирическую песню, и в наступившей тишине чугайстеру не пришлось напрягать голос:

– Мы просим зажигательный танец.

Ивга почувствовала, как холодеют ладони.

– Пров... Я не... хочу.

Он криво улыбнулся и сдвинул ее руку:

– Не трясись... До смерти все равно не затанцую.

Певец ударил по струнам; огоньки вокруг эстрады отозвались фейерверком ритмичных всплесков. Ивга если и вырывалась, то слабо; Пров втащил ее на маленькую арену танцплощадки, освещенную ярко, как настоящая сцена.

Тугой воздух ударил Ивге в лицо.

Вот он, танец чугайстера.

Она бежала по кругу. Бежала, желая вырваться из кольца – и всякий раз рука партнера перехватывала ее за секунду до освобождения. Пестрая рубашка Прова горела под лучами прожекторов, светилась оранжевыми пальмами и синими попугаями, мелькание завораживало, втягивало в ритм; в какой-то момент Ивга, отчаявшись, приняла правила навязанной ей игры.

Казалось, что пол под ногами раскалился и дымит. Ивга танцевала самозабвенно и зло, не противясь партнеру, но ни на секунду и не покоряясь; собственно, только так она и могла высказать все свои соображения о жизни и своем в ней месте. И воспоминания о полете над склоненными соснами. И запах горящего театра. И иголка, протыкающая сердце-звезду...

Ей казалось, что в воздухе вокруг носятся стада огромных бабочек. И задевают крыльями ее лицо. И с крыльев падает пыльца, попадает в глаза, и нет времени их протереть, а потому и жжение, и резь, и слезы... Ей казалось, что все вокруг смешалось и запуталось, как кружево на коклюшках сумасшедшей мастерицы. Ритм, ритм, забивающий все, полностью захватывающий, партнер, вертящийся бешеным волчком...

Пров танцевал немислимо. Ноги его не касались гладких досок площадки; у него будто бы не было ни костей, ни сухожилий, он гнулся и растягивался в любую сторону, Ивга успела подумать, что это резиновая тень. Четкая, точеная тень с выверенными до последнего волоска движениями; когда он волок ее в только ему известную фигуру только ему знакомого танца, она чувствовала запах фиалок.

Запах чужой воли. Напрягающаяся в воздухе паутина.

И тогда на нее нахлестывало тоже, тогда она принималась плясать с утроенным темпераментом, и невидимая паутина трещала, наэлектризованная, и рвалась, и джинсы трещали тоже, и, кажется, в зале испуганно вскрикивали...

Потом музыка оборвалась; это было равносильно тому, как если бы у танцующей марионетки одним движением ножниц отстригли все ниточки. Ивга упала – у самой земли ее подхватили.

Люди, сидящие за столиками, аплодировали и смеялись. И что-то кричали; не тротуаре перед ресторанчиком собралась толпа и даже загородила проезжую часть, и машины возмущенно сигналили...

Немилосердно болели пятки. Ивга опустила глаза – кроссовки разваливались. Правая разевала рот, левая и вовсе лишилась подошвы.

Ивга хотела заплакать от боли, но у нее ничего не вышло; Пров тащил ее, прижимая к себе, так, что она кожей ощутила пластинку-удостоверение под его тропической рубашкой.

Рубашка была мокрая. И он тоже едва держался на ногах.

Говорят, не пытайся переиграть шулера, переспорить налогового инспектора и перетанцевать чугайстера.

На эстраде толпились люди, и исполнитель, красный как рак, удивленно рассматривал свою гитару. Оборванная струна закручивалась спиралью.

Пров дышал с усилием, сквозь зубы:

– Ведьма... Ну ведьма... Ну...

– Отпусти... – Она попыталась вырваться. Тяжело упала на подвернувшийся стул.

– Ну ведьма. Ну ты и ведьма...

– Что, получил? – Она выдавила из себя злую усмешку. – Сплясал? Хватит?..

– Ведьма! – Пров обернулся к возбужденным людям. – Господа, вызывайте городскую службу Инквизиции.

Он бросил на Ивгу торжествующий взгляд – возможно, ожидая увидеть в ее глазах смятение и ужас. Ивга презрительно скривила губы; в этот момент ей на плечо легла тяжелая рука:

– Инквизиция к вашим услугам.

Голос прозвучал, как шелест змеиной кожи по высохшему желобу; на лице Прова впервые проступило подобие растерянности.

– Инквизиция города Вижны. – Значок на лацкане мигнул и погас. – Благодарю за бдительность, молодой человек. Ведьма задержана.

Ивга кожей ощущала взгляды. Брезгливые и напуганные, и даже с проблесками сочувствия. Молодая ведьма в безжалостных инквизиторских лапах...

В глазах Прова что-то изменилось. Спустя секунду Ивга поняла, что он попросту узнал Клавдия Старжа.

Великий Инквизитор города Вижны невозмутимо кивнул:

– А ты, ведьма, не сиди. Арестована – вставай, идем...

Ивга судорожно ухватилась за предложенный локоть. Как утопающий за брошенную веревку.

Пров оскалился. Безмятежная дурашливая маска наконец-то сползла с его лица, вечно улыбающиеся губы нервно сжались.

– Вот так покровительство... Ты, Ивга, не размениваешься. На мелочи... – Он дернул ртом. – Ну я, конечно... конечно, раз так, то я тушуюсь, но... – Он подался вперед, к самому лицу Старжа. – Мой инквизитор... Рекомендовал бы вам освидетельствовать венерическое здоровье этой славной девушки. Основными переносчиками этого дела бывают не дипломированные шлюхи, а такие вот девочки с ясными глазами... Приношу свои извинения. Прощайте. – Он вежливо наклонил голову.

Ивга почувствовала, как мышцы руки, за которую она держалась, каменеют под рукавом летнего пиджака.

* * *

Ее пятки были – сплошная ссадина, а от старых кроссовок и вовсе ничего не осталось; Клавдий поймал машину и привез Ивгу на площадь Победного Штурма. Кажется, у нее повышалась температура; по крайней мере, трясло ее, как в жестокой горячке.

– С...сволочь... Ну как же у него... язык... не отвалился...

– Перестань. Это и было сказано в расчете на твои слезы.

Клавдий ощущал неподобающее раздражение. Ненужное; следовало признать, что слова этого парня об Ивге задели его больше, чем он ожидал. Собственно, приличный человек в таком случае немедленно бьет болтуна по лицу...

Клавдий поморщился. Вот так забавное зрелище – Великий Инквизитор, сцепившийся с молодым чугайстером из-за юной ведьмы. Стоящее того, чтобы пригласить в партер его сиятельство герцога...

Не будь он так раздражен – сумел бы, наверное, проявить по отношению к Ивге сочувствие и подобающий такт. Но раздражение требовало усилий – удержаться, скрыть, внешне не выказать; Ивга приняла его отчуждение за брезгливость. Будто бы цинизм этого... Прова переменил отношение Клавдия к своей подопечной.

– Тебе надо отдохнуть, – сказал он сухо. – Завтра важный день... Из провинции Одница привезли трех ведьм, работавших в сцепке. Помнишь, что я говорил про сверхценность? Про цель?

Ивга молчала, глядя в темное окно. Он не стал дожидаться ответа, прошел в кабинет и позвонил Глюру. Дал распоряжения, выслушал информацию и скрипнул зубами. Удержал себя от побуждения немедленно брать Ивгу и ехать во дворец на срочную работу; вернулся в комнату. Ивга не переменила позы.

– Ты знаешь, что такое насос-знак?

Ивга, не оборачиваясь, мотнула головой.

– Знак, который рисуют на одежде... иногда на коже. Если на коже – жертва умирает в течение суток от полного упадка сил, обезвоживания, обессоливания... Рисовать на одежде проще и практичнее. Знак малыми порциями высасывает человека, который его носит. Обладателем силы становится ведьма, нанеся знак...

Ивга медленно повернула голову. Клавдий неторопливо продолжал:

– В Эгре накрыли мастерскую... ателье, пошив дорогой одежды. Они рисовали знаки под подкладками пиджаков. Выбирали состоятельных молодых мужчин... и те чахли. Годами; точное количество клиентов уже невозможно установить. А погорели мастерицы на внезапной жадности. Принялись лепить знаки всем подряд, одиннадцать смертей за неделю...

Ивга глотнула. Дернулась тонкая шея.

– В поселке Коца... в десяти километрах от Вижны. Пригород, можно сказать... так вот, нашли зал инициаций, в подземном гараже. Взяли двадцать действующих ведьм... Двадцать, Ивга! Раньше столько хватало за полгода... во всем округе... Ты понимаешь, зачем я все это говорю?

Опущенная рыжая голова неохотно кивнула:

– Да... чтобы я бодрее... работала зеркалом. Искала схвер... сверхценность. Да буду искать, куда мне деваться-то...

Клавдий хотел сказать – если тебе трудно, можешь отказаться. Но не сказал. Потому что ведьму-матку *надо* искать. *Надо* найти, все равно какими методами...

– Я хочу, чтобы ты была моим сознательным союзником. Я дам тебе одну вещь; четыре-ста лет назад Великий Инквизитор Вижны, господин Атрик Оль, писал отчеты самому себе – о каждом прошедшем дне. Последнюю запись он сделал рано утром, а вечером того же дня ведьмы сожгли его на костре. Я дам тебе эту книжку, ты прочитаешь и многое поймешь.

Рыжая голова кивнула снова – без энтузиазма. Клавдий вздохнул:

– Ивга, давай-ка я вызову машину, поедешь... к себе. Примешь ванну – и спать.

Она подняла голову.

Воспаленные глаза ее были двумя злыми щелками. Сжатые губы казались тонкой ниткой; она набрала в грудь воздуха, будто собираясь что-то сказать, – но промолчала. Снова стиснула губы. Отвернулась.

– Не понял, – негромко сообщил Клавдий.

Ивга дернула плечом – объяснять, мол, не стану.

– Не понял, – повторил Клавдий уже удивленно. – Чем я тебя опять обидел? Ущемил твою драгоценную волю? Подавил? Принудил? А?

– Руки после меня помойте, – сказала Ивга сквозь спазм в горле. – И квартиру... продезинфицируйте. Чтобы такая грязная тварь, как я... не наследила.

С минуту Клавдий молчал, озадаченный.

Потом сообразил. Она все еще переживает оскорбление, нанесенное циничным чугайстером. И унижение оттого, что Клавдий это слышал. И никак не отреагировал – стало быть, принял к сведению, ни капли не удивившись.

– Ивга... дурочка. Ну мало ли кто что вякнул. Он же... чугайстер.

Это слово его язык привычно не желал выговаривать, потому вышло с запинкой. Но очень красноречиво. Ивга вскинула мокрые глаза:

– Он... зачем?.. подонок. Отомстил же уже, хватит... Так нет... Плюнул в спину... ядом... Чугайстеры – они же все... мучители. Как с навкой... Я видела. Хоровод... колесо. Кишки хорошо наматывать... Навки – не люди, но *эти* еще хуже... И почему им *это* позволяют? Все позволяют, будто так и надо? Навка... орет... А потом мешок, пластмассовый, на молнии... и фиалками пахнет... вроде бы фиалками, мерзко так...

Клавдий зажал себе нос. Невольно, машинально, – не желая чувствовать запах, существующий только в его воображении.

Ивга осеклась. Захлопала мокрыми ресницами, часто-часто, как крыльями. Хлоп-хлоп...

Он повернулся и вышел на кухню. Вытащил из холодильника бутылку пива, откупорил зубами и вылил в себя. Не ощутив вкуса. Желая забыть *тот* запах. И прогнать из мыслей мешок, полиэтиленовый, грязно-зеленого цвета. На железной молнии...

– Я... что-то не так сказала?

Ивга стояла в дверях кухни. С высохшими глазами. Внимательная и напряженная.

– Нет, Ивга. Все в порядке... Просто я терпеть не могу... фиалок.

Она покусала губу:

– Простите.

– За что?

Она смотрела серьезно. Грустно и даже, кажется, сочувственно.

(Дюнка. Май)

Два часа блуждания по ночным улицам привели его в состояние болезненного отупения; опьянение выветривалось непростительно быстро, и на смену ему приходила отвратительная, мерзкая тоска. Оглядываясь на последние полгода своей жизни, он с трудом удерживался от соблазна побиться головой о стену.

Не раз и не два ему истошно сигналили машины, и водители, которым он перешел дорогу, ругались и грозили кулаками; не раз и не два Клав подумал о счастливом небытии, которое так просто отыскать под случайными колесами глупых гонщиков. Последний раз мысль о самоубийстве была такой неестественно приятной, что пришлось сильно огреть себя по лицу. Жест заправского истерика...

Когда прошла жгучая боль от удара, Клав понял, что желание наложить на себя руки обладает свойствами болезни. Вроде как навязчивая идея; вроде как прощальный подарок пропасти, которая так его и не получила...

...но, возможно, еще получит. Клав сжал кулаки так, что ногти врезались в ладони.

Дюнка.

Ты ведь – Дюнка? Или... кто ты такая, а?!

Он долго стоял в подъезде, и редкие любители ночных прогулок, входившие в дом и выходившие из него, опасливо косились на странного, застывшего в одной позе парня.

Потом он вызвал лифт и, уже несомый где-то между одиннадцатым и пятнадцатым этажом, подумал о пустоте под тоненьким перекрытием лифтовой коробки и о двух массивных пружинах, торчащих – он когда-то видел – из пола лифтовой шахты.

Потом он отпер дверь своим ключом.

Дюнка... та, кого он привык считать Дюнкой, не спала. Наверное, она вообще не спит.

– Клав?..

Он вспомнил выражение ее глаз. Там, на крыше, когда она склонилась над ним, так и не переступившим *грань*. И смотрела чуть недоуменно... непонимающе. Разочарованно?..

– Это я, – сказал он глухо, хотя Дюнка, конечно, ни с кем не могла его спутать. – Привет.

Дюнка мигнула; давно не виделись, подумал он устало.

– Клав, ты...

– Отвечай мне, Докия. Смотри в глаза и отвечай. Ты... тянешь меня за собой?
Молчание. Ему показалось, что на дне ее глаз метнулась мгновенная паника.

– Ты хочешь моей смерти? Почему? Ты думаешь, так будет лучше? Ты не подумала спросить меня, а *хочу* ли я... такого поворота дел?

Молчание. Дюнкино лицо сделалось вдруг не бледным даже – серым, с оттенком синевы. Огни фар, отражающиеся от белого потолка, выхватывали из полумрака то резко выдающиеся скулы, то темную полоску сомкнутых губ, то глаза, ввалившиеся так, что глазницы казались круглыми черными очками.

Она не живая.

Страх ударил, на мгновение лишив дара речи, прихлопнув, парализовав; Клав стиснул зубы. *Это* он знал и раньше, но знать – не значит верить.

– Ты не Дюнка, – сказал он глухо. – Зачем ты меня обманывала?

Беззвучно захлопали ее мокрые, сосульками слипшиеся ресницы.

Если она не Дюнка, откуда у нее этот жест?!

– Ты не Дюнка, – повторил он сквозь зубы. – Не притворяйся. Дюнка не стала бы меня... убивать.

Чуть шевельнулись темные губы. Слово так и не сложилось.

– Я виноват, – сказал он глухо. – Но у меня... теперь у меня нет выбора. Потому что я хочу жить...

– Клав... – Он вздрогнул от звука ее голоса. – Прости, я не... только не отдавай меня... *мм.* Я люблю тебя, Клав... Я... клянусь. Не отдавай... Я боюсь...

– Признайся, что ты не Дюнка. Признайся, ну?!

Очередная вспышка света высветила две блестящих бороздки на ее лице:

– Что я... не я?.. Как скажешь...

Он хотел сказать – «уйди откуда пришла». Но не сказал. В горле стоял комок.

– Оставайся. Ты свободна... делать, что хочешь. Но я тебя боюсь... Дюнка. Я уйду.

– Не... покидай...

– Я хочу жить!

– Клав... не покидай... меня... будем вместе. Пожалуйста...

Она шагнула вперед, протягивая руки. Клав отшатнулся, будто его ударили, метнулся прочь, захлопнул за собой дверь.

И услышал глухой стон. Совершенно нечеловеческий звук; так мог бы стонать упырь, упустивший добычу...

И сразу – детское всхлипывание.

Он забыл, где лифт.

Ударившись в чью-то дверь, он вылетел на лестничный пролет и кинулся вниз, охваченный паническим, тошнотворным ужасом. Он несся прыжками, чудом не подворачивая и не ломая дрожащие ноги; его ботинки грохотали по бетонным ступеням, и ему казалось, что в полутьме ночной лестницы за ним гонятся. Бесшумно и страшно.

Потом бесконечная лестница закончилась; на улице, освещенной огнями, не было ни души. Клав перебежал к противоположному тротуару и, не удержавшись на ногах, упал на четвереньки.

Никто не видел его. Разве что старушка, страдающая бессонницей, да влюбленные, проводящие ночь во взаимных ласках, могут взглянуть сейчас в окно и увидеть посреди пустой улицы шатающегося подростка-наркомана...

Телефонов было три. Шеренга, застывшая в ожидании жетонов.

Клав обшарил карманы. Жетонов не было; впрочем, *этот* номер относится к числу немногих, для которых платы не предусмотрено...

А, вот ключ. Ключ от съемной квартиры; ключ от двери, за которой тоскливо стонет... нет, не надо вспоминать. Ключ жжет пальцы, прочь его, прочь...

Кусочек металла звякнул в железном брюхе урны. Клав не испытал облегчения.

В телефонной трубке равномерно гудел космос. Клав поднял глаза к единственной звезде, одолевшей и тучи, и заслон высоких крыш; если у космоса есть голос – это голос пустоты в телефонной трубке. Набирай...

Четыре единицы. Запомни, каждый гражданин: один, один, один, один!..

Трубка опустилась на рычаг. Не-ет...

Жуткий звук, поразивший его из-за закрытой двери, повторился снова. В безобразно цепкой памяти. Так, что захотелось зажать себе уши.

«Запомни, каждый гражданин... мы твой храним покой. Четырежды нажми «один»... недрогнувшей рукой...»

Он засмеялся. Недрогнувшей... как прочно заседает в голове всякий мусор, вроде детских стишков...

Чуть ниже клавиатуры некая недрогнувшая рука выцарапала чей-то номер. И нарисовала непристойную картинку.

Трубка поднимается к уху, как пистолет к виску. Никогда не приходилось поднимать пистолет...

Указательный палец четырежды коснулся единицы.

Короткий гудок. Вежливый женский голос:

– Диспетчерская службы «Чугайстер». Говорите.

Он молчал.

– Диспетчерская службы «Чугайстер». Говорите...

Клав дернул за рычаг. С силой, едва не выворотив его из гнезда.

– Не ломай телефон.

Как холодно. Какой внезапный холод.

Клав оцепенел, не сводя глаз с непристойной картинки. В телефонной будочке стало темнее. Потому что снаружи падала тень.

– Клавдий Старж, третий виженский лицей... Ночной сокрушитель таксофонов.

Клав обернулся.

Теперь он вспомнил, где они встречались. На посту дорожной инспекции, где Клав врал про некую проститутку, а подвозивший его водитель смотрел удивленно, с изрядной долей гадливости. А чугайстеров было двое, и говорил в основном тот, который повыше...

– Видишь, как смешно, Клав. Ты не успел еще и номера набрать, а мы уже тут как тут... Во всеоружии. – На ладони, обтянутой черной перчаткой, лежал ключ. Тот, что три минуты назад полетел в урну.

– Да, Клавдий Старж. Ты однажды обманул меня. Провел. Никому, кроме тебя, до сих пор этого не удавалось. Ты далеко пойдешь, Клавдий Старж... – Прозрачные глаза чугайстера придвинулись ближе. – Ты далеко пойдешь, потому что... хоть ты и обманул меня – но все-таки остался жив. Поздравляю.

* * *

Со стороны показалось бы диким – но больше всего сейчас он боялся обрадоваться.

Потому что через несколько минут будет уничтожено положение вещей, превратившее его жизнь в сплошную пытку.

Но он знал, что, если испытает сейчас хоть тень облегчения – никогда себе не простит. Безнадежно падет в собственных глазах, потеряет право именовать себя мужчиной, Клавом, собой...

Но он не почувствовал облегчения.

Он вообще потерял способность что-либо ощущать – просто стоял и смотрел. Окна на пятнадцатом этаже. Неторопливые шаги по лестнице, гул грузового лифта...

Потом они вышли.

И *она* шла с ними – сама.

Глава 8

Человек, живший четыреста лет назад – Великий Инквизитор Атрик Оль, – и не предполагал, что его подробный, для домашнего пользования писанный дневник будет расшифрован, адаптирован к языку далеких потомков и издан для служебного употребления. Поскрипывая при свече гусиным пером – а Ивга была уверена, что перо, в особенности гусиное, обязано скрипеть, – Атрик Оль скрупулезно переносил на бумагу впечатления прошедшего дня, понятия не имея ни о будущих читателях, ни о своей собственной жуткой участи; книга, которую Ивга начала читать с последней страницы, производила на нее странное впечатление, одновременно притягивая и нагоняя тоску.

Последняя запись была датирована днем смерти автора и казалась бессвязной, рваной, неоконченной.

«Вчера, испытывая сильную боль в правой половине живота, не совершил подобающую запись, посему исправляю упущение с утра... Сударыни мои ведьмы, как представляется, сами устрашились дела рук своих – и за вчерашний день вода не поднялась ни на палец... Так твердят люди, так твердит оставшийся в городе сброд, так полагает даже сам господин герцог – я не спешу разубеждать их, потому как надежда греет и насыщает, если нет тепла и пищи, пусть утешаются надеждой... Я один не усомнюсь ни на мгновение, что сударыни мои не способны собственных безобразий устрашаться – и если сегодня вода не поднялась, завтра жди напасти еще худшей...

А потому я один не могу надеяться – такого рода надежда лишит меня сил, а ведь я должен приготовить для сударыней моих отдарок... Ибо матка, Матерь-Ведьма, затаилась так близко, что я не могу спать, чуя ее дух... И не далее как сегодня я схвачу ее шею железными клещами, которые уже выковала моя воля...

...Мне виделся мир, где сударыни мои изведены под корень. Скучен и сер и бесплоден; однако мир, где сударыни мои расплодилось без меры, ужаснее стократ... И нет будущего, камень не стоит на камне, а носится в бесконечном месиве из воды и суши, ни один дворец не устоит, лишенный твердой опоры... Долга, обязанностей... цепей, лишаящих нас воли – но дающих нам силу жить...

Красногрудая птица, именуемая также снежной, просит хлеба под окном. Велю служанке накормить ее – в последние скудные дни и служанка сделалась скупа...»

На этом месте записи заканчивались. По всей видимости, Великий Инквизитор Атрик Оль в жизни не написал больше ни строчки – разве что подпись под каким-нибудь последним приказом; короткий комментарий сообщал только, что «в результате прямого контакта с предполагаемой маткой, ставшего, вероятно, причиной скорой смерти этой последней, инквизитор Атрик Оль был обессилен и частично ослеплен, после чего масса собравшихся в городе ведьм получила над ним неограниченную власть. На гравюре неизвестного художника, ставшего, по-видимому, очевидцем событий, запечатлен момент смерти Атрика Оля – ведьмы засмолили его в бочке, обложили соломой и сожгли...»

Она сидела во Дворце Инквизиции, в приемной, в обществе молодого референта, который делал вид, что страшно занят. На стене висел большой экран, на котором без звука шла аналитическая программа. Оторвав взгляд от книги, Ивга увидела знакомое лицо на экране – не то политик, не то журналист, но совершенно точно – лгун; «...очистить, в какой-то мере...»

Ивга включила звук.

– ...Все эти скромные и честные, за которых отечески ручалась наша славная Инквизиция... кого она держала на так называемом учете, а значит, на свободе... Так вот, сегодня это действующие ведьмы. И, может быть, уже через год они создадут свою «Инквизицию»! И нас с вами, не принадлежащих к ведьминому роду... а таких через год будет меньшинство... и нас с

вами будут брать на учет и сажать в изоляторы. Ведьмы будут править миром, вот представьте себе! Вам не нравится?! Так напомните герцогу, что вы граждане! Что вы платите налоги! Что беспомощная структура, именуемая себя Инквизицией, должна либо защитить вас, либо закрыть свою ко...

Ивга, поморщившись, переключила канал. На экране появилась молодая смешливая девушка, поперек лица ее темнела черная полоска – «маска», создающая иллюзию анонимности.

– ...это сделала?

– Она у меня парня увела.

– Того самого, за которого она замуж выйти хотела?

– Хи-хи... Хотела. Перехотела, с-с-с...

Цензура прикрыла непотребное слово длинным сочным шипением.

– Ты знаешь, что за такое бывает?

– Ведьме бывает, а не мне.

– Ты ей заплатила?

– Хи-хи... Так я вам и сказала... Если заплатила – это уже сговор. А так – кто знает...

– У человека ноги отнялись – тебе разве не жаль?

– Наперед думать надо было... когда чужого парня отбивала!.. С-с-с... С-с-с!..

В кадре появился комментатор, глядящий так проникновенно, что Ивге пришлось на ум слово «волоокый».

– Человечество живет в обществе ведьм не день и не два... И не век... Посмотрите вокруг. Вы, вы сами – никогда не вступали с ними в сговор? Если да – то почему плачете теперь, обнаружив в тетрадке вашего занемогшего сына цепь-знак, открытку, подаренную одноклассницей?

Ивга приглушила звук:

– Что такое цепь-знак?

– Ты не могла бы мне не мешать?

Референт хмурил брови, но в глазах его не было раздражения. Ивга знала, что этот молодой честолюбивый парень, который тем не менее вряд ли сумеет когда-нибудь стать инквизитором, втайне ей симпатизирует.

Она улыбнулась, сама чувствуя, как мило и обаятельно приподнимаются уголки губ:

– Миран... извините.

Референт посопел, притворяясь, что погружен в работу; наконец тяжело вздохнул:

– Цепь-знак... Значок одноразового воздействия. Воспроизводится любым классом ведьм с уровнем «колодца» не ниже тридцати... Что такое уровень «колодца», ты знаешь?

Ивга кивнула:

– Примерно.

– Так вот. Цепь-знак имеет свойство вызывать стойкую привязанность к человеку, этот значок предъявившему. «Цепной» человек, лишенный общества «хозяина», испытывает муки наркомана, которого лишили дозы... Я понятно объяснил?

– Как энциклопедия, – сказала Ивга серьезно.

Зазвонил телефон; подняв трубку, референт привычно захватил ее плечом:

– Приемная Вижна-один...

Ивга увидела, как брови его дрогнули; голос, впрочем, не изменился ни на йоту:

– Да, ваше сиятельство. Да, прямая линия сейчас отключена... Да, ваше сиятельство.

Одну минуту.

Щелкнула кнопка. Референт заговорил другим голосом – не суховато-вежливым, каким говорил с Ивгой и, как выясняется, с герцогом тоже, а сдержанно-почтительным, каким разговаривал исключительно с Клавдием:

– Прошу прощения, патрон... Его сиятельство на проводе, патрон... Да, патрон...
Через полчаса дверь кабинета открылась. Клавдий Старж, мрачный как туча, проигнорировал референта и скупое кивнул Ивге:
– Пошли. Пора работать.

* * *

Корова идет под луной, белая, будто фарфоровая.
(Ищи сверхценность)
Вымя касается высокой травы; Ивга упивается силой. Не тратит ее и никак не выказывает, просто несет, будто до краев наполненный подойник. Ее сила как молоко, с запахом травы и цветов.
(Ищи сверхценность сверхценность сверхценность)
По белому зрачку луны проползает длинная, как червь, темная туча. Корова испуганно дергает ушами; в громкий запах ночного поля влетается едкая струйка дыма.
Мир пуст; счастье иллюзорно. Корова – фарфоровая безделушка, сила – ветерок, едва касающийся трав...
(Ищи)
Она – заблудившаяся дочка. Она не найдет мать – слишком велико поле, слишком высоко стоит зеленая рожь...
Ивга плачет. Где ее мать?

* * *

В машине она спросила у мрачного Клавдия:
– А вы видели, как действует цепь-знак?
– Замечательные у тебя интересы. – В его голосе явственно прозвучало презрение.
Ивгу задело: будто по ее лицу провели холодной мокрой тряпкой. Будто хлестанули розгой...
Интересно все же, о чем сегодня беседовали его сиятельство герцог и Великий Инквизитор города Вижны.
– Круг моих интересов непередаваемо широк, – отозвалась Ивга холодно. – Может быть, мне надо знать про цепь-знак. Для общего развития.
– Странно, – пробормотал Клавдий равнодушно. – Я был о твоём интеллекте более высокого мнения.
Ивга оскорбилась и надолго замолчала.

* * *

В маленькой квартирке, которую Ивга привыкла мысленно называть своей, она приняла душ и задремала перед телевизором; засыпать в одиночестве на огромной, как поле, кровати было слишком тягостно и нудно. Телевизор бормотал глупости – зато почти человеческим голосом; Ивга задремала, и телефонный звонок заставил ее подпрыгнуть в кресле.
– Цепь-знак, – сказал Клавдий безо всякого приветствия, – вернейшее средство убить всякое доброе чувство. Когда один человек физически не может жить без другого... и причиной этой зависимости – грубое принуждение... Это изощренная пытка, Ивга.
Ивга молчала, прижавшись к трубке щекой.

– Ты будешь смеяться, но я видывал и ведьм, которые единственно *для этого* прошли инициацию. Чтобы вернуть любимого.

Ивга облизнула губы.

– Но они ошиблись, Ивга... После инициации... короче говоря, у действующих ведьм вообще не сохраняется потребности кого-либо любить. Любовь – чувство, которое делает человека зависимым. А ведьмы этого не терпят.

Часы на книжной полке, с виду бронзовые, а на самом деле пластмассовые, громко тикали в тишине; по темному циферблату ползла красная секундная стрелка.

– Вы тоже... не терпите зависимости? И поэтому никого не любите?

Теперь молчал Клавдий. Достаточно долго; Ивга ждала. Красная стрелка завершала круг.

– Собственно, зачем я позвонил... Я только что говорил с Назаром. Он много думал, он готов с тобой встретиться. А ты готова?

Прыгнуло, замирая, сердце.

* * *

В половине третьего ночи Клавдия поднял телефонный звонок.

Спустя десять минут он впрыгнул в приоткрывшуюся дверцу служебной машины, и пузатая цистерна-поливалка, степенно ползшая вдоль кромки тротуара, испуганно шарахнулась от черной с затененными стеклами бестии.

Ехали молча. Позавчера Клавдий подписал приказ, санкционирующий участие Великого Инквизитора в оперативных выездах; сейчас, когда черная машина бесшумно неслась пустыми, призрачно освещенными улицами, в его ноздрях стоял запах горящего оперного театра. И подраненная рука напоминала о себе раздражающим неудобством.

У входа в ночной клуб «Тролли» перемигивались маячками две полицейские машины; Клавдий прикрыл глаза. Он не чуял ведьмы. И это почему-то было плохо.

Вместо обычного вышибалы на входе дежурил мрачный полицейский; Клавдий не счел нужным предъявлять ему значок. За него это сделал идущий позади Коста.

– Спокойно, Инквизиция.

Уютный зал, направо бильярдная, налево еще какая-то ерунда, наверное, бар... Полным-полно полицейских. Полуодетые люди вдоль стен; нет, это не люди, это полуодетые господа, посетители клуба «Тролли». И их дамы, прикрывающиеся кто чем. Небрежно брошенное на столик вечернее платье, упавший бокал, лужа дорогого коньяка, впитавшаяся в еще более дорогой ковер... Какая-то ажурная тряпочка под ногами...

Стоп. Нечто в углу, накрытое простыней. Простынями... И здесь – жертвы...

Клавдий закусил губу. Он не чуял ведьму – но ощущал неясное напряжение. Как будто держишь в руках фальшивую купюру – со смутным беспокойством, хотя глаза и говорят, что беспокоиться нечего.

Он обернулся к Косте. Тот мрачно пожал плечами.

– Что случилось, хозяин?

Высокий тучный человек с невыразительным лицом не был хозяином. Просто дежурный администратор – и, вероятно, вскорости этого места лишится.

Навзрыд плакала полуголая дама, умоляя позволить ей уехать; полицейские со скрытым злорадством отказывали. Кто-то просил разыскать оброненное брильянтовое кольцо, кто-то бранился, как последний грузчик, но большинство молча стояли вдоль обитых шелком стен. Администратор вздрогнул, встретившись с Клавдием глазами.

– Дело вот в чем, – сообщил розовощекий капитан полиции, неслышно оказавшийся рядом. – Здесь работала стриптизерша. Они взяли ее на работу месяц назад... без документов. Без документов вообще, за одни только красивые сиськи!

Розовощекий капитан сделал возмущенную паузу. Клавдию, находившемуся в рабочем ритме восприятия, она показалась долгим бессмысленным молчанием.

– Без документов взяли за красивые сиськи, – проговорил он сухо. – Дальше?

Капитану понадобилось время, чтобы ухмыльнуться; Клавдий терпеливо ждал.

– И когда эта девка сегодня вышла на сцену... они никто не может толком рассказать! Посудомойка из бара успела позвонить в полицию, представляете, посудомойка!.. А мы, как приехали, сразу же позвонили вам, потому как дело это по вашей части... Вот...

Капитан кивнул молодому полицейскому, несущему вахту около укрытых простынями тел. Парень откинул ткань, стараясь глядеть в сторону.

Пятеро, с неприятными лицами удавленников, со следами веревки на шее, абсолютно голые... Четверо мужчин и полнотелая дама. Клавдий отвернулся.

– На люстрах. – Розовощекий капитан снова сделал паузу, на этот раз зловещую. – Кто на чем – на ремешках, на шнурочках... Так и висели, как груши, пока прочие... ну так и не скажешь точно, чего было-то, по вашей части это дело... Стриптизом они все, короче, как один...

Клавдий вскинул голову:

– Как?

Капитан кивнул на тучного господина, сквозь шерсть на груди которого проступала изящная татуировка. Тот шагнул вперед, несмотря на протестующий возглас наблюдающего за порядком полицейского:

– Господа инквизиторы... Я хотел бы сохранить в тайне свое имя, от прессы... Я достаточно известный в городе человек... Так вот, я готов назначить достаточно высокую премию за поимку этой ведьмы. Большая, полная, черноволосая, на левом плече родинка...

– Что здесь было? – мягко перебил его Коста.

Известный человек потупился:

– Мы все осознавали, что делаем... Это было... ужасно. Как в трансе, как под, извините, гипнозом...

– Они все танцевали стриптиз, – с нервным смехом сообщил капитан. – Все, мужчины и бабы, дотанцевались догола, а эта сука стояла смотрела... Потом вешаться принялись... все бы перевешались...

Известный человек поднял руку к лицу:

– У нее из глаз были... знаете, такие... такие из глаз, вроде как флюиды... если это можно так назвать...

– А потом? Куда она девалась потом?!

Вмешался администратор. Тень скорого увольнения уже лежала на его лице – но он ухитрился сохранять самообладание:

– Как только послышалась полицейская сирена... Она ушла. Через черный ход.

– Почему вы ее не задержали?! – возмутился известный человек. Тень на лице администратора проступила отчетливее.

– Допрашивать будете? – Розовощекий капитан благодушно кивнул на полуодетых, близких к истерике посетителей.

Клавдий покачал головой.

Присутствие ведьмы... Присутствия вроде бы не было. Тревога была – неопределенная и потому все нарастающая. Переходящая в чувство опасности.

Коста, руководитель опергруппы, чуял еще острее. Его люди стояли тесной группкой, и Клавдий заметил, что они инстинктивно стараются держаться парами, спина к спине, – значит, ощущают опасность тоже.

– Эвакуируйте потерпевших и персонал, – сказал Клавдий розовощекому капитану. – Отзовите своих людей. В здании останется только Инквизиция.

Капитан на минуту опешил – но возразить не решился.

* * *

«Многие спрашивали меня, и много раз я сам себя спрашивал: а не роднится ли мастерство инквизитора с искусством колдуна?.. Все мы знаем, что сила ведьмы – от ведьмовства ее, и нет ничего удивительного, если сударыни мои умеют безо всякого яда отравить источник и отворить кровь безо всякого ланцета... Какого же рода та сила, что обуздывает сударынь моих, от века не знающих узды?..

Говорят об инквизиторах, что они колдуны. Говорят, что начертания на камне, коими братья мои инквизиторы угнетают сударынь моих ведьм, есть не что иное, как колдовские знаки; говорят, что инквизиторы подчиняют себе силою колдовства. Спрашивали и меня об этом, но я молчал.

Те, что зовут себя колдунами и живут в пещерах, заставляя нетопырей прислуживать себе, – те, как я думаю, странны и бесполезны. Они твердят, что добывают знание, – но что их знание, пыль на столешнице непознанного... Их заклинания действуют одинаково на нетопырей и белок, и даже людей и ведьм – колдуны не делают различия; их умение бывает красивым и поражающим воображение – но и только. Что проку в нетопыре, подносящем вино, – горько глядеть на мучимую тварь...

Впрочем, я отвлекся. Вода в бутылки, которую я положил себе под ноги для согрева, остыла – время распорядиться, чтобы бутылку заменили. В эту зиму самые крепкие ставни не спасают от холодов... А у меня так ноют суставы, и все ухищрения лекаря действуют неполно и совсем недолго...

Говорят, что у колдунов не болят суставы. Говорят, что колдуны никогда не болеют – и здоровыми, как весенние птички, ложатся в гроб... Умирать здоровым обидно. Жить в болезни – обиднее, но о чем я, ведь будь я, Инквизитор Вижны, колдуном – к чему мне лекарские примочки?..

Служанка пугается, видя, как я смеюсь сам над собой...

Значит ли, что всякий инквизитор не есть в то же время колдун? Что умение инквизитора – не магический дар? Что такое те невидимые петли, которыми мы заарканиваем сударынь моих ведьм, и почему они не действуют на прочих?..

Говорят, инквизитор, умеющий повелевать ведьмой, повелевает и всеми другими тоже. Да, скажу я, – как повелевает всякий человек, исполненный внутренней силы; нет никаких тайн в умении инквизитора подчинить себе друга, любовницу или хоть толпу горожан. Он делает это без помощи своей силы – одной своей волей... Но для начертания на камне дознавательного инквизиторского знака одной воли мало.

И тогда, в ночной печали глядя в огонь, я спрашиваю себя: ведь ведьмы тоже творят знаки? Иные, но природой своей схожие с нашими? Что, если сила инквизитора – всего лишь отражение ведьминской силы, данной нам против ведьм и для того, чтобы мир оставался прежним?..»

Ивга закрыла книгу.

Мир оставался прежним; за окном поднимался рассвет. И теперь о встрече с Назаром можно с полным правом говорить – сегодня.

* * *

Он наивно полагал, что знает о ведьмах все.

Он шел вслед за Костой – маркированным инквизитором, блестящим оперативником; может быть, именно поэтому его собственное внимание оказалось чуть притупленным. А

может быть, нет – просто все, что случилось потом, на несколько порядков превосходило его блестящую реакцию.

Коста встал. Начал поднимать руку, будто желая защититься, – и медленно, как в рапиде, стал валиться на бок.

И тогда Клавдий ощутил то же.

Потому что ведьма была здесь. Никуда не ушла. Не сбежала через черный ход. Она попросту сделалась недосыгаемой для их чутья; в момент удара, свалившего Косту, Клавдий увидел ее только глазами, потому что чутье его молчало, полумертвое, ошпаренное.

Да погибнет скверна.

Женщина смеется. Покачивает на руках серый с блестками шарф – как младенца; смеется снова, и от этого ее смеха у него, возможно, прибавится седых волос. Вот он, старый его кошмар, повторяющийся, бывало, из ночи в ночь – будто он встречается ведьму, превосходящую его по силам...

Нет, дело не только в этом. Что за странный, вызывающий, неестественный жест – она баюкает шарф...

«Наша мать – нерожденная мать».

Снова смех.

Ее уход не был похож на бегство; она как будто не допускала и мысли, что Клавдий станет ее преследовать. Шарф, переставший исполнять роль младенца в жутковатой игре, упал на паркет рядом с неподвижным Костой.

– Стоять!

Он не произнес ни звука, но она отчетливо слышала его окрик. Полуобернувшись, обнажила в усмешке зубы.

Он ударил.

Удар способен был свалить с ног полдюжина ведьм – но эта лишь улыбнулась шире; только секунду спустя он понял, что прорвал ее защитную завесу и теперь может чутять ее.

Но не может классифицировать.

Щит? Флаг? Воин-ведьма?

– Стоять, тварь!..

Сквозная дыра. Колодец без дна.

* * *

Был рассвет.

Она бежала, едва касаясь асфальта босыми белыми ступнями; Клавдий кинулся к машине, где растерянный бледный водитель пытался и не мог завести безотказный прежде мотор. Клавдий вытолкнул его из-за руля, упал на сиденье сам, сжал зубы, напряг мышцы, вырывая тупое железо из-под чужой воли; двое парней Косты на заднем сиденье, похожие, как близнецы, одинаковым движением вывели в воздухе каждый по знаку Пса. Он ощутил их слабую, но помощь.

Ведьма бежала по пустынной утренней улице, по самой середине, по осевой, но ступни ее все не утрачивали младенческой, снежной белизны; он собьет ее. Если не удастся схватить – он собьет ее, бросит под колеса...

Машина не желала повиноваться. Несмотря на его усилия, на знаки Пса и специальную маркировку, нанесенную, как положено, на днище; Клавдий дергал рулем, уходя от столбов и бетонных оград, а ведьма бежала легко, играючи, и расстояние между ними не сокращалось.

«Тогда придет она, чудовищное порождение враждебных человеку сил... Она придет, и стадо кусачих мух сделается смертоносной армией безжалостных ос...»

Неужели?!

Сбить на асфальт танцующую на бегу фигурку профессиональной стриптизерши – прихлопнуть поднимающуюся гадючью голову, оборвать весь этот кошмар, кошмар последних недель?..

Всплеск его воли на мгновение высвободил машину – так, что очертания улицы размазались, а парни на заднем сиденье опрокинулись на спинку; Инквизиция предпочитает мощные моторы. Расстояние между Клавдием и ведьмой за несколько секунд сократилось вдвое; стриптизерша обернулась, в ее глазах стоял смех. Если бы руки Клавдия не прикипели намертво к рулю – заткнул бы уши.

В следующее мгновение лобовое стекло покрылось трещинами, сделалось мутным и непрозрачным. Клавдий нажал на тормоз; стекло волной осыпалось наружу.

Он снова видел улицу. Красный полукруг восходящего солнца над крышами, босая женщина, выбегающая на перекресток... Розовыми прожилками сверкают на асфальте подсвеченные солнцем трамвайные рельсы. Синим контуром встало в конце широкой улицы далекое здание вокзала. Как безмятежно, как красиво...

Он опускает ее?!

Ярость помогла ему собраться с силами; его воля рванулась вслед за ней, дотянулась до босых ног, навесила на щиколотки пудовые, неподъемные гири... Или нет?!

Да. Вот она споткнулась, замедлила шаг... Пытается вырваться, и вырвется наверняка, но на это потребуется несколько секунд, тех самых, вот этих...

Улица снова размазалась по сторонам от машины – и в лицо ударил ветер, и запоздало осыпался последний островок недобитого лобового стекла. Солнце вставало, солнце, испуганно притормозила опустевшая поливальная машина... Ведьма хромала, с каждым шагом все более избавляясь от невидимого, подаренного Клавдием груза, но расстояние до нее становилось все меньше, меньше, меньше... Клавдий уже различал прореху на подоле тонкого светлого платья, длинную царапину на обнажившейся голени и розовое ухо, пробившееся сквозь пелену темных блестящих волос.

Он напрягся, готовясь к поединку. Возможно, самому важному. Возможно, главному в его жизни. Может быть, последнему, как у инквизитора Атрика Оля...

Ведьма остановилась в самом центре перекрестка. Под сплетением черных проводов; остановилась и обернулась, и Клавдий встретился с ней глазами.

Она тоже знала о судьбе Атрика Оля. И о судьбе убивших его ведьм знала тоже. И теперь неподвижно стояла и смотрела, как несется прямо на нее черная машина с выбитым лобовым стеклом...

Нет, теперь она смотрела в сторону.

Откуда-то сбоку, с узкой бульжной улицы на перекресток выползал медлительный синий трамвай. Первый трамвай сегодняшнего дня, еще сонный, еще пустой – ползущий к вокзалу трамвай номер два. В квадратных окнах отражалось низкое солнце.

Еще мгновение назад ведьма была здесь – а теперь уже висела на подножке, обеими руками вцепившись в переднюю водительскую дверь; еще мгновение – синяя гармошка открылась, пропуская ведьму внутрь.

Клавдий зарычал, посылая ей вслед удар – слишком слабый, потому что надо было еще и совладать с машиной; ребята на заднем сиденье выхватили каждый по пистолету. Это зря; стрелять по ведьме – себе дороже...

Трамвай дрогнул. Дернулся, как от боли, – и пошел вперед, попер через перекресток, игнорируя все правила движения и свой собственный честный маршрут. Играючи перескочил через стрелку – Клавдий увидел запрыгавшие под колесами искры. Трамвай рванул, въезжая на огромную улицу Индустрии, поддал ходу, покатился под уклон...

Поворот руля. Педаль, вдавленная в пол. Ветер, выедающий глаза.

Невообразимо длинная улица Индустрии на всем своем протяжении еле заметно уклонялась под гору. Трамвай, набравший скорость курьерского поезда, грохотал, раскачиваясь из стороны в сторону, поднимая за собой шлейф коричневой пыли; Клавдий, щуривший воспаленные глаза, сквозь стекло различал оцепеневшую фигурку вагонновожатого. И гордо выпрямившуюся, прямо-таки монументально воздвигшуюся рядом женщину. Клавдию хотелось стрелять. Если бы он не знал, что всякая пущенная в ведьму пуля почти наверняка убивает стоящего рядом свидетеля – а то и самого стрелка...

Улица Индустрии кончилась. Будто вырвали из-под ног длинную ковровую дорожку. Трамвай, не снижая скорости, вылетел на поворот.

Непонятно, как железо может издавать такой звук. Не скрежет – свист, будто тысяча обезумевших регулировщиков вопят в свои свистки, взывая к ведьминому благоразумию...

Трамвай, будто лошадь-иноходец, разом оторвал от рельс все свои левые колеса. Уже в воздухе они продолжали бешено вращаться.

Клавдий изо всех сил потянулся вперед, словно желая поддержать валяющуюся набок громаду; к сожалению, он был властен только над ведьмами. Над городским транспортом – никак.

Трамвай рухнул. Содрогнулась земля, лопнула ближайшая витрина, трамвай перевернулся, вскинув колеса к небу, давя и кроша припаркованные у тротуара машины; перевернулся снова, и какое-то мгновение казалось, что сейчас он ударит о стену дома с расколотой витриной – но силы падения не хватило. Трамвай – уже не трамвай, а его изувеченный труп – опрокинулся назад, в железно-стеклянное месиво, оставшееся от ни в чем не повинных машин, и земля вздрогнула снова.

Клавдий обнаружил, что сидит, изо всех сил упершись в приборную доску, вдавив до отказа педаль тормоза, хотя машина стоит неподвижно, и на заднем сиденье никого нет, дверцы распахнуты.

Солнце вставало, из красного становясь золотым...

Вагонновожатый умер в больнице.

Двое пассажиров раннего трамвая остались жить, а больше на месте катастрофы никого, по счастью, и не было.

Ведьмы не было тоже. Ее так и не нашли.

* * *

Парусник-абажур светился изнутри. На стенах студенческого жилища лежали причудливые тени; Ивга хотела улыбнуться старой, такой знакомой комнате – но не смогла.

Чувство неподъемной вины. Назар ни словом, ни взглядом не упрекнул ее – но Ивга ощущала, как с каждой секундой его присутствия груз ее провинности делается все сильнее и жестче. И не могла радоваться.

Стыдно смотреть в глаза. Но так хочется смотреть, так хочется жадно ловить каждую черточку, мельчайший отпечаток дней, проведенных порознь...

Она вымучила-таки улыбку. Присела на диван, свидетель множества страстных ночей:

– Мне чаю... можно?

Назар серьезно кивнул и ушел на кухню; Ивга, много дней ожидавшая этой встречи, спрятала лицо в ладонях.

За полчаса до свидания ее прямо-таки мутило от волнения. Больше всего она страшилась заметить брезгливость в его взгляде или жесте и потому, давясь ненатуральным хохотом, первым делом сообщила:

– Ты не бойся... Ведьмы, неиницированные, ничем от других людей не отличаются... Даже физиологически, хоть у Старжа спроси...

Эти слова лишней раз подтвердили, что в ходе напряженного ожидания рассудок Ивги слегка помутился – в здравом уме она вряд ли додумалась бы до такой глупости. Назар помрачнел, но промолчал.

Теперь она сидела на диване, закрыв лицо руками, и сквозь холодные пальцы просачивался волшебный, праздничный свет корабля-абжура; Назар хозяйничал на маленькой кухне, и Ивге казалось, что этот звон посуды – насмешка над ее мечтой. Над ее маленькой и теплой, уютной грезой: светится абжур и любимый человек кипятит на кухне чай...

В воздухе витала нотка фальши.

Так выросший ребенок, всю жизнь лелеющий в душе магическое воспоминание о покинутом городе своего детства, возвращается наконец на его пыльные, потные, суетливые улицы – и топчется перед дверью родного дома, растерянно сжимая ручку внезапно потяжелевшего чемодана. Потому что, оказывается, необратимая потеря – не обязательно смерть. Вернее, смерть по-другому, когда внешне ничего не заметно и даже сам умерший не сразу понимает, что случилось...

Назар принес две дымящиеся чашечки. Поставил поднос на стол, уселся на круглую вертящуюся табуретку в углу и оперся острыми локтями об острые же колени.

Ее фантазия все еще цеплялась за обломки мечты; в том мире, который она в очередной раз для себя придумала, Назар сел рядом и взял ее руку в свою; она хотела помочь мечте, подняться, подойти к нему и положить ладони ему на плечи – но в последний момент испугалась, ослабела и едва успела подавить тяжелый вздох.

Воротник его свитера пахнул резковатым, незнакомым одеколоном, и чужой, новый дух перебивал привычный аромат его кожи и волос. Ивга глубоко вдохнула, ее ноздри дрогнули, пытаясь через всю комнату поймать ускользающий запах; Назар заметил это и, как ей показалось, содрогнулся. Или показалось? Или это ее мнительность становится совершенно уже болезненной, нестерпимой?

В ее придуманном мире Назар говорил, не переставая. Смеялся, гладил ее руку и тысячу раз просил прощения за ее, Ивгину, провинность...

С момента их встречи прошла тридцать одна минута. Старенькие часы на стене безжалостно отщипывали время – а Ивга с ужасом чувствовала, как ничего не происходит. Будто в пустом заколоченном ящике.

И тогда ей захотелось, чтобы хоть что-нибудь случилось. Пусть даже плохое.

И потому она спросила, заставив свои губы улыбнуться:

– А как доктор Митец? Как поживает папа-свекор?

Назар поднял глаза. Впервые за тридцать две минуты от начала свидания Ивга встретила с ним взглядом – и на мгновение задержала дыхание.

Потому что в глазах Назара не было ни упрека, которого она ждала, ни брезгливости, которой она так боялась. Это были совершенно прежние, вот только смертельно усталые, больные и печальные глаза.

– Ивга... Я без тебя жить не могу.

* * *

Чай так и остался невыпитым; более того, одна из чашек соскользнула со стола и оставила на ковровой дорожке темную непросыхающую лужицу. Абжур-кораблик невозмутимо плыл под белым небом потолка, а в комнате тем временем бушевал неистовый, малость истеричный шторм.

Хлипкая молния на старых Ивгиных джинсах не выдержала внезапного всплеска эмоций; Ивга безжалостно ее доломала. Так сжигают мосты; Ивга стягивала с себя все подряд, и голова у нее кружилась, как от изрядной дозы спиртного, и по полу прыгала шальная пуговица

от Назаровой тенниски. На ковер упали джинсы и свитер, полосатые носки свернулись клубками, как два перепуганных ежа; штаны Назара улеглись в замысловатом балетном пируэте, и сверху шлепнулась заколка для Ивгиных рыжих волос. Кораблик плыл, освещая комнату вполне интимным загадочным светом.

– Я... без тебя... не...

Через минуту они свалились с дивана. Прокатились через всю комнату, обнимаясь, смеясь сквозь слезы, сминая брошенную одежду; у подножия круглой табуретки случился наивысший миг их любви, после чего, не разжимая объятий, они снова взобрались на диван, под одеяло, и опять вцепились друг в друга, как два исстрадавшихся без ласки клещи.

– На... заруш... ка... Я...

Он пах теперь свежим горячим потом, Ивга вдыхала его аромат, как обалдевший кот нюхает валериановые капли. Одеяло дергалось, будто поверхность штормящего моря; кораблик поворачивался вокруг своей оси, плавно поводя острым бушпритом. Вокруг корабля виляла черная бабочка, неестественно огромная в сравнении с маленьким парусником; Ивга, придавленная горячим тощим телом, совершенно ясно осознала вдруг, что все ее прежнее существование было всего лишь предисловием к этому мигу настоящей жизни. И изо всех сил пожелала, чтобы этот миг длился вечно.

* * *

Под утро пошел дождь.

Ивга лежала на спине, натянув одеяло до самого носа. Дождь деликатно постукивал по жестяному козырьку над окном, а Назар сладко сопел, по-кошачьи прикрыв лицо ладонью; а больше в мире не было никаких звуков. Ни шороха.

Ивга не спала.

Сквозь плотно закрытые шторы не умел пробиться никакой рассвет; в комнате было темно, но Ивга знала, что там, снаружи, уже сереет дождливое небо. И, может быть, ветер скоро разгонит тучи. И, может быть, еще проглянет освобожденное солнце...

Она опустила веки. Незнакомо, неприятно ныло в груди – у нее никогда в жизни не болело сердце. Правда, все бывает в первый раз...

Хотелось поднять руку и потерять ребра с левой стороны – но Ивга боялась разбудить Назара.

В детстве ее заботили ощущения складных кукол – тех самых, что вкладываются одна в другую, меньшая в большую, маленькая в меньшую и так до самой крохотной; ее интересовало, что чувствует кукла, выбираясь, как из пальто, из чрева своей предшественницы и глядя на себя как бы со стороны...

Теперь она выбралась из себя, будто складная кукла. И со стороны увидела рыжую девчонку, лежащую в обнимку со спящим парнем. И задержала дыхание от тягостного предчувствия.

Уже утро; эта рыжая девчонка проспала каких-нибудь полчаса – но за время своего короткого сна успела увидеть верхушки леса, стелющегося далеко внизу, дымные коридоры горящего театра и тени танцующих чугайстеров. Вчера вечером она впервые в жизни пожелала остановить время, но время не послушалось – и правильно сделало.

Этот парень... нет, он не изменился. Он не сделался старше за время вынужденной разлуки; Ивга смотрит, как расслабленное счастье понемногу сползает с его спящего лица. На переносице рождается складка, печально опускаются уголки губ – Назару снится выбор, который предстоит сделать нынешним утром. Неприятный, тревожный сон.

Ивга с ужасом поняла, что предчувствие в ее груди сейчас сменится *осознанием*.

Ей захотелось закрыть глаза, зажмуриться перед лицом неминуемого понимания – но, если не решиться посмотреть судьбе в глаза, она обязательно догонит и пнет в спину. А то и пониже спины; Ивга перевела дыхание и впустила в себя осознание утраты.

Оно оказалось коротким и совершенно не болезненным. Просто отрывистое слово: все.

Все, вот теперь все. И как-то даже легче; она не может объяснить, почему так случилось. Не знает таких слов. Она просто чувствует. Так, наверное, лисица осознает момент, когда лисенок больше не нуждается в опеке, в узком шершавом языке, в тепле мохнатого бока...

Все.

Она выскользнула из-под одеяла и в полутьме принялась одеваться.

Разорванная застежка на джинсах заставила ее беззвучно расплакаться. Ну что за неверная нотка в патетической сцене расставания – негоже юной деве идти по улице в расстегнутых штанах...

Она знала, где у Назара хранятся иголки с нитками. Она сама их туда положила; Назар спал, складка на его переносице делалась все глубже, а его бывшая невеста поспешно сшивала брюки прямо на себе. Стежок за стежком, сдавленное шипение, когда иголка с размаху воткнулась в тело...

Он проснется – и испытает облегчение. Может быть, сам себе в этом не признается – ему будет казаться, что он подавлен, обижен, может быть, даже предан... Но главным его чувством будет ощущение свободы, и доктор Митец наверняка это оценит. Славный доктор Митец...

Ивга перекусила нитку. Штаны ее были зашиты наглухо, Назар спал, под темным потолком плыл темный парусник, потерявший вместе со светом и большую часть своего очарования. Все.

Уже в дверях она подумала, не написать ли записку – несколько слов, как это делается в мелодрамах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.